

51 #4 2024

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 51 #4 2024
25TH ANNIVERSARY
OF WIP

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPICS

- ◆ *WIP: First Quarter of a Century*
- ◆ *Overcoming “Heredity”*
- ◆ *Content Regulation in Cyberspace*
- ◆ *Information (Digital) Law in Universities*
- ◆ *Neurospace: Inputs and Outputs*
- ◆ *AI Visualization of Streamed Music*
- ◆ *Authorship Without an Author*

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2024

Том 51 #4 2024
25 ЛЕТ ЖУРНАЛУ
«ТИС»

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

- ♦ *«ТИС» — первая четверть века*
- ♦ *Преодоление «наследственности»*
- ♦ *Регулирование контента
в киберпространстве*
- ♦ *Информационное (цифровое) право
в университетах*
- ♦ *Нейропространство: входы и выходы*
- ♦ *Нейросетевая визуализация
стриминговой музыки*
- ♦ *Авторство без автора*

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2024

unesco
Chair

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on September 16, 2021 in the Federal Service of Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate of registration of mass media ФC77–81925.

The reproduction of articles and other materials against the will of the copyright holders is prohibited in accordance with paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code of the Russian Federation.

The RLS “ConsultantPlus” was used when preparing the journal.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Higher Education and Science of Russian Federation for the publication of the main research results for the degree of candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue “Russian Press” 11287

Address:
National Research University Higher
School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: tis@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

© National Research University
Higher School of Economics, 2024

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 51 #4 2024. DOI: [10.17323/tis.2024.v51](https://doi.org/10.17323/tis.2024.v51)

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ФC77–45963 dated 15/07/2011)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

MARIA KATKOVA (HSE, Russian Federation)

Editorial Board:

BATURIN YURI (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)
BLIZNETS IVAN (Griboedov Moscow University, Russian Federation)
GADZHIEV GADIS (HSE University, Russian Federation)
GAVRILOV EDUARD (HSE University, Russian Federation)
DIETZ ADOLF (Max Planck Society, Germany)
IVLIEV GRIGORY (Eurasian Patent Office)
IMANOV KAMRAN (Intellectual Property Agency, Republic of Azerbaijan)
KOVALEVA NATALIA (HSE University, Russian Federation)
KRASNOV MIKHAIL (HSE University, Russian Federation)
MAGGS PETER (University of Illinois, USA)
NAUMOV VICTOR (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
NERETIN OLEG (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)
NUSSBERGER ANGELIKA (University of Cologne, Germany)
PASCALI MICHELANGELO (University of Naples Federico II, Italy)
POLYAKOVA TATIANA (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
POTAPENKO SERGEY (Kuban State University, Russian Federation)
RASSOLOV ILYA (Moscow City University, Russian Federation)
SAIDOV AKMAL (National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan)
SERGEEV ALEXANDR (HSE University, Russian Federation)
SERGO ANTON (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)
TEDEEV ASTAMUR (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)
SHAKHNAZAROV BENIAMIN (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)
SHAKHRAY SERGEY (HSE University, Russian Federation)
VOINIKANIS ELENA (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

unesco

Кафедра

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, кор. 4, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел. +7 495 772 95 90 * 15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:
Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024

Напечатано с готового оригинал-макета. ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42.

Подписано к печати 22.11.2024
Формат 60×90 1/8. Усл.печл. 20,5.
Тираж 200 экз. Заказ №

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 51 #4 2024. DOI: 10.17323/tis.2024.v51

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ
№ 018878 от 28. 05. 1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор

ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

КАТКОВА М.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:

БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

ИВЛИЕВ Г.П. (Евразийское патентное ведомство)

ИМАНОВ К.С. (Агентство интеллектуальной собственности, Азербайджанская Республика)

КОВАЛЕВА Н.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НАУМОВ В.Б. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности, Российская Федерация)

НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)

ПАСКАЛИ М. (Неаполитанский университет имени Федерико II, Италия)

ПОЛЯКОВА Т.А. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет, Российская Федерация)

САИДОВ А.Х. (Национальный центр по правам человека, Республика Узбекистан)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российская Федерация)

ТЕДЕЕВ А.А. (Университет МГУ-ППИ в Шеньчжэне, КНР)

ШАХНАЗАРОВ Б.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ШАХРАЙ С.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

TABLE OF CONTENTS

The First Quarter of a Century of “Works on Intellectual Property” Quarterly	8	
5.1.2; 5.1.3. Juridical Sciences		
INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS		
M.A. KRASNOV. The State and Society: to Overcome “Heredity”	18	
E.A. VOINIKANIS. Internet Content Regulation in the Context of Legal and Extra-Legal Global Trends.	27	
V.B. NAUMOV. Problems of Digital Preservation of Cultural Heritage: Looking for Social and Legal Solutions.	37	
A.Kh. SAIDOV. Legal Basis for the Protection of Human Rights in the Context of Digitalization (the Experience of Uzbekistan).	51	
A.A. TEDEEV. Information (Digital) Law in Higher Education in the Post-Soviet Space (Using the Example of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic)	58	
D.D. SHTODINA “Neurospace” and Human Rights: Discussion Aspects.	66	
INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS		
R.A. BUDNIK, V.V. GURYANOV, E.G. EVPAK. AI Visualization as a New Trend of Extra Monetization of Streamed Music for Indie Artists.	80	
E.I. KAMINSKAYA, A.A. SCHCERBAKOV. Once Again About Intellectual and Property Rights. Is the Line Separating them so Insurmountable?	123	
N.V. BUZOVA. Use of Copyright and Related Rights Objects on Digital Platforms and Services.	133	
ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW		
R.D. MARTINS. Authorship Without an Author: Legal Aspects of Works Created by AI	143	
M. PASCALI. Critical Aspects of the Use of Artificial Intelligence in the Legal Profession	153	
Bibliography of the “Works on Intellectual Property” quarterly for 2024	158	
ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS AT THE HSE UNIVERSITY		162

СОДЕРЖАНИЕ

Первые четверть века журнала «Труды по интеллектуальной собственности»	8
5.1.2; 5.1.3. Юридические науки	
ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	
М.А. КРАСНОВ. Государство и общество: преодолеть «наследственность»	18
Е.А. ВОЙНИКАНИС. Регулирование интернет-контента в контексте правовых и внеправовых глобальных тенденций	27
В.Б. НАУМОВ. Проблемы цифрового сохранения культурного наследия: в поисках социально-правовых решений	37
А.Х. САИДОВ. Правовые основы защиты прав человека в условиях цифровизации (опыт Узбекистана)	51
А.А. ТЕДЕЕВ. Информационное (цифровое) право в высшей школе на постсоветском пространстве (на примере Российской Федерации и Кыргызской Республики)	58
Д.Д. ШТОДИНА. «Нейропространство» и права человека: дискуссионные аспекты	66
ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	
Р.А. БУДНИК, В.В. ГУРЬЯНОВ, Е.Г. ЕВПАК. Нейросетевая визуализация как новый тренд дополнительной монетизации стриминговой музыки инди-артистов	80
Е.И. КАМИНСКАЯ, А.А. ЩЕРБАКОВ. Еще раз о правах интеллектуальных и вещных. Так ли непреодолима разделяющая их грань?	123
Н.В. БУЗОВА. Использование объектов авторского права и смежных прав на цифровых платформах и сервисах	133
ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	
Р.Д. МАРТИНС. Авторство без автора: правовые аспекты произведений, созданных ИИ	143
М. ПАСКАЛИ. Значимые аспекты использования искусственного интеллекта в юридической профессии	153
Библиографический указатель публикаций в журнале «Труды по интеллектуальной собственности» в 2024 г.	158
О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»	160

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ЖУРНАЛА

«ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

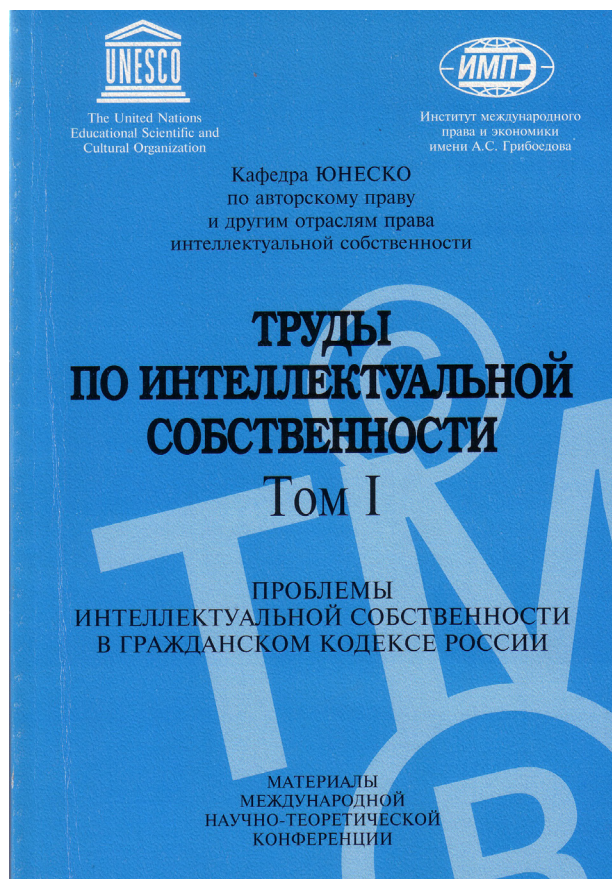
В декабре 1999 г. вышел в свет первый том журнала «Труды по интеллектуальной собственности», который мы любовно называем коротко «ТИС». Его тогдашняя редакция — Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности при Институте международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова, ИМПЭ) — еще только формировалась. Дизайн, верстка и тираж журнала были весьма скромны, а размер позволял положить его в карман и читать в метро. По внешнему виду это была скорее брошюра, нежели полноценный научный журнал. Но по содержанию «ТИС» с первого же номера заявил о себе как о весьма серьезном издании. Именно таким он был задуман в наших с Виктором Абрамовичем Дозорцевым дискуссиях за чашкой чая.

В обращении к читателям говорилось: «[Этой брошюрой] мы открываем, будем надеяться, длинную вереницу будущих томов, посвященных проблемам авторского права и смежных прав, патентного права, защиты товарных знаков и селекционных достижений, компьютерных программ и топологии интегральных микросхем. Здесь найдется место для публикаций по вопросам правового регулирования рекламы и деятельности средств массовой информации. Особое внимание мы намерены уделять нетрадиционным объектам интеллектуальной собственности, зарождающимся ныне в недрах киберпространства и лабораториях ученых».

В первом томе «ТИС» научных статей не было вовсе: он целиком и полностью был отдан материалам международной научно-теоретической конференции «Проблемы интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе России», организованной Кафедрой ЮНЕСКО 26 марта 1999 г. при участии Исследовательского центра частного права при Президенте РФ. Этот форум позволил научной общественности не только поближе познакомиться с альтернативными проектами нынешней четвертой части Гражданского кодекса РФ, но и обсудить в острой полемике их достоинства и недостатки. Дискуссия собрала крупнейших авторитетов в области правовой охраны ин-

теллектуальной собственности, включая прежде всего В.А. Дозорцева, А.П. Сергеева, Е.А. Суханова, других ученых-правоведов, а также юристов-практиков, представителей профильных парламентских комитетов и органов исполнительной власти. В обсуждении законопроектов принял участие глава Роспатента А.Д. Корчагин. Выступления таких признанных специалистов, как Михай Фичор (Всемирная организация интеллектуальной собственности, WIPO), Евгений Герасимов (ЮНЕСКО) и Поль Флорансон (TACIS Program on Intellectual Property), а также директора Московского бюро ЮНЕСКО Вольфганга Ройтера придали конференции подлинно международный характер.

Публикация материалов конференции в журнале «ТИС» дала возможность широкому кругу читателей не только познакомиться с законопроектами и лежащими в их основе концептуальными подходами,

но и оценить тот блеск, с которым лидеры конкурирующих авторских коллективов парировали доводы оппонентов, а также их толерантность, позволившую в конце концов констатировать постепенное сближение позиций. Именно расширение «площади согласия» стало с тех пор одним из основополагающих принципов редакционной политики журнала «ТИС». Другим таким принципом была и остается свобода научного поиска.

Второй том журнала был построен приблизительно по той же схеме, что и первый, — он содержал материалы круглого стола «Актуальные проблемы информационного права». Тем самым редакция журнала как бы давала понять, что Кафедра ЮНЕСКО не намерена ограничиваться проблематикой авторского права, смежных прав, промышленной собственности и т.д., но планирует шире смотреть на предмет своих исследований, полагая границу между правом интеллектуальной собственности и информационным правом размытой и подвижной.

Дискуссия, организованная Кафедрой ЮНЕСКО совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 27 января 2000 г., продемонстрировала большие различия в представлениях ученых-правоведов — И.А. Бачило, В.А. Копылова, В.Н. Лопатина, С.В. Потапенко, М.А. Федотова и др. — об основных характеристиках науки информационного права. Поэтому напрашивался вывод: речь идет не о естественном расхождении во взглядах на один и тот же предмет, а о разных предметах, единственная схожесть которых заключается в применении по отношению к ним общего названия — «информационное право». Разумеется, подобная ситуация была вполне естественна в условиях первоначального накопления научных знаний о предмете. Но реальные потребности формирования правовой основы информационного общества уже тогда диктовали необходимость скорейшего прохождения этой фазы, чтобы синхронизировать прогресс информационных и коммуникационных технологий с развитием правовых и этических регуляторов, применимых к отношениям в киберпространстве.

Третий том «ТИС» был построен уже совершенно иначе. В нем под общим названием «Проблемы охраны интеллектуальной собственности в России и Западной Европе» мы собрали материалы совместного лекционного курса для студентов и специалистов, организованного в 1999-2000 гг. совместными усилиями Кафедры ЮНЕСКО, МГИМО (У) МИД РФ и TACIS Program on Intellectual Property. Суть проекта состояла в том, чтобы дать возможность российским студентам, аспирантам, исследователям и практикующим юристам познакомиться с точками зрения ведущих

российских и западноевропейских правоведов по наиболее актуальным проблемам правовой охраны интеллектуальной собственности.

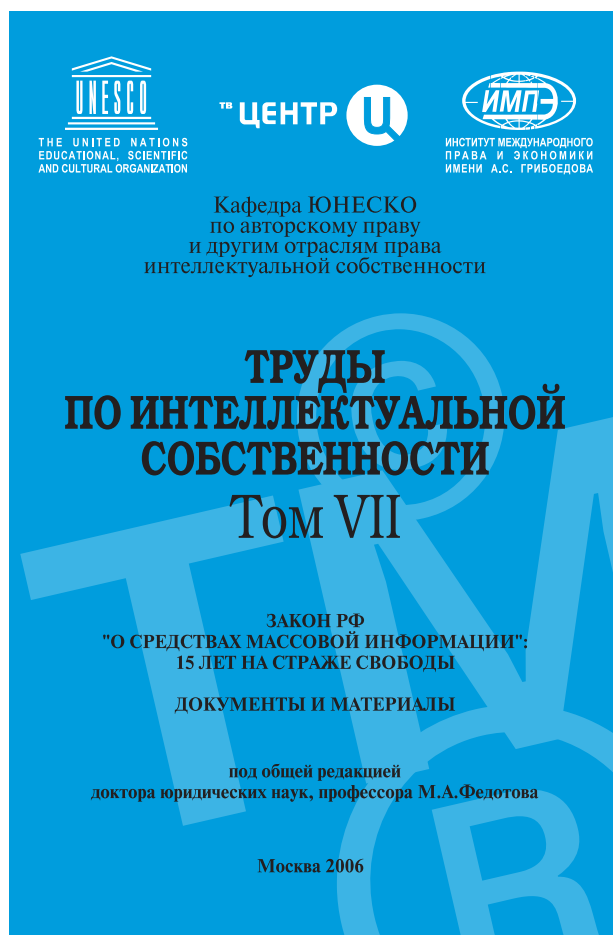
Организаторы совместного курса стремились к тому, чтобы максимально сблизить темы лекций, читаемых в рамках каждого лекционного дня (их состоялось шесть), и тем самым позволить аудитории яснее увидеть различия в подходах к одним и тем же проблемам. Мы исходили из того, что распространение накопленного мировым сообществом опыта правового регулирования данной сферы будет способствовать совершенствованию отечественного законодательства, укоренению уважительного отношения к интеллектуальным правам, становлению эффективной практики управления ими и их защиты.

В совместных лекционных днях приняли участие с российской стороны профессор И.А. Блинец, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, А.П. Сергеев, М.А. Федотов, а с западноевропейской — ведущие эксперты GESAC (European Grouping of Societies of Authors and Composers, Европейского объединения авторских и композиторских обществ) профессора Ж.-П. Клавье, П. Флорансон, М. Элст, А. Люка, Э.-П. Роччиоли и М. Хилл. Послушать их лекции приходили не только студенты, аспиранты и преподаватели московских вузов, но и их коллеги из многих других регионов России. Публикация лекционных материалов в журнале «ТИС» позволила не потерять этот бесценный опыт.

Четвертый том «ТИС», вышедший в 2001 году, был целиком отдан под учебник «Правовые основы журналистики», а **пятый** — под материалы международного семинара «Региональные стратегии развития в области коммуникации на постсоветском пространстве», проведенного Кафедрой ЮНЕСКО совместно с Международной конфедерацией журналистских союзов и TACIS Program on Intellectual Property 17-18 октября 2001 г.

Шестой том журнала, вышедший в 2003 г., впервые был организован по классической схеме научного периодического издания — он содержал двенадцать научных статей, объединенных в два раздела: «Право интеллектуальной собственности» и «Информационное право». Очевидным недостатком данного номера было то, что в нем публиковались почти исключительно ассоциированные члены Кафедры ЮНЕСКО. Конечно, посторонним авторам вход не был заказан, однако сам журнал еще не был достаточно известен целевой аудитории.

Следующий, **седьмой том** «ТИС» вышел только в 2006 г. Он выбивался из общей череды прежних выпусков не только своим большим объемом, но и тем, что был юбилейным — поводом для его подготов-

ки стало 15-летие Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации». Кафедра решила целиком посвятить данный том многолетней истории этого уникального российского закона, одного из немногих чудом сохранившихся юридических памятников первых месяцев новейшей российской государственности. Естественно, данный номер «ТИС» должен был включать значительное число архивных материалов, в том числе стенограммы парламентских заседаний, выдержки из выступлений и указов главы государства. Все это нужно было снабдить краткими научными комментариями, без которых за давностью лет читателям могло быть трудно разобраться в сути обсуждавшихся вопросов.

При подготовке данного тома возникли совершенно неожиданные трудности, связанные, в частности, с тем, что многие документы, отложившиеся в деятельности парламентского Комитета по СМИ в начале 1990-х годов, погибли в результате пожара в здании Верховного Совета РФ 4 октября 1993 г. Кроме того, оказалось, что тексты выступлений первого Президента России Б.Н. Ельцина не собраны в каком-либо общедоступном источнике в систематизированном виде. Выяснилось также, что даже официальные стенограммы заседаний Съезда народных де-

путатов РФ, Верховного Совета РФ и его палат найти в крупнейших российских библиотеках не так просто.

Редакции «ТИС» удалось преодолеть эти трудности. В результате в первом разделе журнала был помещен текст брошюры с инициативным авторским проектом данного закона и авторским же к нему комментарием. Второй раздел рассказывал об извилистом пути законопроекта в российском парламенте. Третий раздел касался первых и, к счастью, безрезультатных попыток радикально изменить Закон о СМИ. В четвертом разделе давался анализ поправок, внесенных в Закон о СМИ за последующие 15 лет. Наконец, пятый раздел содержал расположенные в хронологическом порядке выдержки из выступлений и указов главы российского государства, показывающие трансформацию взглядов руководства страны на такие проблемы, как свобода массовой информации, экономическая независимость СМИ, медийное саморегулирование и т.д.

Восьмой том журнала вышел в 2007 г. Он содержал материалы трех научно-практических форумов, организованных Кафедрой ЮНЕСКО совместно с Национальной ассоциацией телерадиовещателей и связанных между собой единством проблематики: научно-практической конференции «Проблемы и перспективы коллективного управления авторскими и смежными правами» (22 ноября 2005 г.), круглого стола «Перспективы совершенствования коллективного управления авторскими и смежными правами на ТВ и радио» (17 февраля 2006 г.) и круглого стола «Коллективное управление смежными правами в сфере телерадиовещания: поиск оптимальных решений» (22 сентября 2006 г.).

Обращение к проблематике коллективного управления авторскими и смежными правами было, разумеется, неслучайным. Ожесточенные, в том числе судебные, споры между организациями, позиционирующими себя в качестве обществ по управлению авторскими и смежными правами на коллективной основе (ОКУП), продолжались к тому моменту уже около десяти лет. Острая конкуренция, спровоцированная несовершенством Закона РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», привела к тому, что в сфере авторских прав система коллективного управления сталкивалась с большими трудностями, предопределенными отсутствием государственной аккредитации ОКУП, а в сфере смежных прав практически не работала.

Очевидная острота обсуждавшихся проблем не могла не придать дискуссии повышенную эмоциональность. Поэтому, готовя материалы к публикации, редакция постаралась убрать из стенограмм то, что было порождено всплеском чувств, но сохранить

в неприкосновенности все прозвучавшие аргументы и контраргументы. Дискуссия способствовала выработке оптимального механизма государственной аккредитации ОКУП, который и был закреплен в четвертой части Гражданского кодекса РФ.

Девятый том «ТИС» вышел в 2009 г. уже под эгидой Высшей школы экономики, куда была передислоцирована Кафедра ЮНЕСКО, и был посвящен истории формирования российского законодательства о гласности. Идея собрать вместе материалы, отражающие многотрудный процесс формирования принципиально новой отрасли законодательства, впервые прозвучала в декабре 2007 г. на традиционной конференции, ежегодно организуемой Институтом проблем информационного права факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова во главе А.Г. Рихтером к очередной годовщине принятия Закона о СМИ. Попутно замечу, что заложенная профессором А.Г. Рихтером традиция сохранилась до наших дней: в декабре 2024 г. эта конференция, перебазирувавшаяся в Высшую школу экономики и получившая название «МЕДИАПРАВО-202...», состоится уже в тридцать третий раз.

Собирая девятый том журнала, мы предполагали, что его придется озаглавить примерно так: «Двадцать лет бесплодных попыток принять Закон о гласности». Действительно, первому варианту проекта Закона о гласности к тому моменту уже исполнилось двадцать лет, а перспективы принятия чего-либо подобного все еще казались туманными. Однако именно 2008 г. решительно изменил, казалось, совершенно безнадежную историю с этим Законом. Конечно, законопроект, созданный в горбачевскую эпоху, так и «остался в чернильнице» как нереализованная возможность демократизации страны. Но некоторые его идеи все-таки воплотились в принятых на рубеже 2008-2009 гг. федеральных законах о доступе к информации, о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также о деятельности судов.

Когда на смену проектам и концепциям пришли конкретные федеральные законы (со всеми их достоинствами и недостатками), перед научным сообществом встали вопросы о том, как полнее реализовать эти достоинства и как эффективнее исправить недостатки. Ответы на эти вопросы попытались дать авторы статей, опубликованных в девятом томе «ТИС».

И вновь в издании журнала случился перерыв. **Десятый том** «ТИС» увидел свет только в 2012 г., однако с этого момента журнал выходит с постоянной периодичностью четыре номера в год.

О разнообразии тем и широкой географической представленности авторов убедительно свидетель-

ствует библиографический указатель, опубликованный в четвертом номере «ТИС» за 2023 г. В середине 2021 г. журнал стал официальным изданием Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», что позволило значительно улучшить его дизайн, изменить формат и увеличить тираж. В нем появились цветные иллюстрации, а качество бумаги соответствует самым высоким стандартам современной полиграфии. Сегодня журнал «Труды по интеллектуальной собственности» по праву может считаться «глянцевым» научно-аналитическим журналом, за что редакция безмерно благодарна Издательскому дому ВШЭ.

Нынешний, пятьдесят первый по счету, номер «ТИС» является юбилейным, что не могло не отразиться на его содержании: он открывается предисловием главного редактора и поступившими в адрес редакции поздравлениями. Но в остальном это обычный по наполнению номер. И тот факт, что в нем оказалось столько поистине прорывных статей, написанных авторитетными специалистами, говорит лишь о том, с каким уважением и какой заботой экспертное сообщество относится к нашему общему любимому детищу — журналу «ТИС».

Редакция постарается сделать все от нее зависящее, чтобы и в следующую четверть века журнал сохранил столь дорогой нам баланс академизма и авангардизма, широты тематического охвата и глубины специализации, теоретичности и практичности. Как у нас это получится, будет судить наши читатели.

*Главный редактор журнала
«Труды по интеллектуальной собственности»
(Works on Intellectual Property)»
Михаил Федотов*

СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА ЕВРАЗИЙСКОГО ПАТЕНТНОГО ВЕДОМСТВА

От имени коллектива Евразийского патентного ведомства примите самые искренние поздравления с замечательной датой — 25-летием со дня выхода первого номера одного из самых значимых периодических изданий в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации, создание которого — Ваша несомненная заслуга!

25 лет — небольшой срок по меркам юридической науки, которая берет свои истоки в Древнем мире. Но этот срок огромен с точки зрения права интеллектуальной собственности как молодой системы, история которой насчитывает немногим более пяти веков. Он значителен и с позиции технологий, стремительно врывающихся в нашу жизнь и так же стремительно исчезающих из нее, сменяемых другими, новыми, которые активно влияют на эту подотрасль гражданского права и вынуждают ее трансформироваться под их воздействием.

25 лет для научно-аналитического журнала по вопросам авторского права, смежных прав и права промышленной собственности — это веха в истории не только специализированной юридической периодической печати, но и науки гражданского права, коренным образом пересмотренной в этой части после распада Союза ССР. Науки, которая впитала в себя основные теоретические концепции и взгляды, характерные для стран континентальной правовой семьи, отдельные подходы, реализованные в законодательстве стран общего права, но при этом исходила и продолжает исходить из национальных интересов и потребностей российского общества.

Немалая заслуга в укоренившемся с конца 90-х годов в России научно обоснованном подходе к развитию системы права интеллектуальной собственности принадлежит именно научно-аналитическому журналу «Труды по интеллектуальной собственности». Журнал объединил под своим крылом ведущих ученых и практиков в сфере авторского права, смежных прав и права промышленной собственности, стал площадкой для обмена взглядами и идеями, для обсуждения актуальных вопросов и выработки подходов к их решению, для популяризации знаний об интеллектуальной собственности.

Журнал стал колыбелью для молодых специалистов, которые когда-то приняли решение связать свою жизнь с проблемами правовой охраны и защиты результатов интеллектуальной деятельности, позволил им вырасти в успешных ученых, законодателей

и практиков. И сегодня журнал продолжает оставаться важным ресурсом и базой для формирования нового поколения экспертов по вопросам авторского права, смежных прав, права промышленной собственности.

Несомненными достоинствами научно-аналитического журнала «Труды по интеллектуальной собственности» являются многовекторность его тематики, интернациональность публикуемых в нем научных взглядов, междисциплинарный характер включаемых в него материалов. Последние охватывают весь спектр научных интересов, смежных с правом интеллектуальной собственности и затрагивающих как следствие вопросы экономики знаний, инноваций, философии, этики и социологии права. Без решения этих вопросов невозможно выстроить эффективную систему стимулирования авторов результатов научного, научно-технического, художественного и иных видов творчества и внедрения последних в гражданский оборот, их трансформацию в нематериальные активы, создающие конкурентные преимущества на рынке для их правообладателей. При этом мы ждем от редакции журнала выверенных публикаций статей, соответствующих современным правовым реалиям.

Особенно приятно отметить, что между научно-аналитическим журналом «Труды по интеллектуальной собственности» и Евразийским патентным ведомством установились деловые и дружеские отношения, позволяющие вести конструктивный диалог на различные темы, связанные с совершенствованием норм национального и регионального права в рассматриваемой сфере.

Евразийское патентное ведомство надеется на долгое плодотворное сотрудничество с редакцией научно-аналитического журнала «Труды по интеллектуальной собственности» и желает авторам журнала благополучия, новых перспектив, творческих идей, смелых решений и дальнейших успехов во всех делах и начинаниях!

*Президент Евразийского патентного ведомства
Григорий Ивлиев*

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПО СЛУЧАЮ 25-ЛЕТИЯ ВЫХОДА ПЕРВОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА «ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Уважаемые коллеги!

Поздравляю редакционный совет, сотрудников редакции и всех читателей научно-аналитического журнала «Труды по интеллектуальной собственности» (Works on Intellectual Property) с его четвертьвековым юбилеем!

За прошедшие два с половиной десятилетия журнал сильно изменился. Родившись ежегодным бюллетенем карманного формата с весьма скромным дизайном и мизерным тиражом, при содействии издательской программы «Вышки» журнал превратился в ежеквартальное издание, обрел цвет и великолепное полиграфическое исполнение. Но главное — расширился круг авторов и читателей журнала, раздвинулись тематические границы его содержания, вырос его авторитет как в научном мире, так и среди практикующих работников. Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ, которая все эти годы в соответствии с соглашением между нашим университетом и ЮНЕСКО выполняет функции редакции, поддерживает на неизменно высо-

ком уровне стандарты качества публикуемых материалов, отдавая предпочтение темам, которые находятся на острие научного поиска.

Свое 25-летие журнал встречает на очередном подъеме. В этом году читатели «ТИС» впервые получают электронный англоязычный дайджест, содержащий опубликованные ранее статьи, которые могут быть интересны зарубежной аудитории. Такой дайджест теперь будет выходить ежегодно, внося свой вклад в накопление научных знаний и международное интеллектуальное сотрудничество.

Еще раз поздравляю всех причастных с юбилеем журнала «Труды по интеллектуальной собственности», желаю его создателям достижения очередных профессиональных высот и творческих успехов, а читателям — знакомства с новыми интересными и познавательными материалами на его страницах!

Никита Анисимов,
ректор НИУ ВШЭ

Уважаемый Михаил Александрович!

От коллектива Суда по интеллектуальным правам и от себя лично поздравляю Вас и редакцию журнала «Труды по интеллектуальной собственности» с 25-летним юбилеем!

За последние годы благодаря развитию новых технологий произошли существенные изменения правоотношений в сфере интеллектуальной собственности, обозначились новые тенденции и новые вызовы в юридической науке.

Пролетевшая четверть века для отечественного права интеллектуальной собственности — это сложный период формирования, становления и развития принци-

пиально иной модели регулирования, основанной на потребностях рыночной экономики.

Все эти изменения нашли и находят отражение на страницах вашего журнала в разнообразных материалах, подготовленных уважаемыми и признанными специалистами в области права интеллектуальной собственности.

В этот торжественный день примите наши искренние поздравления, а также пожелания успеха и вдохновения всей редакции журнала «Труды по интеллектуальной собственности»!

Председатель Суда по интеллектуальным правам

Л.А. Новоселова

UNESCO

Комиссия
Российской Федерации
по делам ЮНЕСКО

№ 15786 / ДМГК
10.10.2024

КОМИССИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДЕЛАМ ЮНЕСКО
COMMISSION OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR UNESCO
COMMISSION DE LA FÉDÉRATION SE RUSSIE POUR L'UNESCO

Секретариат Комиссии:
119200, Москва, Смоленская-
Сенная площадь, дом 32,34

Secretariat de la Commission:
32/34 Smolenskaya-Sennaya pl.,
Moscow, 119200

Secretariat of the Commission:
32/34 Smolenskaya-Sennaya Sq.,
Moscow, 119200

тел./tel.: +7 499 244 2456, факс/fax: +7 499 244 2475, e-mail: unescorussia@mid.ru

КОЛЛЕКТИВУ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА
«КАФЕДРА ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ
И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ» НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

От имени Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО поздравляю коллектив Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ с 25-летием со дня выхода в свет первого номера научно-аналитического журнала «Труды по интеллектуальной собственности». На сегодняшний день в этом периодическом печатном издании публикуются статьи преподавателей и студентов российских и зарубежных вузов, а также практикующих юристов.

Тематика журнала охватывает не только традиционные институты авторского права, но и современные направления в данной сфере, например технологии искусственного интеллекта, синтетические виды творчества. Журнал способствует развитию междуниверситет-

ского сотрудничества в соответствующих отраслях правовой науки, а также информированию широкой общественности о деятельности ЮНЕСКО в сферах интеллектуальной собственности, защиты традиционных знаний, фольклора, объектов культурного наследия и т.д.

Желаю коллективу редакции журнала «Труды по интеллектуальной собственности» неуклонно расширять круг своих авторов и читателей, находить перспективные темы, имеющие научное и практическое значение, и продвигать ценности ЮНЕСКО в целях достижения интеллектуальной и нравственной солидарности человечества.

Ответственный секретарь Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО

А. Алимов

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Факультет права

М.А. Федотову, директору международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам», главному редактору журнала «Труды по интеллектуальной собственности», доктору юридических наук, профессору, Заслуженному юристу Российской Федерации

Уважаемый Михаил Александрович!

Факультет права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» поздравляет Вас и весь коллектив научно-аналитического журнала «Труды по интеллектуальной собственности» с 25-летием издания!

Журнал занимает особое место в научном мире, являясь площадкой для открытого диалога и обсуждения актуальных проблем в сфере интеллектуальной собственности и информационного права. С момента основания в 1999 г. журнал стал символом преемственности и развития научных идей, объединив

вокруг себя выдающихся российских и зарубежных правоведов.

Благодаря высокому уровню статей и сотрудничеству с ведущими экспертами журнал способствует формированию новых подходов и решений в сфере интеллектуальной собственности.

Желаем Вам и всему коллективу журнала дальнейших творческих успехов, новых интересных проектов и неизменного интереса со стороны читателей и научного сообщества.

Декан факультет права НИУ ВШЭ, д.ю.н. профессор

В.А. Виноградов

Российская Академия Наук

АКАДЕМИК

**ТОСУНЯН
ГАРЕГИН АШОТОВИЧ**

тел./ф. (495) 691-66-30
e-mail: g.tosunyan@mail.ru

В редакцию журнала
«Труды по интеллектуальной собственности»

**Уважаемый Михаил Александрович!
Уважаемая редакция!**

Примите поздравления и наилучшие пожелания по случаю 25-летия вашего журнала.

В российском научном сообществе научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property)», уже давно для краткости и ясности называемый просто «ТИС», воспринимается многими как источник новых идей, оригинальных концепций, нетривиальных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Публикуемые в вашем журнале статьи, как правило, затрагивают актуальные, малоисследованные, а порой даже экзотические проблемы вроде нейроправа, трансгуманизма, метатеории интеллектуальной собственности и т.п.

В то же время журнал рассматривает и практические темы, расширяя аудиторию за счет адвокатов, судей, патентных поверенных, юридического консалтинга и инхауса.

Отрадно, что «ТИС» не закрывает двери перед теми, кто только начинает свой путь в юридической науке. Здесь могут в одном номере соседствовать статьи членов академий наук и студентов, поскольку требования к рукописям общие — актуальность, доказательность, научная новизна, теоретическая и практическая ценность.

Ценно и то, что журнал не замыкается на сугубо юридическом, нормативистском подходе к обсуждаемым проблемам. Вот почему среди его авторов — не только юристы, но и социологи, историки, философы, экономисты, психологи, политологи, представители других общественных наук.

Уважаемый Михаил Александрович, желаю журналу процветания, а коллективу редакции — новых прорывных публикаций, новых интересных авторов, высоких наукометрических рейтингов и, главное, признательности и преданности аудитории.

С уважением,
Академик РАН

Гарегин Тосунян

Научная статья

УДК: 342.571

DOI: 10.17323/tis.2024.23968

Original article

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ПРЕОДОЛЕТЬ «НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ»

THE STATE AND SOCIETY: TO OVERCOME "HEREDITY"

Михаил Александрович КРАСНОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
mkrasnov@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-5641-4689

Информация об авторе

М.А. Краснов — профессор Высшей школы юриспруденции и администрирования НИУ ВШЭ, ординарный профессор НИУ ВШЭ, доктор юридических наук

Аннотация. Специфические условия, в которых формируется гражданское общество в России, обязаны длительной истории, в ходе которой народ практически никогда не обладал субъектностью и в массовом сознании не формировались ценности свободы, личной автономии, ответственности, гражданской солидарности и т.п. Тем не менее автор приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу, что именно от государства зависят темпы и характер формирования подлинно гражданского общества. Однако парадокса тут нет. С одной стороны, Россия не будет устойчиво развиваться вне демократической системы, с другой — демократия, во всяком случае стабильная демократия, невозможна без подлинного гражданского общества, без его развитых институтов.

В то же время, поскольку в обществе отсутствуют навыки гражданской солидарности, навыки требовательности граждан к государству и т.п., процесс создания гражданского общества может затянуться на долгие десятилетия. Но у России нет такого ресурса времени. В этих условиях именно государство должно взять на

- себя роль «заботливого садовника». Конечно, тут есть
- опасность «огосударствления» институтов гражданского общества. Чтобы этого не происходило, само государство должно быть правильно организовано, и это станет
- основой для его заинтересованности в превращении населения из подданных в граждан, в появлении разви-
- того гражданского общества, в изменении стереотипов сознания и поведения не только активной части народа, но и относительно пассивного большинства.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, конституционная демократия, солидарность, субъектность народа

Для цитирования: Краснов М.А. Государство и общество: преодолеть «наследственность» // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 18–26; DOI: 10.17323/tis.2024.23968

Mikhail A. KRASNOV

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
mkrasnov@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-5641-4689

Information about the author

- М.А. Краснов — Professor of the Higher School of Law and Administration of the Higher School of Economics, Ordinary Professor of the Higher School of Economics,
- Doctor of Law

селения и отсутствия обособленных общественных групп — феодальных, городских, церковных — в России не могло явиться западноевропейское понятие государства (Status) как равновесия самостоятельных и равносильных элементов. Самое слово “государство” = господарство в первоначальном своем значении указывает на домовладыку, который, конечно, не был представителем равновесия борющихся домохозяев, а был *полновластным хозяином родового общества* (во всех цитатах курсив мой. — М.К.)» [3, с. 108–109].

Тут, впрочем, стоит пояснить, что В.С. Соловьев, говоря о западноевропейском понятии государства как о равновесии «самостоятельных и равносильных элементов», на самом деле имел в виду страну (государство вместе с обществом). Между тем Людовик XIV в своей известной фразе отождествлял себя именно с государством, т.е. как государь, *объединяющий* страну, но *не господствующий* над ней. Напротив, не только Иван Грозный, но и Петр I, и Сталин вполне могли утверждать: «*Страна — это я*».

Когда у народа нет субъектности, он не в состоянии ощущать себя единой, солидарной нацией (в гражданском смысле этого слова), и даже абсолютный правитель не в состоянии объединить ее. Только в отдельные моменты истории у народа появляется такое ощущение. В России это было связано с периодами, когда сама государственность находилась под угрозой исчезновения (начало положила национальная консолидация для противостояния монгольскому игу в конце XIV в.) или когда страна вела войны, смысл которых был понятен народу и одобряем им.

Данная закономерность была подмечена русскими историками и философами. Так, Е.Н. Трубецкой, воспринимая войну, которую Россия с союзниками вела в 1914–1918 гг. против Германии и Австро-Венгрии, как освободительную, написал в 1915 г.: «Только в эти минуты национального вдохновения ощущаем мы *единую* Россию. Только тогда обретает она это совершенное единство и цельность, когда история ставит перед ней великую цель, которая приподнимает ее над нею самою, над ее национальным эгоизмом. России нужно чувствовать, что она служит не себе только, а всему человечеству, всему миру. Только тогда она несокрушимо верит в себя и в самом деле хочет победить» [4, с. 372].

Однако в российской истории почти не было периодов, когда бы народ консолидировался для того, чтобы как-то ограничить всевластие государства. Не являясь социологом, не берусь утверждать категорично, но, вполне возможно, это было связано с глубинным конфликтом народа с государством. Во всяком случае, многие исследователи так полагают. Например, по выражению Н.А. Бердяева, в России

«народ нуждался во власти над собой и чувствовал инородность этой власти» [5, с. 34]. А такое противоречие снимается ментальным отделением «государя» от «государства», понимаемого как совокупность чиновничества, полиции, судов и т.п. («Царь хороший, бояре плохие»). Социальный психолог Т.Г. Стефаненко также указывала на это, говоря, что «царецентризм» (признание единоличной власти как естественной) есть «способ психологической защиты в ответ на *постоянный конфликт между народом и государством*: так как государство на протяжении веков воспринималось как *нечто чужеродное*, вмешавшееся во внутреннюю жизнь общины, отношения между ними способен был урегулировать только покровитель народа — царь» [6, с. 147].

Эта мысль о некоей «антигосударственности» российского общества довольно популярна. Л.С. Мамут пишет о «вращенной веками неприязни российских масс к государственному началу» [7, с. 112]; Э.А. Паин — о «недоверии к любой власти, кроме самой высшей» [8, с. 15], и о «восприятии главы государства не как элемента единой институциональной политической среды, а исключительно в личном качестве — как дара судьбы» [9, с. 10]; И.М. Клямкин — о «глубоко укоренившейся вражде к государству и правящим группам» и о «сакрализации царя при враждебном восприятии всех институтов и словесий» [10, с. 7, 12].

Разумеется, такая «антигосударственность» не есть нечто врожденное. Само *устройство власти* в России, начиная, видимо, с XV в., было направлено на исключение, подавление народной субъектности. Не появилась у народа субъектность и в советском государстве, хотя официальная доктрина представляет понятие «власть народа» как стержневое. Но, отрицая разделение властей, плюрализм, политическую конкуренцию, эта доктрина стала основой системы, которая за семь десятилетий своего существования окончательно дискредитировала понятие «гражданин», что сказалась на качестве постсоветской (ментально оставшейся советской) политической элиты. Известный мыслитель, философ права И.А. Ильин предвидел это еще в 1938 г.: «Напрасно думать, что [будущая] революция готовит в России буржуазную демократию. *Буржуазная особь подорвана у нас революцией; мы получим в наследство пролетаризованную особь, измученную, ожесточенную и деморализованную*» [11, с. 45–46].

2

Наличие гражданского общества является неотъемлемой частью демократии, ибо демократии без «демоса» быть не может. В противном случае формаль-

но демократические институты так и остаются лишь оболочкой, прикрывающей авторитарную суть государственности. В незрелом гражданском обществе (каким пока является наше) искажается и утрачивается смысл демократических ценностей.

Я не хотел бы полемизировать по поводу определения понятия «гражданское общество». Это не только отвлечет от темы, но и будет не очень продуктивно, поскольку дефиниции здесь столь же относительны, сколь относительны они, скажем, для «демократии» и «свободы». Каждое из этих понятий несет некий метафизический смысл, который улавливается, скорее, интуитивно. Но для целей настоящей статьи надо хотя бы обозначить, как понимается в ней гражданское общество. Я бы определил его как общество индивидов, обладающих личной, политической и экономической свободой и на основе этой свободы выстраивающих институты солидарности, в том числе для отстаивания коллективных интересов перед государством.

Н.В. Варламова утверждает, что «постсоциалистическое общество не является гражданским», поскольку, по Р. Роузу, представляет собой «общество песочных часов», в котором «четко просматриваются две части: верхняя — собственно государство и тесно связанные с ним отдельные элитарные структуры бизнеса, информации, культуры, и нижняя — формальные и неформальные, официальные и неофициальные организации “широких слоев населения”, обслуживающие некоторые их социальные интересы, — профсоюзы, кассы взаимопомощи, спортивные клубы, национально-культурные центры и т.д. Узкое “горлышко” песочных часов не позволяет этим двум частям сопрягаться — граждане практически лишены возможности воздействовать на государство» [12, с. 65].

Думается, это излишне ригористичный взгляд. В конце концов, везде есть социально активное меньшинство и большинство, «занимающееся своими делами». Но большая доля правды в этом суждении все же есть. Поэтому я бы не сказал, что на исходе XX в. в России не было гражданского общества, правильнее говорить о его неразвитости, незрелости. Индикаторами же зрелости прежде всего служат:

- наличие самостоятельных негосударственных структур (общественных, политических, коммерческих);
- гражданское самосознание, т.е. осознание людьми как своих прав, так и своей ответственности;
- реальное влияние институтов гражданского общества на власть;
- гражданская солидарность, без которой деятельность, акции отдельных негосударственных структур остаются без внимания со стороны власти и не дают ожидаемого эффекта.

Из всех названных признаков сегодня в России можно констатировать, пожалуй, наличие только одного — существования многочисленных негосударственных структур (правда, хуже всего дело обстоит с профсоюзами). Но важно учитывать не только зачаточное состояние российского «демоса». Главной бедой постсоветского общества можно с уверенностью считать отсутствие массовидного и органического присутствия в нем духа основных ценностей конституционной демократии. А ведь, говоря словами А. де Токвиля, «привычки души» и «совокупность идей, которые определяют привычки ума», т.е. «моральный и интеллектуальный облик народа», способствуют укреплению политических учреждений [13, с. 220].

На величайшую важность «субъективного фактора» в демократии указывали многие демократические мыслители, особенно в эпоху Просвещения [14, с. 195–322, 255; 15, с. 27]. Замечательный русский юрист и философ П.И. Новгородцев писал, что демократия требует «большей зрелости народа» и что, «если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, необходимо, чтобы эти силы подчинялись себя некоторому *высшему обязывающему началу*» [16, с. 396].

Не веря в быстрое «подчинение обязывающему началу», другой крупный русский мыслитель (и ученик Новгородцева), И.А. Ильин, пришел к выводу о том, что главные ценности достойной жизни могут быть сохранены и гарантированы и вне традиционных демократических институтов. Это было вызвано не неприятием демократии как таковой, а пониманием ее инструментального характера (в отличие от самоценности свободы): «Демократия, — говорил он, — не есть ни высшая цель; ни самостоятельная цель; она есть лишь способ выделения немногих, лучших к власти; и притом один из способов» [17, с. 131]. Но при этом Ильин опасался, и не без оснований, что демократия не в состоянии справиться с ролью «выделения лучших». Именно поэтому он выступал за такую форму государственности, как *аристократия* (понимая под этим, однако, отнюдь не аристократию по крови), говоря, что «широкие массы должны быть вовлекаемы в политическую жизнь до того, как за ними будет формально утверждена публичная дееспособность; или, что то же: только тот может приступить к отправлению публичных полномочий, кто осмыслил и усвоил свои публичные обязанности и запреты...» [17, с. 130].

Наблюдая за тем, какая мотивация присутствует у российских избирателей, особенно за пределами городов-агломераций; за тем, какие результаты дают выборы (и федеральные, и региональные), очень хо-

чется согласиться с Ильиным, опасавшимся гибели государственности из-за торжества *охлакратии*, которой всегда беременна демократия. Действительно, не стали ли первые постсоветские годы подтверждением прозорливого предупреждения П.И. Новгородцева, писавшего в 1923 г.: «Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой... На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма» [16, с. 395–396].

И все-таки, отмечая незрелость современного российского общества, я не собираюсь утверждать, что в гуманитарном смысле оно отличается от любого другого общества, которое можно отнести к европейской цивилизации. Большинству людей в России так же, как и в других странах, свойственны и чувство собственного достоинства, и неприятие произвола, государственной лжи, и стремление к справедливости. Социологические опросы показывают, что российские граждане сознают крайнее несовершенство своей государственности. Так, с августа по октябрь 1999 г. службой общественного мнения *Gallup International* был реализован глобальный социологический проект, исследующий отношение людей к демократическим ценностям. На вопрос «*Каким из предложенных слов вы охарактеризовали бы правительство вашей страны? (Выбрать не больше трех вариантов)*» ответы распределились таким образом:

Характеристика	Весь мир	Россия
Эффективное	9,9%	1%
Бюрократическое	39,1%	69,2%
Корруптированное	40,8%	40,8%
Справедливое	12,5%	2,6%
Отвечающее чаяниям людей	10,3%	0,7%

А на вопрос «*Считаете ли вы, что ваша страна управляется волею народа?*» в целом по странам мира положительный ответ составил 30,1% (в России — 3%).

Такие ответы российских респондентов (они подтверждаются и более поздними опросами) внушают оптимизм, ибо гораздо труднее было бы говорить о перспективах укрепления в России гражданского общества, если бы граждане воспринимали действительность как вполне соответствующую их представлениям о демократической норме.

В то же время неудовлетворенность российских граждан политическими, экономическими и социальными условиями жизни зачастую востребует средства, далекие от ценностей конституционной демократии. Поэтому, наверное, правомерно говорить, что пока «привычки души» в России расходятся с «привычками ума». Сегодня граждане в большей степени востребуют не свободу, а силу власти, причем больше в ее патерналистском, нежели в правовом смысле.

Человеку свойственно идентифицировать себя с какой-либо общностью, дабы удовлетворить глубинные потребности в безопасности, защите, избегании одиночества и бессилия, о чем замечательно писал Эрих Фромм [18]. В посттоталитарной России выбор для такой идентификации невелик, поскольку структуры гражданского общества (партии, СМИ, общественные организации и т.п.), хоть и многочисленны, но пока не могут обеспечить человеку то, чего он от них сознательно или подсознательно ожидает. К тому же у нас еще совсем не развиты традиции солидарности — не то что человеческой, но часто и корпоративной.

Идея свободы, равенства и естественных прав человека долго и трудно пробивала себе дорогу в истории нынешней цивилизации. Но в итоге именно она, вобрав в себя ценности христианской этики, стала преобладающей в современном мироустройстве. Эпоха абсолютизма закончилась после того, как на формальную почву была поставлена идея естественных прав человека, т.е. прав, которые невозможно у него отнять, ибо они дарованы ему не государством, а по самому факту рождения. Как писал раннехристианский философ Ориген, «Он (Бог) был причиной бытия тварей. Но в Нем не было никакого разнообразия, никакой изменчивости, никакого небытия; поэтому всех, кого Он сотворил, Он сотворил равными и подобными, потому что для Него не существовало никакой причины разнообразия и различия» (цит. по [19, с. 27]).

К соучастию в мироустройстве, построенном на идее свободы, равенства и прав человека, постепенно шла и добольшевицкая Россия. С противоречиями, жертвами, но шла и в итоге выстрадала свою первую Конституцию — Основные государственные законы 1906 г. Вместе с реформами начала XX в. в России вызревали и зачатки гражданского общества. Но, не успев сформироваться, оставаясь во многом элитарным (вот когда действительно российское общество напоминало песочные часы), общество оказалось в большой степени виновным в своем уничтожении. Увлеченность радикальными идеями оказалась настолько большой, что к трезвым голосам, предупреждавшим об опасности потерять Россию, мало кто прислушивался.

Самоценность права не сумела утвердиться на российской почве не потому, что архетипически в российском народе властвует дух произвола, анархии и т.п. Дело, полагаю, в другом. С одной стороны, власть (объективности ради скажу — не только советская, но и добольшевистская) почти всегда относилась к собственному народу, как к *недееспособному субъекту*, который не в состоянии понимать цели развития и не может поэтому нести политической ответственности, а лишь нуждается в попечении, опеке, но при этом должен быть абсолютно послушен власти. Недееспособность в таком контексте оправдывала и отсутствие всякой *правоспособности* народа. С другой стороны, в среде самого народа было гораздо меньше просветителей и гораздо больше бунтарей, названных впоследствии революционерами.

Народ стремился не столько к свободе, сколько к воле, не столько к собственности, сколько к увеличению размера средств, выплачиваемых государством для поддержания жизни. Впрочем, это тоже имеет свои причины, о которых следует говорить отдельно. В данном случае лучше сослаться на Ричарда Пайпса, американского исследователя, который хорошо знал Россию и симпатизировал ей. Считая неразделимыми понятия «свобода» и «собственность», он писал: «До 1991 г. у русских и народов, которые они себе подчинили, гражданских прав было мало, а политических (если исключить десятилетие между 1906 и 1917 г.) — никаких. Во времена абсолютизма власть верховных правителей России была более абсолютной, чем у их западных собратьев; в эпоху демократии Россия держалась за абсолютизм дольше, чем любая европейская страна. В течение семи десятилетий коммунистического правления она создала режим, лишивший ее народ свободы в такой степени, какой не знала вся предшествующая мировая история» [20, с. 210]. А заключая свой очерк об исторических причинах несформированности гражданского общества в России, Пайпс писал: «Политическая свобода и гражданские права появились в России в 1905/1906 г. не как естественное развитие народной власти, осуществляемой посредством собственности и права, а как отчаянная попытка монархии предотвратить грозившую революцию. Когда же десятилетие спустя революция все-таки разразилась, все свободы и права, вместе с собственностью, унеслись и растаяли в голубой дымке, потому что не имели в стране сколько-нибудь прочных оснований. Опыт России показывает, что свобода не может быть учреждена законодательным актом, она должна вырасти постепенно, в тесном содружестве с собственностью и правом. Ибо, если склонность к присвоению заложена в природу человека, то уважение к чужой собственности — и свобо-

де — в его природе отсутствует. Это уважение надо прививать, пока оно не пустит такие глубокие корни в народном сознании, что тщетными окажутся любые попытки их вырвать» [20, с. 270].

3

Все сказанное выше автор меньше всего хотел бы представить как обоснование тезиса о преждевременности демократии в России. Скорее, наоборот. Я веду к иному выводу: **судьба конституционной демократии в России сегодня в большей мере зависит от государства, нежели от общества**. Этот парадокс следует объяснить.

Гражданское общество в условиях свободы развивается (должно развиваться) без помощи государства и даже вопреки ему. Однако этот процесс весьма долгий, а у страны нет ресурса времени. Необходим *быстрый* прорыв в новое состояние, и динамику этого прорыва может обеспечить лишь государство. Требуется, пусть и не очень для него естественная, *активная роль* по стимулированию процессов становления гражданского общества.

Речь идет, разумеется, не о том, что государство (власть) должно создавать какие-то общественные структуры, поддерживать гражданские инициативы, стимулировать активность, придумывать и проводить акции и т.п. Все это служит индикатором как раз умерщвления гражданского общества, ибо, «прикасаясь» к его структурам, государство неизбежно выступает в роли царя Мидаса. От него требуется совсем другое — найти в себе силы измениться — стать *конституционным* государством в подлинном значении этого понятия.

Государство может попытаться обеспечить проведение реформ в экономической и социальной сферах, сделав ставку на наращивание силы аппарата государственного принуждения (армии, полиции, спецслужб). Такой путь, действительно, позволяет на время повысить степень управляемости. Но этот путь для страны, где не развито гражданское самосознание, где существует еще много носителей тоталитарных представлений, в том числе в политической элите, — гибельный, поскольку вытеснение демократических принципов с большой вероятностью станет не временной мерой, а вектором развития. «Эффективность управления» быстро превратится в самоцель, а народ — в ресурс для реализации замыслов вождя.

Поэтому стратегические интересы развития России требуют *иного пути* к сильному государству, чтобы его сила понималась исключительно как *сила права* и именно такой характер силы понимало и одобряло общество. Провозглашение базовых принципов и создание институтов демократии, как оказалось, сами по себе еще не

гарантируют конституционного духа. Эти принципы и институты — только необходимый фундамент, на котором нужно возвести довольно сложные конструкции правового демократического государства.

Драма политических сил, которые в 1990-е годы взяли на себя тяжкий труд перевода страны из тоталитарного в демократическое состояние, состояла в том, что обществу были предложены лишь некоторые формальные параметры демократии и рыночной экономики, до которых «человеку с улицы», по большому счету, нет дела. Идеология «капитального ремонта квартиры» или «строительной площадки» оказалась чуждой массовому сознанию, поскольку люди не увидели (или быстро потеряли надежду увидеть), во-первых, что «новый дом является их домом», а во-вторых, что «прорабы и мастера, не дожидаясь окончания строительства, уже живут в комфорте». На этом фоне и возникло ощущение несправедливости.

Продолжая играть по советским правилам в социальной сфере, власть мало сделала для вытеснения патернализма иной идеей — идеей *правовой защиты всех проявлений свободы* (политической, экономической, религиозной, идейной). Ее реализация должна была бы означать не просто ликвидацию советских рудиментов (например, зависимости самореализации человека от расположенности к нему чиновника), но и создание механизма, позволяющего власти отличать проявления свободы от проявлений злоупотребления ею, от покушения на сам принцип свободы. Вместо этого общество увидело потуги властей разных уровней сохранить патерналистские ожидания.

Власть способна инициировать реформы. Но глубокие реформы захлебнутся и не принесут ожидаемого результата, если общество будет по-прежнему рассматриваться как *объект*, а не *субъект* экономических, политических и социальных процессов. Предназначение демократических институтов и состоит в обеспечении обществу возможности контролировать власть и воздействовать на нее. Следовательно, смысл реформ, в том числе и реформы самой системы власти, состоит не просто в отладке механизмов, но и в том, чтобы эти механизмы привели к *преобразованию власти из «власти начальства» в систему служения обществу и возвращению человека из подданного в гражданина*.

4

Здесь не место говорить о том, какие пути, меры и методы требуются для этих целей. Но следует сказать о серьезной, а возможно, и роковой ошибке, допущенной первыми реформаторами, — о **пренебрежении к потребности в самоидентификации страны**. Российское общество до сих пор опутано мифами, кото-

рые стали неотъемлемой частью массового сознания. Это противоречие между мифами и потребностями динамичного развития во многом и предопределяет мучительность, непоследовательность перехода страны в новое состояние.

Многие — не только обычные граждане, но и политики, высшие должностные лица — отказываются понимать, что советский строй не был просто иной формой государственности, которую другие страны обретают в ходе революций или реформ. Этот строй официально был провозглашен как принципиально новое государство (неслучайно после октября 1917 г. произошло то, чего не бывало ни при одной революции, — целиком и полностью был отменен весь корпус законодательных и иных правовых актов предыдущей эпохи). При этом советское государство не смогло легитимировать захваченную власть, поскольку, разогнав в 1918 г. Учредительное собрание, большевики не проводили свободных выборов (разве что в 1989 г. прошли *относительно* свободные выборы народных депутатов СССР). Вот почему всякая юридическая апелляция к советскому периоду является правовым нонсенсом, ибо это апелляция не просто к другому политическому режиму, а к другому государству.

Таким образом, страна находится в состоянии опасной духовной и правовой двойственности, а потому общество не может консолидироваться вокруг ясных базовых ценностей, ощутить себя единой российской нацией. Для преодоления этого нужна серьезная долговременная программа, одной из целей которой станет восстановление самосознания российского народа как народа, имеющего не семидесятилетнюю и не тридцатилетнюю, а более чем тысячелетнюю государственность. Отдельные фрагменты собственной истории не в силах дать основу для такого самосознания, тем более что оценка тех или иных периодов российской истории по-прежнему дается, как правило, с позиций советской мифологии.

Одним из проявлений допущенной ошибки, о которой сказано выше, стало отсутствие официально-го акта о правопреемстве современной России от России досоветской. Наоборот, как раз *официально наше государство считается правопреемником именно СССР*. Между тем практика правопреемства такого масштаба существует. Обращение к принципам докоммунистического правового строя осуществили большинство стран Восточной Европы и некоторые республики бывшего СССР. Для России в правовом плане подобным обращением стала бы рецепция Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. и Свода законов Российской империи по состоянию на 2 марта 1917 г. Конституционный порядок, установленный в России в декабре 1993 г., создает необ-

ходимые условия для постепенной адаптации исторических государственных и правовых установлений к обстоятельствам жизни современного общества. Обращение к историческому правопорядку откроет возможность для законного и мирного диалога политических сил, соединит народы России, расставит верные приоритеты при оценке роли лиц и анализе событий нашей истории, создаст необходимые условия для преемственного развития Отечества.

На первый взгляд, это предложение представляет излишне радикальным, способным расколоть российское общество. Но во-первых, речь идет о последовательных и разъясняемых шагах, начиная с самого естественного и вполне понятного подавляющему большинству российских граждан — демифологизации российской истории. Во-вторых, предлагаемый процесс способен по глубине своего воздействия на общественное сознание стать альтернативой негативным чувствам, испытываемым до сих пор значительной частью российского общества в отношении распада СССР. Фактически речь идет об обретении своей исконной Родины — России. В-третьих, реализация высказанных выше предложений способна как раз объединить российский народ, ибо включает гораздо более глубинную мотивацию — потребность в национальной гордости, основанной на исторических традициях (это не отменяет необходимости определения исторических фактов и для национального стыда). В-четвертых, духовно-правовая самоидентификация России и все связанные с этим процессы всколыхнут русскую диаспору во всем мире и станет своеобразным приглашением к возвращению домой, а Россия сегодня крайне нуждается в своих соотечественниках, не порвавших связи с национальной культурой и в то же время лишенных советских стереотипов сознания. Возможно, такое возвращение станет наиболее сильным, не вычисляемым рациональными методами катализатором для рывка нашей страны вперед.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: 2-е изд., стереотип. Т. 1. М.: Рус. яз., 1994.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве // Право современного государства. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессеном. СПб: Изд. юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1908.
3. Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. С.Б. Рощинский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

4. Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М.: Республика, 1994. 431 с.
5. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010. 347 с.
6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: уч. для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
7. Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. М.: Норма, 1999.
8. Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола. М.: Экон-Информ, 2009.
9. Паин Э.А. Исторический «бег по кругу» (Попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России) // Общественные науки и современность. 2008. № 4. с. 5–20.
10. Клямкин И.М. Безальтернативное прошлое и альтернативное настоящее. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013.
11. Ильин И.А. Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской империи. М.: ТОО «Рарог», 1996.
12. Варламова Н. Преждевременный конституционализм, или восточноевропейский эксперимент «обратного хода» истории // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. 1998. № 2. с. 64–66.
13. Токвиль А. Демократия в Америке / пер. с фр.; предисловие Гарольда Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000.
14. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М.: Канон-Пресс; Кучково поле, 1998.
15. Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вступит. ст. Д. Хаустова. М.: РИПОЛ классик, 2019.
16. Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Сочинения. М.: Раритет, 1995.
17. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарог, 1993.
18. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ.; общ. ред. и послесловие П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1989.
19. Свобода. Равенство. Права человека. М., 1997.
20. Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Моск. школа политических исследований, 2000.

REFERENCES

1. Cherny`x P.Ya. Istoriko-e`timologicheskij slovar` russkogo yazy`ka: 13 560 slov: 2-e izd., stereotip. T.1. M.: Rus. yaz., 1994.
2. Ellinek G. Obshee uchenie o gosudarstve // Pravo sovremennogo gosudarstva. T. 1. Izd. 2-e, ispr. i dop. po vtoromu nemeczkomu izdaniyu S.I. Gessenom. SPb: Izd.

- yuridicheskogo knizhnogo magazina N.K. Marty`nova, 1908.
3. Solov`ev V.S. Vizantizm i Rossiya // Solov`ev V.S. Izbrannoe / Sost., avtor vstup. st. i komment. S.B. Rocinskij. M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya (ROSSPE`N), 2010.
 4. Trubeczkoj E.N. Vojna i mirovaya zadacha Rossii // Trubeczkoj E.N. Smy`sl zhizni. M.: Respublika, 1994.
 5. Berdyayev N.A. Filosofiya neravenstva. M.: AST: Astrel` : Poligrafizdat, 2010.
 6. Stefanenko T.G. E`tnopsixologiya: uch. dlya vuzov. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Aspekt Press, 2003.
 7. Mamut L.S. Narod v pravovom gosudarstve. M.: Norma, 1999.
 8. Sociokul`turny`e osobennosti rossijskoj modernizacii: materialy` kruglogo stola. M.: E`kon-Inform, 2009.
 9. Pain E.A. Istoricheskij «beg po krugu» (Popy`tka ob`yasneniya prichin ciklicheskih sry`vov modernizacionny`x processov v Rossii) // Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`. 2008. № 4. S. 5–20.
 10. Klyamkin I.M. Bezal`ternativnoe proshloe i al`ternativnoe nastoyashhee. M., 2013.
 11. Il`in I.A. Osnovy gosudarstvennogo ustrojstva. Proekt Osnovnogo zakona Rossijskoj Imperii. M.: TOO “Rarog”, 1996.
 12. Varlamova N. Prezhdevremenny`j konstitucionalizm, ili vostochnoevropejskij e`ksperiment “obratnogo hoda” istorii // Konstitucionnoe pravo: Vostochnoevropejskoe obozrenie. 1998. No 2. S. 64–66.
 13. Tokvil` A. Demokratiya v Amerike / per. s fr.; predislovie Garol`da Dzh. Laski. M.: Ves` Mir, 2000.
 14. Russo Zh.-Zh. Ob obshhestvennom dogovore, ili Principy` politicheskogo prava // Russo Zh.-Zh. Ob obshhestvennom dogovore: Traktaty`. M.: Kanon-Press; Kuchkovo pole, 1998.
 15. Montesk`e Sh. L. O duhe zakonov / per. na rus. yaz. A. Gornfel`da; vstupit. st. D. Xaustova. M.: RIPOL klassik, 2019.
 16. Novgorodcev P.I. Demokratiya na rasput`e // Sochineniya. M.: Raritet, 1995.
 17. Il`in I.A. O sushhnosti pravosoznaniya. M.: Rarog, 1993.
 18. Fromm E. Begstvo ot svobody` / per. s angl. Obshh. red. i posleslovie P.S. Gurevicha. M.: Progress, 1989.
 19. Svoboda. Ravenstvo. Prava cheloveka. M., 1997.
 20. Pajps R. Sobstvennost` i svoboda. M., 2000.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ И ВНЕПРАВОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

INTERNET CONTENT REGULATION IN THE CONTEXT OF LEGAL AND EXTRA-LEGAL GLOBAL TRENDS

Елена Анатольевна Войниканис

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
voinikanis@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-5558-3432

Информация об авторе

Е.А. Войниканис — доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация. Рассмотрено регулирование интернет-контента с точки зрения незаинтересованного наблюдателя с опорой на факты, законодательство, судебную практику и результаты исследований правовой науки. Вначале проведено сравнение цензуры XIX в. с ограничениями интернет-контента и сделан вывод о том, что целью государства в обоих случаях является защита своих граждан. Далее проанализирован глобальный рост числа законов, ограничивающих различные виды ложной информации, и связанных с этой тенденцией рисков, в частности, неоднозначности в определениях базовых понятий. В разделе о необходимом балансе прав человека при введении ограничений на распространение той или иной категории информации особое внимание уделено информационным свободам и их потенциальному конфликту с авторским правом. Статья завершается рассмотрением глобальных факторов, которые, по мнению автора, определяют причины усиления регулирования интернет-контента и виды используемых при этом правовых инструментов. К таким факторам автор относит регулирование новых технологий, основанное на принципе предосторожности; изменение способов потребления информации и отношения к ее содержанию, а также глобальное расхождение в ценностях, которое порождает недоверие и тенденцию к изоляции.

- **Ключевые слова:** регулирование контента, права человека, интеллектуальная собственность, сдерживающий эффект, традиционные ценности, пользовательский контент

- **Для цитирования:** Войниканис Е.А. Регулирование интернет-контента в контексте правовых и внеправовых глобальных тенденций // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 27–36; DOI: 10.17323/tis.2024.23969

Elena A. Voinikanis

- The Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
voinikanis@gmail.com,
• ORCID: 0000-0001-5558-3432

Information about the author

- E.A. Voinikanis — Doctor of Legal Sciences (Higher School of Economics, 2017), Candidate of Philosophic Sciences (Moscow State University, 1996), Professor of the Department of Intellectual Property Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

- **Abstract.** The article examines the regulation of Internet content from the perspective of an impartial observer, drawing on facts, legislation, case law, and legal research insights. It begins by comparing XIX century censorship with Internet content restrictions and concludes that the goal of the state in both cases is to protect its citizens. It then analyses the global growth of laws blocking false information and the risks associated with this trend, including the high degree of vagueness in the definitions of basic concepts. The section on the necessity of balancing human rights when introducing content restrictions focuses on freedom of expression and a potential conflict

between information freedoms and copyright law. The article concludes by considering the global factors that, in the author’s opinion, determine the reasons and the way of how we regulate Internet content. The author reflects on a precautionary principle based regulation of new technologies, changes in the ways of consuming information and in attitudes towards its content, as well as global value divergence, which gives rise to mistrust and isolationist trend.

Keywords: content regulation, human rights, intellectual property, chilling effect, traditional values, user generated content

For citation: Voinikanis E.A. Internet Content Regulation in the Context of Legal and Extra-Legal Global Trends // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 51 (4). P. 27–36; DOI: 10.17323/tis.2024.23969

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

INTRODUCTION

- In 2024, the Works on Intellectual Property Journal (hereafter referred to as “WIP”) will mark its 25th Anniversary. This is a significant milestone for both the journal and its audience, as well as for me personally. I had the privilege of being one of its dedicated readers from the early editions, later became one of its authors, and eventually, after earning my doctorate, was invited to be part of the Editorial Board.

- A quarter century has passed since its foundation in 1999 and the carefully selected papers reprinted in this Digest WIP showcase its development and achievements. Since its inception WIP has been the only Russian law journal focused on interdisciplinary research encompassing intellectual property and information law, two broad bodies of law that were historically viewed by legal doctrine as separate and self-sufficient. The policy of overcoming fragmentation of the different branches of law as well as promoting free debate and fresh ideas was first introduced by M.A. Fedotov, WIP founder and irreplaceable Chief Editor, and later on passionately preserved by Editorial Team and Board. The latest innovation is the annual Digest WIP itself as there has been no special annual issue before.

- I chose Internet content regulation as a subject matter of my paper for Digest WIP because it fits the main already mentioned WIP features. Content regulation can be found in different branches of law and questioning it from the perspective of comparative legal analysis and global trends is a hot issue deserving to be addressed by WIP as a forum for differing opinions.

THE RECENT DEVELOPMENTS IN INTERNET CONTENT REGULATION ACROSS COUNTRIES

- The term “censorship” is, in fact, an overused buzzword. Nevertheless, considering its historical use and meaning, the concept probably deserves more attention. Besides, even if the term “content regulation” is more common in the legal field, it has lately become equally common [1, 2, 3, 4] to use the term “censorship” to describe rules that restrict access to and dissemination of information on the Internet. An essential principle behind abolition of censorship is that it should not be the state’s role to decide what is read, written, and communicated. But our current

Internet content regulation does the exact opposite. If we look at the main reasons justifying such regulation it is not that difficult to find some degree of similarity with laws and regulations concerning censorship.

For instance, during the discussion of a new Russian Press Regulation intended to abolish censorship in 1905, a former head of the Chief Administration for Press Affairs, N.V. Shakhovskoy, argued in defense of rigid control over publishing activities that “the Russian people, with their low literacy and their unconditional trust in the printed text, which they always consider to be allowed by authorities, must be protected from the influence of political propaganda and attempts to forcibly change their worldview by means of the press” [5].

There was no Internet with its global connectivity at that time but, taken generally, the current content regulation does not conflict with the above quote: by introducing new content restrictions countries from different parts of the world prioritize the protection of their citizens, albeit the understanding of what counts as legitimate or harmful content varies a lot. The same as censors checked books and papers before their publishing and in case of repeated violations could close a particular editing house, Internet service providers are intitled by the state to do both, moderate content, and block infringers. Sometimes the state decides to act on its own.

In May 2024 as a new development of its package of sanctions the EU banned another four Russian media channels (Voice of Europe, RIA Novosti, Izvestia, Rossiyskaya Gazeta) [6] in addition to ones blocked in 2022 (Russia Today, Sputnik, RTR Planeta, Russia 24, TV Centre International) [7, 8]. Before 2024 Russia banned only Facebook and Instagram¹ but no one European media. After the EU Council decision the Russian Federation answered by “countermeasures” and limited access to 81 European media outlets [11]. The accusations of both sides concerned false information: the EU Council mentioned in its Regulation “media manipulation and distortion of facts” [8, p. 8] and Russian authority claimed a systemic spread of “false information about the special military operation” [11].

Another prominent example illustrates a different reason to introduce content restrictions, namely national security. As early as 2009-2010 China blocked access to most of the US big tech companies such as Google, YouTube, Twitter, and Facebook in 2009–2010 [12, p. 28] and The New York Times in 2012 for harming its national cyber security and sovereignty [13]. In the same vein the

United States passed a special act in the 2024 according to which ByteDance owned applications would be banned unless the company would have to divest within the set time limit [14]. According to the report accompanying the Bill “This Act addresses the immediate national security risks posed by TikTok and establishes a framework for the Executive Branch to protect Americans from future foreign adversary controlled applications” [15, p. 2].

The given examples are singular and difficult to generalize as they reflect the current state of relations between specific countries. What could be qualified as a trend in the development of content regulation is a dramatic increase in laws addressing misinformation, disinformation, and mal-information (MDM).

In just 11 years, from 2011 to 2022, 78 countries around the globe passed 105 laws to combat MDM, according to a study by the Center for International Media Assistance (CIMA) [16, p. 4–6]. The upsurge in legislative activity was firstly observed in 2020 when 36 laws were adopted during the Covid-19 pandemic (see [17, p. 2636; 18, p. 41, 67, 19, p. 154]). Besides uncovering the dynamic of lawmaking CIMA analysis highlights a visible trend towards the criminalization of false information. More 60 % of laws analyzed by the researchers contained provisions concerning both admirative and criminal liability. Within the same period of 11 years the number of journalists imprisoned on false information charges increased sharply, from 22 between 2011 and 2015 up to 228 between 2016 and 2022 [20]. Of particular concern is the scarcity of definitions of the basic concepts, such as “disinformation” or “misinformation”. The CIMA report indicated that the MDM laws adopted between 2011–2021 “lacked definitional specificity” which could lead to overenforcement.

The European Regulators Group for Audiovisual Media Services (ERGA issued a regional report on the same issue and with similar findings [21]. According to the report, there are few examples of legislation in EU countries that contains definitional elements for disinformation. The key elements to define disinformation can be found outside legislation in official documents issued by state authorities, guidelines, and courts’ decisions. In this regard the report highlights that criminal law with vague definitions “creates risks of even more serious interferences with freedom of expression” [21, p. 84]. The shortcomings of the legislation relevant to European countries is also applicable to many other countries, both developed and developing.

HUMAN RIGHTS APPROACH TO INTERNET CONTENT REGULATION

The United Nations instruments and documents provide a human rights framework to determine whether

¹ Both media were banned in March 2022. The Prosecutor General’s Office of the Russian Federation sued Meta Platforms for extremist activity and the indictment was confirmed by courts in two instances. See [9, 10].

content restrictions are legitimate and justified. UN Special Rapporteur on the right to freedom of opinion addressed content regulation issues in several reports on disinformation, user-generated content, and more generally contemporary challenges to freedom of expression. Specifically in relation to the moderation of user-generated content the Special Rapporteur argued that the restrictions introduced by states, even if they are caused by legitimate concerns, carry risks to freedom of expression. The laws and provisions should comply with the requirements of legality implied by the article 19 (3) of the International Covenant on Civil and Political Rights. One of key requirements is a clear wording, since “a norm, to be characterized as a “law”, must be formulated with sufficient precision to enable an individual to regulate his or her conduct accordingly” [22, para. 25]. In addition, the legality of law in force should normally be subject to judicial control [23, para. 7]. The laws on “fake news” often have “the vague and overly broad nature” that gives governments and executive authorities “unfettered discretion” leading to power abuses, and is particularly “problematic” when it comes to criminal law [24, para. 52–55]. This assertion rests on the premise that flaws in Internet content regulation are equally prevalent across nations with diverse legal and political frameworks. The best intentions and legitimate grounds of enacting particular restrictions (such as state security or public interests) do not preclude the negative and sometimes detrimental impact on the basic freedoms related to information.

Content regulation focuses heavily on disinformation, at least to some extent, to the prejudice of other types of content. It is understandable because the attacks against journalists and the human rights defenders based on the disinformation allegations are widely reported and the assurance of the freedom of media is one of the pillars of modern democracies. It is most likely wrong, however, to view user generated content as secondary. User generated content comprises all aspects of social communication, including sharing of ideas, mutual learning, cooperation, and creative expression. And healthy online communication driven by free access to information and cultural diversity is one of the main tools enabling critical thinking.

John Stuart Mill believed in “the necessity to the mental well-being of mankind (on which all their other well-being depends) of freedom of opinion, and freedom of the expression of opinion” [25, p. 118]. It is because the pursuit of truth is at the heart of the progress of any human society. Whenever there are persons who disagree with the unanimous majority, “even if the world is in the right, it is always probable that dissentients have something worth hearing to say for themselves, and that truth would lose something by their silence” [25, p. 114]. That means that a progress of any society depends on

intellectual endeavours competing to discover or create something valuable, and the effective functioning of an “innovation engine” as well as political system directly depends on the variety of ideas it produces. Freedom of speech is also of great importance in the case of user generated content where censorship can be carried out by different means, including copyright law.

In this context two points stated by UN reports concerning Internet content and freedom of expression deserve attention.

The *first* one is the emphasis on a chilling effect on information freedoms caused by Internet content regulation. The growing Internet surveillance carried out by both states and private actors was considered in the report as capable to produce “a chilling effect on the online expression of ordinary citizens, who may self-censor for fear of being constantly tracked” [26, para. 52–55]. The use of “broad and ambiguous laws” to control content dissemination was also referred to as one of sources of “a broader “chilling effect” on the right to freedom of opinion and expression” [27, para. 26].

The term chilling effect originates from the case law of the United States Supreme Court. Justice Brannan in his dissenting opinion in *Walker v. City of Birmingham* described the judicial application of the chilling effect doctrine as the court’s “overriding duty to insulate all individuals from the “chilling effect” upon exercise of First Amendment freedoms generated by vagueness, overbreadth and unbridled discretion to limit their exercise” [28].

Later, the term acquired popularity and has been used far beyond judicial practice and unrelated to geographical area. It has also been widely criticized put on sufficient empirical evidence. Recent comprehensive research by Jonathon Penney not only provides an empirical proof but also offers a sound interdisciplinary framework intended to deeply understand the phenomenon of the shilling effects [29, 30, 31]. Among other things drawing upon the findings of social psychology the research analyses why some kind of ill formulated laws produce chilling effects. A “theory of chilling effects as social conformity”, according to the author, provides a most effective explanation of surveillance practices. As surveillance is inherently ambiguous, “being uncertain about the legality of an act may lead a person to over comply with law in order to avoid breaking a social norm, awareness that you are being watched increases the risk that your norm breaking could be seen or captured by others, increasing the likelihood of conformance and compliance” [29, p. 1508].

The *second* important point concerns copyright law in the context of freedom of expression. The UN Special Rapporteur referred to prior restraints included in copyright laws that threaten creative endeavors and a preven-

tive upload scanning of music and video for copyright infringement that results in overblocking [23, para. 17, 32]. The reference to copyright law is notable since all previous reports dealing specifically with intellectual property were only produced with respect to cultural rights [32, 33, 34], the right to food [35; 36, para. 30, 45] and the right to health [37]. The potential conflict of copyright with free speech was previously identified only with regard to disconnection of users from Internet access as a sanction for violation of intellectual property rights [27, para. 49–50, 78–79].

Considering copyright law from the perspective of freedom of expression is especially important in the case of Internet content regulation. The interconnection and potential conflict between these rights remains up till now a blind spot in the Russian IP law and jurisprudence. It has also been a difficult issue for European law. Bernt Hugenholtz explains the recognition of the collision between free speech and copyright by “the seemingly unstoppable growth of copyrights”. The protection of right to freedom of expression and information in this context was perceived as the tool to limit “overbroad protection” [38, p. 343].

With the recent development of legislation and case law on the issue the argument that the basic principle of idea/expression dichotomy together with statutory exceptions is sufficient to prevent or solve potential conflict between copyright and freedom of expression becomes ever less convincing.

Kantian philosophy is one of relatively recent justifications for applying freedom of expression as a remedy in intellectual property cases [39, 40, 41]. In his short essay “On the Wrongfulness of Unauthorized Publication of Books” of 1798 Kant instead of considering copyright from the perspective of a Lockean property theory described the book as a tool or a “silent instrument” (by analogy to trumpet). that the author uses to deliver his public speech. According to Abraham Drassinower a book is not a thing but a “communicative act”. “In the world of copyright, an author is no sovereign despot in an inverted world of commodities. She is rather a citizen among others in the great Republic of Letters” [42, p. 226]. This implies that copyright law main task is to provide conditions for an effective dialogue between the author and the public. It is appealing to justify the overall reasons why we should limit copyright protection based on Kant’s philosophical endeavour into what is to be an author. Even more inspiring, to my mind, would be to address the Kantian distinction between innate and acquired human rights where the innate right is only one and it is freedom.

Another more pragmatic way to justify balancing of freedom of expression and copyright is to find a common

denominator by a closer look at the concepts which are already widely used within and beyond the law. In the digital age, it is becoming increasingly difficult to draw a line between factual information and data, on the one hand, and copyrighted materials, on the other. A major shift occurred when the Internet gradually became a mass consumption technology with billions of users generating and sharing all kind of information. This development was accompanied by a noteworthy conceptual divergence which is still in place. While users and Internet intermediaries operate with the term “content”, applying it equally to published e-books, e-mail messages, as well as to all other information on the Internet, legal professionals continue to employ a strategy of careful delimitation and demarcation of Internet content into segments relevant to a particular branch of law. Perhaps a regular understanding of Internet content as an umbrella term embracing the whole data flow is a revealing one, showing a common sense-bearing nature of everything we are sharing between each other.

Professor Michael Fedotov suggests in his general theory of authorship that subject matters of intellectual property rights should be understood as “immaterial informational entities” [43, p. 52]. Given the informational nature of all that counts as intellectual property he proposes the following definition: “...It is proposed to define the concept of an intellectual property subject matter as an ideal, mental result of the author’s creativity, objectified in a textual, pictorial, sound, audiovisual or other sign that performs the functions of accumulating information or individualizing persons, goods, services, or enterprises. In turn, from this basic definition, it is possible to further build definitions of such derivative concepts as “work”, “invention”, “trademark”, etc.” [43, p. 59].

A fine example to illustrate a negative trend in the legislation development is the Article 17 of the EU Directive on Copyright in the Digital Single Market [44]. The UN Special Rapporteur meant the proposal of that very article when he criticized a preventive upload scanning of music and video [23, para. 32]. The article caused serious human rights concerns by introducing a direct liability of online content sharing service providers for the content uploaded by their users. The risk of direct liability stimulates providers to overblock user generated content thus threatening the users’ right to freedom of expression and information [45, 46].

In a Russian landmark case, which concerned database maker neighboring rights², the plaintiff, social me-

² The provisions about the maker of a database neighbouring rights, included in part 4 of the Civil Code of the Russian Federation (para.5, chapter 71), were drafted on the model of the European *sui generis* database right. The decision about the trans-

dia platform VKontakte, claimed the exclusive rights on the database containing the publicly accessible data like “first and last name”, “city of birth” and “education” the users of social media upload on their personal pages, and sued a small company DABL for scrapping those data by means of its own independently developed specialized search engine. The Russian Court on Intellectual Rights remanded the case for retrial but confirmed in its ruling that the data of the users from a “database” within the meaning of Article 1334 (1) of the Civil Code of the Russian Federation [48]. The almost five year trial ended in the same court by a settlement agreement and provoked an intense scholarly debate which helped to deepen the understanding of some difficult questions like the protection of big data mining, the “spin-off theory” and the range of rights that should be conferred to social media users, including the constitutional right to access and disseminate information. Unfortunately, without legislative amendments and pertinent case law these doctrinal disputes have little impact. In a similar case ruled in 2021 [49] the Court of the European Union weighted and balanced the legitimate interest of the maker of database against the interests of users and competitors “in having access to the information contained in those databases and the possibility of creating innovative products based on that information”. While the judgement is progressive and even ground-breaking, opening a new page in the European sui generis database right “saga”, it is too narrow, limited to only one innovative product, namely a specialized meta search engine.

THE KEY DETERMINANTS OF INTERNET CONTENT RESTRICTIONS

There are multiple reasons why countries introduce more and more Internet content restrictions. One of explicit reasons is to stop harmful content and activities such as terrorism, extremism, violence, human trafficking, drug trade and so on. Such blocking no doubt serves both security and the public interests. The problem as usual lies in the details, like an expanding range of content that is

plantation was made considering Russian Federation commitments under the Agreement on partnership and cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part (signed at Corfu on 24 June 1994 and entered in force on 1 December 1997). Article 55(1) of the agreement reads as follows: “The Parties recognize that an important condition for strengthening the economic links between Russia and the Community is the approximation of legislation. Russia shall endeavour to ensure that its legislation will be gradually made compatible with that of the Community”. This fact from the history of Russian IP legislation was described by A. L. Makovsky, one of the drafters of part 4 of the Russian Civil Code [47, p. 324].

blocked and grounds on which it is blocked, vagueness of pertinent legislation and worrisome developments in take-down procedures. The ongoing debate about pros and cons of Internet censorship has already shown that the list of arguments is unlimited. But I would like to address a less researched and debated question about why Internet content regulation is now a global phenomenon and countries with different political regimes, legal systems and cultures enact similar laws and regulations.

The mere fact that something is global does not imply that it is necessarily good and indispensable, or the opposite, that it is bad and destructive. That is why before making any conclusion or looking for a viable solution to content regulation problems, it is useful to look at some other global factors that I think could be decisive for further development of Internet content regulation.

The first factor concerns the way how new technologies are regulated. The essence of this problem is best illustrated by the Collingridge dilemma. When a technology is first developed, its harmful social effects cannot be predicted with sufficient certainty to justify the introduction of control, but “by the time a technology is sufficiently well developed and diffused for its unwanted social consequences to become apparent, it is no longer easily controlled” [50, p. 17-18]. At the heart of the dilemma is the belief that we have a poor understanding of how society and technology interact. At the same time, the states are often proactive in taking control over new technology and draft their laws based on the precautionary principle. The Internet and artificial intelligence are both perfect examples of how it happens.

What Collingridge did not identify and analyzed is the extent to which regulation of technology could impact the behavior of people. Lawrence Lessig in his article of 1997 introduced a distinction between direct and indirect regulation and prophetically suggested a coming shift in a regulatory strategy: “Instead, government will shift to a different regulatory technique. Rather than regulating behavior directly, government will regulate indirectly. Rather than making rules that apply to constrain individuals directly, government will make rules that require a change in code, so that code regulates differently. Code will become the government’s tool. Law will regulate code, so that code constrains as government wants.” [51, p. 184]. Albeit it was said when discussing the United States laws, after the 27 years the warning becomes reality.

The second factor relates to a shift in how people use digital technologies. Thanks to advancements in digital technologies, large amounts of information can now be swiftly copied or generated, processed, and disseminated. This has led to a transformation in communication patterns, as evidenced by the changes in in-

formation consumption habits and attitudes towards its content.

An excellent example are drastic changes in the consumption of news. According to the 2024 Digital News Report by the Reuters Institute at Oxford University accounted a “strong shift” towards video-based networks, in the first place to YouTube (31%), WhatsApp (21%) and Tiktok (13%). Another finding is that there is a growing focus on partisan commentators, influencers, and young news creators on Tik Tok (57%), Instagram (53%) and YouTube (46%). These trends were speeded up by a shift in news policy of traditional social media. Social networks like Facebook have substantially reduced the amount of current and political news due to regulatory concerns about disinformation and changing preferences of their users [52]. There was also the rise in passive news consumption (from 42% in 2018 to 47% in 2023) and a substantial fall in active participation by posting and commenting (from 33 to 22% within the same period) [53]. No less important is the outflows of users from open social platforms to encrypted messengers. As the Economist put it: “Platforms that began as places for friends to interact and share their own content are turning into television-like feeds of entertainment, for passive consumption. At the same time, users are moving their conversations and arguments off the open networks and into closed, private groups on platforms like WhatsApp and Telegram” [54].

When combined these facts give us a picture of the state rapidly losing control over its citizens. In the past governments knew what kind of news and books people read and what TV programs they watched, what they liked or disliked. Now they are much less aware and much more concerned. It suffices to say that about a third of the world’s population uses WhatsApp that offers end-to-end encryption [55]. A vast majority of countries already have some kind of restriction on encryption but only a handful of them, primarily in China, set enough limitations to guarantee in full state access to encrypted data [56]. It is no wonder that the debate over further strengthening encryption regulation [57, 58] or keeping it as is to protect human rights and avoid a new “digital panopticon” (see, for example, [59, 60]) continues.

Finally, **the third factor relates to the divergence of values.** The latest World Values Survey published in 2023 [61] shows that the initially expected progress towards global values convergence failed to materialize. While in advanced economies values have been changing relatively fast in the direction of individual self-expression and scientific thinking, other countries have shown no value change or taken the opposite path praising more traditional and religious values. There is no flawless methodology to measure human values but, given the ongoing

political and armed conflicts, the conclusion looks quite convincing (see, for instance, [62, 63]). It is remarkable that 24 years ago Ronald Inglehart, the founder of the World Values Survey, affirmed that “the trend toward modern values is not irreversible” [64, p. 41] and that traditional value systems “exhibit remarkable durability and resilience” [64, p. 49].

The traditional values are increasingly used in politics and find their place in national and international law. The adoption of UN Resolution “Promoting human rights and fundamental freedoms through a better understanding of traditional values of humankind: best practices” [65] in 2012 shows that at least the first signs of polarization were seen already then. The resolution was promoted by Russia and China³ and adopted by a vote of 25 to 15, with 7 states abstaining. The distribution of voices reflects a split between the West and the Global South but it is not a black and white picture. Among those that opposed resolution were, besides the United States and old European countries, Hungary, Mexico, Poland, Romania, Czech Republic, Botswana, and Costa Rica. The abstained countries included Benin, Chile, Guatemala, Nigeria, Peru, Republic of Moldova, Uruguay. The subsequent Summary of information from States Members and other relevant stakeholder [68] has demonstrated respect and commitment of a large number of contributors to their national traditions but at the same time confirmed the main concerns of the Advisory Committee [69]. As there was no definition of the term ‘traditional values shared by all humanity’ the contributions varied substantially in their understanding of a new concept and many of them pointed to particular harmful traditions that should be abolished.

The growing political, ideological, and cultural divide full of misunderstanding, refutation and long forgotten Nietzschean “ressentiment” could but reinforce the global crisis. Given mutual hostility and a shared desire to stop an adversary influence no wonder that different countries are developing and adopting similar laws, in-

³ Both countries eventually incorporated traditional values in their legislation, including national constitutions. In the Russian Federation the main regulation on the issue is the Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” that is based on the Constitution of the Russian Federation substantially amended in 2020. The People’s Republic of China made traditional values a reference point in its laws and regulations since the election of Xi Jinping. Most prominently the turn to traditional values is reflected in the Constitution of the Chinese Communist Party (the 2017 amendments obliged each Party member “to advocate traditional virtues of the Chinese nation”), but it also found its way into the Constitution through the 2018 amendments enshrining some of traditional Confucian values. See [66, p.1177, 1182–1183], [67, p.11–12].

cluding those regarding Internet content. This similarity is so striking that the question suggests itself: who is copying from whom (see, for instance, [70], [71])? In any way that is a grim prospect for everybody if we erect new iron walls to protect the citizens from outside disturbance and build new transparent glass buildings (resembling those described in Yevgeny Zamyatin's novel "We"⁴) to protect them even better.

REFERENCES

1. International Report on Internet Censorship // Final Report of the International Legal Research Group on Internet Censorship (eds). Wolf Legal Publishers, 2021.
2. Patty M. Social Media and Censorship: Rethinking State Action Once Again. *Mitchell Hamline Law Journal of Public Policy and Practice*. 2019. Vol. 40 (1). P. 100–136.
3. *Langvardt, K.* Regulating online content moderation // *Georgetown Law Journal*. 2017. Vol. 106. P. 1353–1388.
4. *Zhou Q.* Building the (Fire) Wall: Internet Censorship in the United States and China. *Harvard International Review*. (28 Dec 2020). Available: <https://hir.harvard.edu/building-the-fire-wall/>
5. GA RF. F. 564. Op. 1. D. 650. L. 4 (reference to State Archive of Russian Federation — Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federazii).
6. Russia's war of aggression against Ukraine: Council bans broadcasting activities in the European Union of four more Russia-associated media outlets. Council of the European Union, Press release. 17 May 2024) Available: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/05/17/russia-s-war-of-aggression-against-ukraine-council-bans-broadcasting-activities-in-the-european-union-of-four-more-russia-associated-media-outlets/#:~:text=The%20Council%20today%20decided%20to,Novosti%2C%20Izvestia%20and%20Rossiyskaya%20Gazeta>
7. Council Decision (CFSP) 2022/351 of 1 March 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine.
8. Council Decision (CFSP) 2022/884 of 3 June 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine.
9. Decision of the Tverskoy District Court of Moscow dated March 21, 2022 in case No 02-2473/2022 — M-1527/2022.
10. Appellate ruling of the Moscow City Court dated June 20, 2022 in case No 33-20101/2022.
11. Foreign Ministry's statement on retaliatory measures following EU restrictions against Russian media outlets, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 25 June 2024. Available: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1959391/?lang=en
12. *Chu Ch-W.* Censorship or Protectionism? Reassessing China's Regulation of Internet Industry // *International Journal of Social Science and Humanity*. 2017. Vol 7(1). P. 28–32.
13. *Bradsher K.* China Blocks Web Access to Times After Article. *The New York Times*. Oct. 25, 2012. Available: <https://www.nytimes.com/2012/10/26/world/asia/china-blocks-web-access-to-new-york-times.html#>
14. The Protecting Americans from Foreign Adversary Controlled Applications Act, Division H of Public Law 118-50.
15. Report 118-417 to accompany H.R. 7521, House of Representatives 118th Congress, 2nd Session.
16. *Gabrielle Lim G., Bradshaw S.* Chilling Legislation: Tracking the Impact of "Fake News" Laws on Press Freedom Internationally, CIMA. 2023. Available: https://www.cima.ned.org/wp-content/uploads/2023/06/CIMA-Chilling-Legislation_web_150ppi.pdf
17. *Zhu X., Yang S., Allen S.* A comparison of false-information policies in five countries before and during the COVID-19 pandemic // *Proceedings of the 55th Hawaii International Conference on System Sciences*. 2022. P. 2629–2638.
18. *Holtz-Bacha C.* More than just collateral damage. Ramifications of the pandemic for freedom of the press. *Publizistik*, 2022. P. 31–50.
19. *Marsili M.* COVID-19 Infodemic: Fake News, Real Censorship // *Information and Freedom of Expression in Time of Coronavirus*. *Europea*. 2020. Vol. 10(2). P. 147–168.
20. Journalists Imprisoned between 2011 and 2022, Charge includes False news. The Committee to Protect Journalists. Available: https://cpj.org/data/imprisoned/2022/?status=Imprisoned&charges%5B%5D=False+news&start_year=2011&end_year=2022&group_by=location (contains a graph and a full list of names of the imprisoned journalists).
21. Notions of Disinformation and Related Concepts / *M. Betzel., R. Fahy, N. Helberger et al.* ERGA Report, 2020. Available: <https://erga-online.eu/wp-content/uploads/2021/03/ERGA-SG2-Report-2020-Notions-of-disinformation-and-related-concepts-final.pdf>
22. UN Human Rights Committee, General Comment 34 on Article 19: Freedoms of opinion and expression, CCPR/C/GC/34.
23. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the Right to Freedom of Opinion and

⁴ The novel was written in 1920 and appeared firstly in English translation in 1924. In Russian it was not published until 1988.

- Expression: Report on Content Regulation, UN Doc A/HRC/38/35, 6 April 2018.
24. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression: Disinformation and freedom of opinion and expression, UN Doc A/HRC/47/25, 13 April 2021.
 25. *Mill J.S. On liberty* / td. by David Bromwich and George Kateb. New Haven and London: Yale University Press, 2003.
 26. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression: Freedom of expression, states and the private sector in the digital age, UN Doc A/HRC/32/38, 11 May 2016.
 27. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression: Report on the key trends and challenges to the right of all individuals to seek, receive and impart information and ideas of all kinds through the Internet, UN Doc A/HRC/17/27, 16 April 2011.
 28. *Walker v. City of Birmingham*, 388 U.S. 307, 344-45 (1967).
 29. *Penney J.W. Understanding Chilling Effects* // 106 *Minnesota Law Review*. 2022. Vol. 106. P. 1451–1530.
 30. *Penney J.W. Chilling Effects: Online Surveillance and Wikipedia Use* // *Berkeley Technology Law Journal*. 2016. Vol. 31(1). P. 117–182.
 31. *Penney J.W. Internet surveillance, regulation, and chilling effects online: a comparative case study* // *Internet Policy Review*. 2017. Vol. 6(2). P. 1–39.
 32. Report of the Special Rapporteur in the field of cultural rights: Report on patent policy and the right to science and culture, UN Doc A/70/279, 4 August 2015.
 33. Report of the Special Rapporteur in the field of cultural rights: Report on Copyright policy and the right to science and culture, UN Doc A/HRC/28/57, 24 December 2014.
 34. Report of the Special Rapporteur in the field of cultural rights: Report on the right to freedom of artistic expression and creativity, UN Doc A/HRC/23/34, 14 March 2013.
 35. Report of the Special Rapporteur on the right to food: Seed policies and the right to food, enhancing agrobiodiversity and encouraging innovation, UN Doc. A/64/170, 23 July 2009.
 36. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights: Measures for minimizing the adverse impact of climate change on the full realization of the right to food, UN Doc A/HRC/55/37, 1 February 2024.
 37. Report of the Special Rapporteur on the right to health: Report on right to health in the context of access to medicines and intellectual property rights, UN Doc A/HRC/11/12, 1 April 2009.
 38. *Hugenholtz B.P. Copyright and Freedom of Expression in Europe*. In *Expanding the boundaries of intellectual property: Innovation policy for the knowledge society*. Oxford: Oxford University Press, 2001, P. 343–364.
 39. *Barron A. Kant, Copyright and Communicative Freedom* // *Law and Philosophy*. 2012. Vol. 31. P. 1–48.
 40. *Yoo Ch.S. Rethinking Copyright and Personhood* // *University of Illinois Law Review*. 2019. Vol. 3. P. 1039–1078.
 41. *Izyumenko E. Freedom of Expression as a Rationale for IP Protection* // *GRUR International*. 2023. Vol. 72(9). P. 840–852.
 42. *Drassinower A. What's Wrong with Copying?* Harvard University Press, 2015.
 43. *Fedotov M.A. Vvedenie v koncept obšej teorii avtorstva* // *Trudy po intellektualnoj sobstvennosti*. 2023. T 46. No 3. S. 38–75 (*Fedotov M.A. The introduction into the general theory of authorship* // *Works on Intellectual Property*. 2023. Vol. 46, No 1. P. 38–75).
 44. Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC.
 45. *Senftleben M. Guardians of the UGC Galaxy — Human Rights Obligations of Online Platforms, Copyright Holders, Member States and the European Commission Under the CDSM Directive and the Digital Services Act*. // *Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law*. 2023. Vol. 14(3). P. 435–452.
 46. *Willemijn K. Prior filtering obligations after Case C-401/19: balancing the content moderation triangle* // *Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law*. 2023. Vol. 14(1). P. 123–147.
 47. *Makovsky A.L. Comment to article 1231* // *Kommentarij k chasti chietviertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoy Fiedieratsii. Poglavnnyj / pod ried. A.L. Makovskogo. M.: Statut, 2008 (Commentary on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation. Chapter / Ed. by A.L. Makovsky. M.: Statute, 2008)*.
 48. Judgement of the Court on Intellectual Rights of July 24, 2018 No C01-201/2018 in case No A40-18827/2017.
 49. Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 3 June 2021. Case C-762/19, SIA “CV-Online Latvia” v SIA “Melons”.
 50. *Collingridge D. The Social Control of Technology*. London: Frances Pinter, 1980.
 51. *Lessig L. The constitution of code: limitations on choice-based critiques of cyberspace regulation* // *Commlaw Conspectus: Journal of Communications Law and Technology Policy*. 1997. Vol. 5. P. 181–191.

52. Newman N. et al. Reuters Institute Digital News Report 2024. Reuters Institute, University of Oxford. Available: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2024-06/RISJ_DNR_2024_Digital_v10%20lr.pdf
53. Newman N. et al. Reuters Institute Digital News Report 2024. Reuters Institute, University of Oxford. Available: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-06/Digital_News_Report_2023.pdf
54. As Facebook turns 20, politics is out; impersonal video feeds are in. Social media are more popular than ever, but social networks are dying. (Feb 1st 2024). The Economist. Available: <https://www.economist.com/briefing/2024/02/01/as-facebook-turns-20-politics-is-out-impersonal-video-feeds-are-in>
55. How encrypted messaging apps conquered the world. And why governments want to wrest back control. (Sep. 5th 2024). The Economist. Available: <https://www.economist.com/international/2024/09/05/how-encrypted-messaging-apps-conquered-the-world>
56. Encryption and the Digital Economy. Balancing Security, Privacy and National Security. 2021. Data Security Council of India. Available: <https://www.dsci.in/files/content/knowledge-centre/2023/Encryption-and-the-Digital-Economy.pdf>
57. Statement on End-to-End Encryption. (22 April 2024). Virtual global taskforce. Available: <https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/statement-on-end-to-end-encryption>
58. Wahl T. Law Enforcement Experts: Action against End-to-End Encryption Needed. EUCRIM. 31 July 2024. Available: <https://eucrim.eu/news/law-enforcement-experts-action-against-end-to-end-encryption-needed/>
59. Schulz W., Van Hoboken J. Human Rights and Encryption, UNESCO Report, 2016.
60. Van Daalen O.L. The right to encryption: Privacy as preventing unlawful access // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 49. P. 1–19.
61. World Values Survey 7. 2023. Available: <http://www.worldvaluessurvey.org/>
62. Western values are steadily diverging from the rest of the world's People's principles were expected to align as countries got richer. What happened? (Aug. 3 2023). The Economist. Available: <https://www.economist.com/interactive/international/2023/08/03/western-values-are-steadily-diverging-from-the-rest-of-the-world>
63. Wright J. Polarisation and partisanship: 10 key takeaways from our World Values Survey conference. The UK in the World Value Survey policy Institute. 24 April 2024. Available: <https://www.uk-values.org/news-comment/polarisation-and-partisanship-10-key-takeaways-from-our-world-values-survey-conference>
64. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65(1). P. 19–51.
65. Promoting human rights and fundamental freedoms through a better understanding of traditional values of humankind: best practices, UN Human Rights Council Resolution, Doc. A/HRC/RES/21/3, 9 October 2012.
66. Hua Sh. China's Fifth Constitutional Amendment. A Reversal of the Reform? // Asian Survey. 2020. Vol. 60 (6). P.1172–1193.
67. Son N. China's Comparative Constitution // Vanderbilt Law Review. 2021. Vol. 54(1). P. 1–29.
68. Summary of information from States Members of the United Nations and other relevant stakeholders on best practices in the application of traditional values while promoting and protecting human rights and upholding human dignity, Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights, Doc. A/HRC/24/22, 17 June 2013.
69. Study of the Human Rights Council Advisory Committee on promoting human rights and fundamental freedoms through a better understanding of traditional values of humankind, UN Human Rights Council, Doc. A/HRC/22/71, 6 December 2012.
70. Busch A., Theiner P., Breindl Y. Internet Censorship in Liberal Democracies: Learning from Autocracies? // J. Schwanholz, T. Graham, P. Stoll (eds). Managing Democracy in the Digital Age. Springer, 2018. P. 11–28.
71. Chander A. When the Digital Services Act Goes Global // Berkeley Technology Law Review. 2023. Vol. 38(3). P. 1067–1088.

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОГО СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ

PROBLEMS OF DIGITAL PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE: LOOKING FOR SOCIAL AND LEGAL SOLUTIONS

Виктор Борисович НАУМОВ

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
nau@russianlaw.net,
ORCID: 0000-0003-3453-6703

Информация об авторе

В.Б. Наумов — главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, управляющий партнер офиса в Санкт-Петербурге юридической фирмы Nextons, руководитель проекта «Сохраненная культура», доктор юридических наук

Аннотация. Рассмотрены закономерности цифровой трансформации общества, а также драматические изменения, происходящие с человеком в цифровом мире и влияющие на проблематику цифрового сохранения культурного наследия и знаний человечества. Обобщен обширный многолетний опыт цифрового сохранения культурного наследия России и СССР, рассмотрены принципы и направления деятельности проекта «Сохраненная культура». Проанализированы многочисленные примеры социальной кооперации лиц по сохранению наследия, даны классификация и краткий анализ социально-правовых проблем цифрового сохранения культурного наследия. На примере рекомендательных технологий и вопросов развития проекта «Сохраненная культура» обоснована необходимость расширения понятия «сохранение наследия» и предложены направления развития российского законодательства.

Ключевые слова: культурное наследие, цифровые технологии, искусственный интеллект, рекомендательные технологии, право, интеллектуальная собственность, цифровое сохранение, социальная кооперация, сохранение наследия, проект «Сохраненная культура»

- Для цитирования: Наумов В.Б. Проблемы цифрового сохранения культурного наследия: в поисках социально-правовых решений // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 37–50; DOI: 10.17323/tis.2024.23970

Victor B. NAUMOV

State and Law Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
nau@russianlaw.net,
ORCID: 0000-0003-3453-6703

Information about the author

V.B. Naumov — Principal Researcher of the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of Information Law of the Russian Academy of Sciences, Managing Partner of the St. Petersburg office of Nextons law firm, Head of the “Preserved Culture” Project, Doctor of Legal Sciences

- **Abstract.** The article examines the patterns of digital transformation of society and dramatic changes occurring with a person in the digital world, affecting the problems of digital preservation of cultural heritage and knowledge of mankind. The extensive long-term experience in digital preservation of the cultural heritage of Russia and the USSR is summarized, the principles and issues of the “Preserved Culture” project are considered. An analysis of numerous examples of social cooperation of individuals in preserving heritage is given, a classification and brief analysis of social and legal problems in digital preservation of cultural heritage are given. Using the example of recommendation technologies and issues of development of the “Preserved Culture” project, the need to expand the concept of “heritage preservation” is substantiated and directions for the development of Russian legislation are proposed.

их мимикрия под человеческое: почему-то роботы-автоответчики или боты в компьютерных программах выглядят и говорят, как красивые и успешные привлекательные люди, только цифровые...

Лидирующие сейчас по количеству упоминаний технологии искусственного интеллекта (ИИ) в среднесрочной перспективе могут резко изменить, например, экономику и рынок труда, но, главное, способны создать ситуацию, когда творческий процесс станет менее интересным и привлекательным для человека и его участие в нем существенно сократится.

Это сильно ударит по детям и молодому поколению, которые, не имея опыта «творчества без ИИ», будут жить в новой «нормальности», где тысячами развивавшие человека процессы творчества с помощью материальных предметов (от карандаша с бумагой до музыкальных инструментов) быстро будут заменены обученным программным обеспечением и мгновенно возникающие результаты генерации объектов будут девальвировать «муки творчества».

Следует признать, что невозможно за пару лет триумфального шествия по миру генеративных технологий ИИ провести глубокие социологические и психологические исследования последствий их массового внедрения, поэтому многие не видят проблемы в происходящем. Так, в 2023 г. кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ ВШЭ совместно с юридической фирмой Nextons (Санкт-Петербург) провела опрос среди довольно подготовленной технической аудитории ученых и юристов-практиков о роли ИИ в сфере творчества и интеллектуальной собственности. На один из вопросов, касавшийся изменения количества авторов при появлении ИИ, 36,5% респондентов ответили, что оно увеличится, 30% утверждали обратное, а 31,5% выразили мнение, что количество творцов не изменится [1].

Поскольку доверие к научно-технологическому прогрессу у человечества накапливалось веками и идеалы потребительского общества вкупе с красивыми цифровыми гаджетами выглядят очень притягательно, многим некомфортно задумываться о цене цифровизации. Однако есть и исключения: в 2021 г. в докладе «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве», представленном Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, говорится, что тотальная цифровизация может стать вызовом ценностям человеческого достоинства, прав и свобод человека и гражданина: «Дискурс тотальной цифровизации по своим ценностным установкам, пониманию человека, его природы и предназначения находится в непримиримом противоречии с ценностными ос-

новами российской культуры. Таким образом, идеология массовой, «ковровой» цифровизации в ускоренном темпе, в том ее виде, в каком она продвигается энтузиастами и проповедниками «цифры», представляет собой не только попытку легитимации происходящего в этой сфере, но и самостоятельную угрозу гражданскому и конституционному сознанию нашего общества» [2].

Вопросы правового противодействия «ковровой» цифровизации в России и мире заслуживают отдельного рассмотрения. В их числе следует выделить концепцию «право на отказ от цифровых технологий», которая была предложена четыре года назад как механизм для повышения уровня защиты интересов человека и гражданина в условиях глобальных процессов цифровой трансформации [3]. Это право обусловлено усложнением технологий и неценными рисками их использования, а также кризисом доверия к информационным правоотношениям и ситуацией, когда волеизъявление человека о том, использовать цифровые решения или нет, сейчас почти нигде не учитывается.

Кроме конструкции права на отказ от цифровых технологий следует также упомянуть введение обязательной междисциплинарной экспертизы различных аспектов цифрового развития человечества с выделением сфер жизнедеятельности и видов правоотношений, где должно быть запрещено навязывание (тем более безальтернативное) или иное создание преимуществ использования цифровых технологий.

Очевидно, что бенефициары происходящей цифровой трансформации — в первую очередь разработчики новых технологий и финансирующие их социальные группы — используют все средства для создания привлекательного образа нового цифрового мира и отдельных аспектов использования цифровых технологий, например, развивая (особенно у детей) эмоциональную и коммуникационную привязанность к технологиям и создавая условия, когда коммуникации (особенно в игровой форме) с устройствами и программами выглядят увлекательнее, чем с человеком.

Открытость детей цифровому миру близоруко не воспринимается взрослыми как проблема, и на фоне таких закономерностей также развивается кризис передачи ценностей и знаний от поколения к поколению: если ранее, в эпоху становления интернета, все поколения вместе осваивали новое информационное пространство, искренне ожидая нового этапа развития человечества за счет обогащения каждым человеком знаний для всего человечества, то теперь пожилые и люди среднего возраста как пользователи знают цифровые технологии хуже, чем младшее поколение, разрыв между ними растет, авторитет первых в глазах

последних падает, а сформированные прежним обществом ценности, образ жизни, накопленные знания и культурное достояние из-за этого воспринимаются молодежью как менее значимые.

Это крайне негативный фактор для сохранения культурного наследия: то, что важно для одних поколений, может стать несущественным для последующих. По сути, человечество может столкнуться с ситуацией, когда многое, что накоплено и даже переведено в «цифру» (либо изначально создавалось в «цифре»), окажется ненужным молодежи.

Индивид сейчас перегружен информационными потоками, не успевает в них ориентироваться и очень быстро устает от любых значительных объемов знаний, воспринимая лишь информацию, представленную в удобной форме коротких видеороликов и текстовых сообщений. Это может привести к деградации критического мышления человека, особенно в условиях, когда главные бенефициары цифрового развития — немногочисленные коммерческие глобальные цифровые платформы и сервисы — заинтересованы в первую очередь в увеличении времени использования их решений за счет привлекательного (обычно развлекательного) контента и мощных рекомендательных технологий, которые направлены на лишение самостоятельности пользователей при поиске информации. Это приводит к дальнейшему расширению сфер использования технологий и росту объемов цифрового потребления для извлечения прибыли.

Для сохранения наследия в цифровой форме в таких условиях возникает существенная зависимость от цифровых платформ и сервисов, которые, хоть и не являются монополистами для цели цифрового сохранения наследия, но в силу своей сверхпопулярности могут выступать наиболее удобными средствами предоставления доступа к объектам человеческой культуры, жестко влияя на возможности деятельности тех, кто занимается оцифровкой собственных и чужих знаний, образованием и просветительской деятельностью. Все они должны соблюдать правила цифровых систем и жить в условиях социальных, технологических и правовых закономерностей, определяемых новыми хозяевами мира. Последние при этом находятся под влиянием собственных коммерческих и геополитических установок, перенося их на отношения по популяризации или, наоборот, ограничению доступа к культурному достоянию тех или иных государств, этноса, социальной группы или исторического периода.

Важно отметить, что ни в одном общепризнанном концептуальном документе, принятом для развития человечества, сейчас не содержатся правила или ориентиры, как следует действовать государствам, бизнесу и обществу в условиях ускоряющейся цифровой

трансформации для поддержки человеческих ценностей и обеспечения сохранности и популярности человеческого наследия в цифровой форме.

Принятая 21 год назад Хартия ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия, ставшая в эпоху интернета важным документом целеполагания, сейчас утрачивает свою значимость. Определяя в ст. 1 цифровое наследие как «ресурсы, относящиеся к области культуры, образования, науки и управления, а также информацию технического, правового, медицинского и иного характера, которые создаются в цифровой форме либо переводятся в цифровой формат путем преобразования существующих ресурсов на аналоговых носителях», Хартия уже не дает ответ на вопрос, как в современных условиях геополитической конкуренции и системообразующей роли цифровых платформ организовать доступ «к материалам цифрового наследия, особенно являющегося общественным достоянием», чтобы он был «свободным от необоснованных ограничений» (ст. 2 Хартии).

ОПЫТ ПРОЕКТА «СОХРАНЕННАЯ КУЛЬТУРА» В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ

Автор имеет обширный многолетний практический опыт в сфере цифрового сохранения культурного наследия: «испытательным полигоном» выступает его личный проект «Сохраненная культура», который был запущен в Санкт-Петербурге в 2010 г. как частная инициатива, не имеющая государственного финансирования. Этой политике проект следует до сих пор: деятельность «Сохраненной культуры» не направлена на получение дохода и осуществляется за счет личных средств создателя проекта.

С момента своего основания проект «Сохраненная культура» занимается оцифровкой, изучением, актуализацией и продвижением в информационном пространстве достижений российской и советской науки и культуры, преимущественно XX в. и современности. Его главная цель — преодоление последствий цифрового разрыва, из-за которого значительная часть научного и творческого наследия России и СССР оказалась выключена из реалий нового информационного общества.

За прошедшие четырнадцать лет просветительской, благотворительной и научно-исследовательской деятельности в рамках проекта удалось объединить свыше 110 талантливых исследователей из 14 российских регионов (Санкт-Петербурга, Выборга, Москвы, Великих Лук, Волгограда, Саратова, Костромы, Омска, Тобольска, Новосибирска, Красноярска, Владивостока, Благовещенска и Хабаровска), а также из ближнего зарубежья, в частности из Самарканда (Республика Узбекистан) (см. рис. 1).

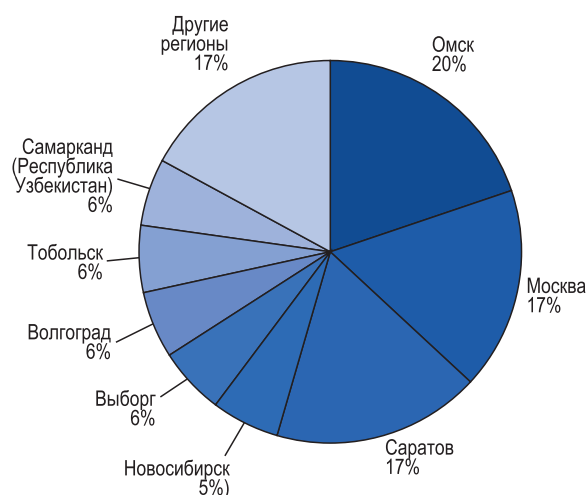

Рис. 1. «География» проекта «Сохраненная культура»: примерное распределение активных участников по регионам (без учета Санкт-Петербурга)

За эти годы в рамках проекта было создано более 200 социокультурных объектов самого разного формата: печатные и электронные книги, репринтные издания, документальные фильмы, CD- и DVD-диски, оцифрованные архивы, интернет-сайты и мобильные приложения для телефонов, 3D-объекты, научные статьи, доклады, лекции, выставки, конкурсы, мемориальные доски, образовательные и научные гранты российским педагогам и исследователям (см. табл. 1).

В 2023 г. в результате обобщения многолетнего опыта была предложена система принципов проекта, которая может быть использована теми, кто заинтересован в систематической деятельности по цифровому сохранению культурного наследия [4].

Если начинала «Сохраненная культура» со сравнительно простой, но функциональной смысловой триады: планомерное использование современных мультимедийных технологий (1) для перевода культурных достижений XX века в цифровой формат (2) и придание им статуса общественного достояния (3), то сегодня, по прошествии значительного периода времени, методология проекта включает в себя семь принципов:

- социальная кооперация участников, увлеченных общей конкретной целью;
- актуализация знаний с позиций современной науки и культуры;
- адресная поддержка открытых исследований и образовательных программ;
- соразмерность используемых ресурсов;
- комбинирование объектов, комплексное представление информации в разных цифровых средах;

- бесплатное адресное распространение материальных объектов;
- свободный доступ к цифровым объектам и копиям в интернете.

Кратко пояснить приведенные принципы возможно во взаимосвязи с конкретными реализованными объектами в рамках проекта (см. табл. 2). Так, яркими примерами социальной кооперации участников, увлеченных общей конкретной целью, могут служить снятые и выпущенные в прокат проектом «Сохраненная культура» документальные фильмы «Архитектура блокады» (2020 г.)¹, «Надежда на спасение» (2018 г.)², «Остров информатики» (2017 г.) (рис. 2, 3).

Среди печатных и электронных книг и альбомов стоит отметить издание «В.И. Кочедамов. Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых», выпущенное в рамках проекта в 2021 г. (4 тома, 1500 страниц, 20 авторов статей и научных комментариев из 10 российских регионов и Республики Узбекистан); книгу 2014 г. «Александра Махровская: ученый и градостроитель. Воспоминания друзей и коллег» (400 страниц, 17 авторов) и книгу 2016 г. «Дом академиков. История и судьбы» (380 страниц, 16 авторов из России и США).

Еще одним наглядным примером социальной кооперации стала уличная благотворительная акция «Спасти дракона»: в октябре 2023 г. проект «Сохраненная культура» выделил грант на восстановление советского бетонного арт-объекта «Дракон», установленного еще в 1979 г. на детской площадке Васильевского острова в Ленинграде. Инициатором акции выступила петербургская активистка А.Ф. Фисенко. На средства, перечисленные проектом «Сохраненная культура», были приобретены краски и другие материалы. В ремонтно-восстановительных работах, носивших безвозмездный, благотворительный характер, приняли участие жители окрестных домов от младшего школьного до пенсионного возраста (приходили семьями) и подростки из других районов Санкт-Петербурга вместе с педагогами (свыше 40 человек)³.

¹ В 2020–2021 гг. документальный фильм «Архитектура блокады» получил главный приз I Открытого российского кинофестиваля патриотического кино «Малая земля», Серебряный знак Союза архитекторов России и еще пять престижных наград.

² В 2018–2019 гг. документальный фильм «Надежда на спасение» удостоился диплома и памятного знака XII Международного фестиваля христианского кино «Невский благовест» (Санкт-Петербург) и диплома V Международного кинофестиваля «Отцы и дети» (Орел).

³ В 2024 г. А.Ф. Фисенко и ее акция «Спасти дракона», организованная при поддержке проекта «Сохраненная культура», удостоилась премии «Петербург будущего», организованной изданием Собака.RU, в номинации «Инициатива года».

Таблица 1. Деятельность в рамках проекта «Сохраненная культура»: виды и форматы объектов и инициатив по годам

Год/объект	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024*	Итого
Оцифровка архивов	1		1			1	1			1						5
Печатные книги и альбомы	1		1	1	1	2	2	1	2	2		4	1	1		19
Электронные книги и альбомы	1		1	1	1	1	2	1	1	1	2	2	2		16	
Электронные репринты статей и монографий					10	5										15
CD- и DVD- диски		1	2	3	1	1	2	3	3	1	1	1	1	1		21
Научные статьи, материалы для Википедии			6			2		3		3	8	6	5	8	4	45
Документальные фильмы, видеосюжеты, серии «шортсов»							1	1	1	1	11	1	1	2	12**	31
Интернет-сайты, мобильные приложения	1						2			1	2	1	4			11
3D-объекты			1	1	2	2	1						1			8
Гранты, конкурсы, премии***		1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	4	8	1	25
Выставки, конференции, презентации****		1	4	2	4	5	4		3	4	7	7	15	23	20	100
Итого	4	3	17	9	20	20	16	10	11	15	32	23	36	43	37	296

* Отражены данные об объектах и инициативах с 1 января по 30 июня 2024 года.

** В том числе пять тематических серий «шортсов» для YouTube, суммарно включающие 42 коротких видео. В таблице каждая тематическая серия отражена как один объект.

*** Указаны гранты, премии, конкурсы, инициированные проектом «Сохраненная культура».

**** Указаны выставки, научные конференции и презентации, организованные проектом «Сохраненная культура» либо проведенные при его активном участии, в том числе открытие мемориальной доски памяти В.И. Кочедамова в городе Омске 4 августа 2016 года.

Таблица 2. Масштаб вовлечения в проект «Сохраненная культура»: объекты, лидирующие по числу активных участников

Объект	Год	Участники
Документальный фильм «Архитектура блокады»	2020	48
Уличная благотворительная акция «Спасти дракона»	2023	43
Документальный фильм «Надежда на спасение»	2018	29
Издание «В.И. Кочедамов. Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых»	2021	25
Документальный фильм «Остров информатики»	2017	19

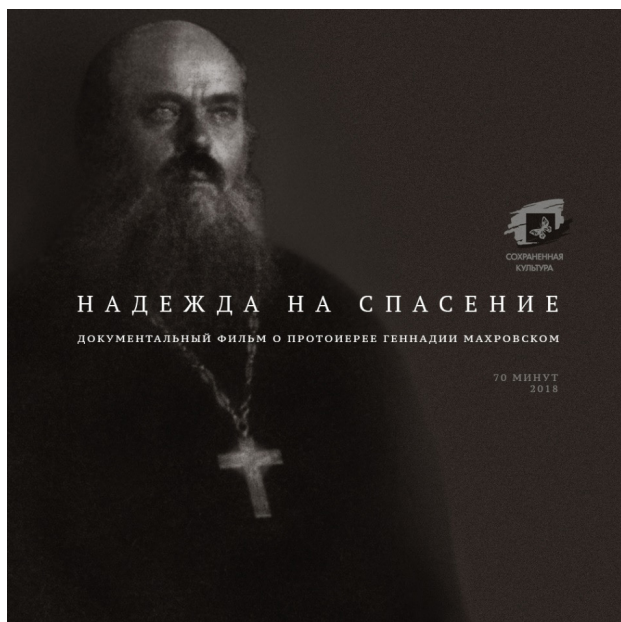

Рис. 2. Обложка DVD-диска с документальным фильмом «Надежда на спасение» (2018)

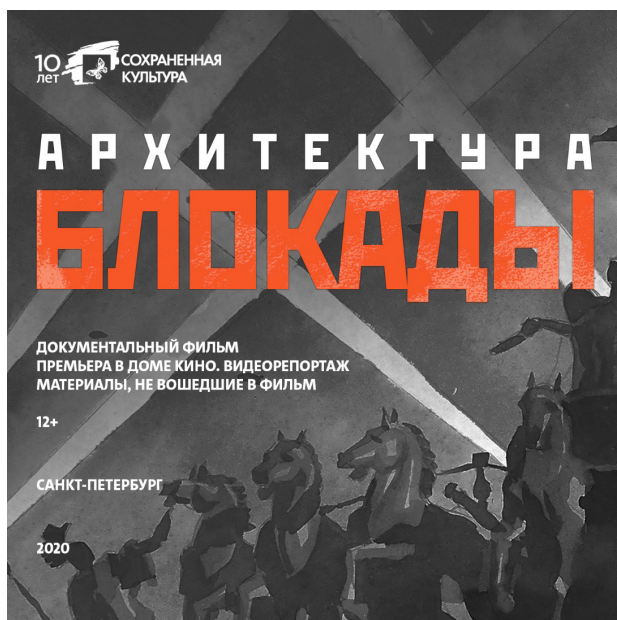

Рис. 3. Обложка двойного DVD-диска с фильмом «Архитектура блокады» и документальными видеоматериалами, не вошедшими в фильм (2020)

Можно утверждать, что проекту «Сохраненная культура» удалось наглядно продемонстрировать, что взаимодействие людей, объединенных и увлеченных конкретной целью сохранения памяти о человеке, произведении, месте или историческом событии, позволяет сконцентрировать усилия значительного количества не только профессионалов, но и энтузиастов, зачастую никак не ориентированных на ма-

териальное вознаграждение. При этом авторы того или иного объекта (или добровольные участники благотворительного события) становятся активными проводниками, распространителями информации об этом объекте (или событии), т.е. актуализируют и продвигают сохраненную память в массы.

Упомянутый выше принцип актуализации знаний является одним из «краеугольных камней» в практике «Сохраненной культуры». Реализация этого принципа осуществлялась при издании книг и создании фильмов, например:

- при выпуске в 2021 г. четырехтомника «В.И. Кочедымов. Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых» ведущие российские и узбекские исследователи комментировали статьи и монографии советского архитектора, педагога и историка градостроительства Виктора Ильича Кочедымова, написанные в 1940–1970-х гг.⁴;
- в фильме «Архитектура блокады» раскрывались неизвестные факты о маскировке Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и рассказывалось об архитекторах, инженерах, художниках и альпинистах блокадного города, что сформировало принципиально новый, научно обоснованный взгляд на события 1941–1944 гг.;
- при написании монографии «Таймырская находка», которая сейчас готовится к изданию, ее автор — петербургский историк, археолог, социальный антрополог, доктор исторических наук Е.А. Окладникова — продолжает научную работу своего отца, всемирно известного археолога академика АН СССР А.П. Окладникова.

Принцип адресной поддержки открытых исследований и образовательных программ по тематике проекта реализуется в обширной грантовой программе «Сохраненной культуры». Уже более 13 лет, начиная с 2011 г., проект предоставляет гранты на проведение научных исследований, организует и поддерживает творческие и научно-исследовательские конкурсы для студентов, аспирантов и молодых специалистов, помогает в реализации развивающих программ для школьников. Важным событием стало учреждение именной премии В.И. Кочедымова за лучшее научное исследование, выполненное молодыми учеными, — пока первой и единственной премии в истории проекта (см. табл. 3).

Еще один принцип — принцип соразмерности, представляет собой правило по разумной оптимиза-

⁴ В 2021–2022 гг. четырехтомник «В.И. Кочедымов. Труды по истории градостроительства с комментариями современных ученых» удостоен Золотого знака Союза архитекторов России и еще пяти престижных наград.

Таблица 3. Грантовая деятельность при поддержке проекта «Сохраненная культура»

Сроки	Название и содержание гранта или премии
<i>Научно-исследовательские и образовательные гранты</i>	
2011 — наст. время	Развивающая программа «Мы все можем сами» для детей с ограниченными возможностями на базе ГБОУ «Центр специального образования № 3» г. Великие Луки (Псковская область)
2022-2023	Научное исследование «Тайна островов Фаддея» на базе РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
2023-2024	Научно-методическое исследование «Студенческий научный туризм в России» (Санкт-Петербург)
2023-2024	Научно-практическое исследование «Саратов: краеведение для подростков» (Саратов)
2023-2024	Научное исследование «Наследие Ленинградской архитектурной школы в городах Западной Сибири» (Омск)
2023-2024	Научно-практическое исследование «Хранители наследия. Интерактивное погружение для детско-юношеской аудитории» на базе ГБОУ средняя школа № 376 г. Санкт-Петербурга
<i>Ежегодная премия имени В.И. Кочедамова</i>	
2022 — наст. время	Премия в память о советском архитекторе, ученом и педагоге вручается за лучшее научное исследование, выполненное молодыми учеными
<i>Творческие и научно-исследовательские конкурсы для студентов, аспирантов и молодых специалистов</i>	
2015	Конкурс на лучший проект мемориальной доски советскому архитектору, ученому, педагогу В.И. Кочедамову на базе Санкт-Петербургской академии художеств имени И. Репина (Санкт-Петербург)
2022	Всероссийский конкурс на лучший проект памятных досок в городе-герое Волгограде к 80-летию победы советских войск в Сталинградской битве на базе Института архитектуры и строительства ВолгГТУ (Волгоград)
2023	Конкурс студенческих научно-исследовательских работ «ПеликаНИР», посвященный Году педагога и наставника на базе РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
2024-2025	Всероссийский конкурс молодых художников, исследователей и дизайнеров «БИА_ART»: диджитал, тексты, фешн, декоративно-прикладное искусство, стрит-арт по мотивам творчества Ольги Биантовской

ции затрат и осознанной экономии всех используемых в проекте ресурсов. Он тесно связан с принципом комбинирования объектов: например, использование иллюстраций для оформления из одного объекта в другом, сочетания цифровых текстовых и видеоматериалов, структурированного представления информации и знаний в разных офлайн- и онлайн-форматах — от традиционных печатных изданий и документальных фильмов до оригинального авторского контента для соцсетей и видеохостингов, включая короткие видеоролики (так называемые рилзы и шорты).

В свою очередь, принцип комбинирования объектов органично сочетается с прогрессивной практикой комплексного представления информации в разных цифровых средах. Только в 2021–2022 гг. в рамках проекта разработаны и запущены три новых интернет-сайта (рис. 4–6): «Поэзия графики и плаката. К 80-летию Ольги Биантовской» (2021), «Виктор Кочедамов: творчество и современность. К 110-летию со дня рождения архитектора, педагога, ученого» (2022), а также новый официальный сайт самого проекта «Сохраненная культура» (2022). Все указанные ресурсы имеют энциклопедическую структуру, позволяющую читателям с разными интересами

и медийными привычками находить ту информацию, которая нужна именно им, причем в оптимальном и комфортном для них формате. Как показывает опыт проекта, в этом случае вновь созданные объекты могут быть востребованы как в среде профессионалов-исследователей, так и у широкой читательской и зрительской аудитории.

Кроме того, сейчас «Сохраненная культура» рассматривает варианты и перспективы создания мультимедийного, образовательного, интерактивного интернет-ресурса «Дом академиков» на базе одноименной книги, выпущенной в рамках проекта в 2016 г. Возможными партнерами в работе над указанным ресурсом могут стать преподаватели и студенты Национального исследовательского университета ИТМО.

Принцип комбинирования объектов и комплексного представления информации в разных цифровых средах лег в основу общественной инициативы «Цифровой Сталинград», с которой проект «Сохраненная культура» выступил в 2022 г. в рамках празднования 110-летия со дня рождения В.И. Кочедамова. В ходе первого этапа работы совместно с российской группой компаний «Геоскан» была проведена проверка методологии и технологии создания цифровой 3D-модели довоенной застройки Сталинграда. В частности,

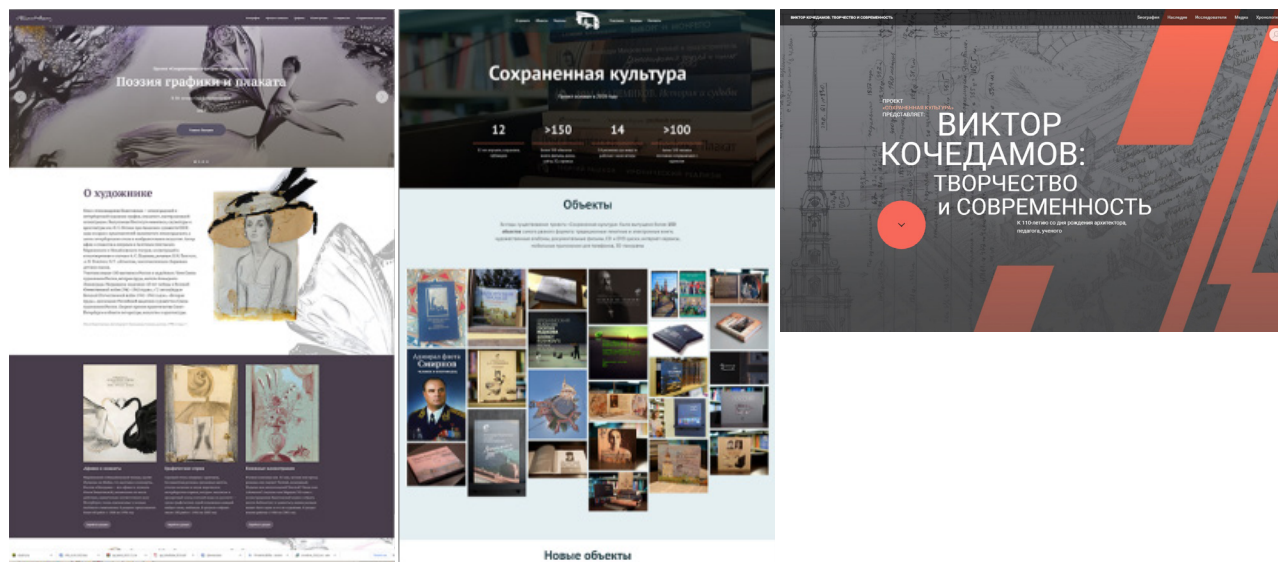

Рис. 4–6. Титульные страницы сайтов, созданных в рамках проекта «Сохраненная культура»

выполнена цифровая трехмерная модель сталинградского дома Легпрома — административно-жилового комплекса, возведенного по проекту архитекторов

В.И. Кочедамова и И.П. Иващенко на площади Павших Борцов в 1934–1936 гг., а затем разрушенного до основания во время Сталинградской битвы (рис. 7).

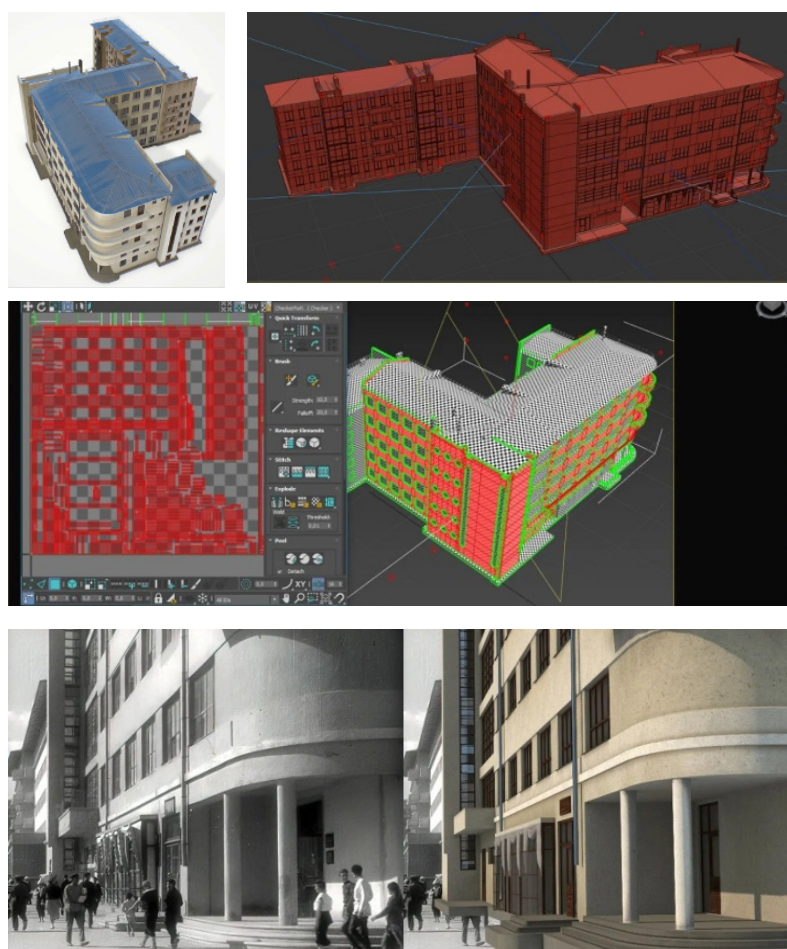

Рис. 7. Создание цифровой трехмерной модели сталинградского дома Легпрома (арх. В.И. Кочедамов и И.П. Иващенко)

Таким образом, значительный объем знаний, аккумулированный проектом в ходе изучения и актуализации творческого наследия В.И. Кочеданова (с 1932 по 1935 г. он работал в нижеволжском «Крайпрогоре» и был одним из ведущих архитекторов довоенного Сталинграда), получил перспективу применения в общественной инициативе, цель которой — восстановить подлинный, научно обоснованный облик уничтоженного войной города при помощи современных цифровых технологий с опорой на исторические материалы и архивные кино- и фотодокументы.

Принципам бесплатного адресного распространения материальных объектов и свободного доступа к цифровым объектам и копиям в интернете проект «Сохраненная культура» неизменно следует с момента своего основания в 2010 г. Все фильмы и видеообъекты, а также записи онлайн-трансляций научных конференций и презентаций с участием проекта «Сохраненная культура» доступны на бесплатных видеохостингах. Традиционные печатные издания и DVD-диски также распространяются на безвозмездной основе.

Проект проводит бессрочную акцию «Дарим книги библиотекам». Так, антология «Ольга Биантовская. Поэзия графики и плаката» (2018) была выпущена тиражом 1200 экземпляров и распространена на безвозмездной основе (рис. 8), четырехтомное издание трудов В.И. Кочеданова было отправлено в 33 российских региона в количестве свыше 450 комплектов.

Рис. 8. Альбом «Ольга Биантовская. Поэзия графики и плаката» (2018)

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОГО СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В рамках деятельности проекта «Сохраненная культура» на практике пришлось убедиться в том, что

сферу цифрового сохранения наследия российское законодательство аккуратно обходит стороной.

Так, Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», который регулирует деятельность в отношении объектов культурного наследия, к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации относит «объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры».

Этот закон, рассматривая «отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов», ориентирован исключительно на отношения материального мира и не имеет норм, определяющих сохранение изначально созданного в «цифре» культурного наследия и доступ к нему, а также раскрывающих условия использования оцифрованной информации о материальных объектах.

«Нецифровой» характер базового для рассматриваемой сферы закона и его отставание даже от идей старой Хартии ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия оставляет большое количество нерешенных вопросов и проблем и означает, что сейчас использование объектов в цифровой форме должно регулироваться другими отраслями законодательства — от архивного дела до интеллектуальной собственности, в которых не ставится цель открытого доступа к знаниям и достижениям культуры в цифровой форме.

Еще одним системным недостатком Закона № 73-ФЗ является то обстоятельство, что по отдельности те или иные объекты могут не обладать историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющей особое значение для истории и культуры страны и ее регионов и мест, но представленные в совокупности, они могут служить формированию идентичности народа или этноса и сохранению памяти о прошлом, что требует отдельной государственной и правовой защиты.

Не имея специального правового статуса и отраслевого регулирования, деятельность по цифровому со-

хранению культурного наследия сталкивается, таким образом, с самыми разнообразными проблемами [5].

Условно их можно разделить на общие и специальные. К первым, в частности, относятся дефицит профессионалов и увеличивающаяся ограниченность финансовых ресурсов — как у государства, так и у общественных и коммерческих организаций. Кроме того, отсутствие системной государственной политики даже в условиях государственных инициатив (например, завершающегося в этом году федерального проекта «Цифровая культура») усложняет для всех заинтересованных участников — от государственных органов и государственных учреждений до социальных групп — понимание логики и целей государства и общества в данной сфере.

Специальные проблемы определяются их актуальной предметной областью — технической, социальной, правовой, геополитической и т.п. В зависимости от исторического момента природа и состав этих проблем могут меняться. Так, всего несколько лет назад роль геополитики в рассматриваемой сфере была минимальной, однако теперь система санкций и расширяющиеся по объему и кругу лиц технические ограничения использования популярных цифровых платформ и сервисов становятся одними из наиболее значимых факторов доступа к информации.

В области права давней нерешенной проблемой остается вопрос примата исключительного права над целью доступа к знаниям. Так, в проекте «Сохраненная культура» автор неоднократно в ущерб содержанию исключал из комплексных объектов те или иные охраняемые произведения. Это означало, что при последующем использовании (всегда бесплатном!) объектов «Сохраненной культуры» пользователи лишались знания об исключенных произведениях.

В этой сфере проблематика интеллектуальной собственности, несмотря на ее давнее глубокое изучение в стране и в мире, заслуживает, тем не менее, отдельной общественной дискуссии. В ней более 15 лет идет безуспешный поиск баланса интересов индустрии, продающей контент, и общества, поскольку существующее законодательство многому мешает в деле сохранения наследия, несмотря на имеющиеся нормы о свободном использовании произведений [6, 7].

Например, в России до сих пор не реализован полноценно (норм новых статей 1244.2, 1280.1 и 1306.1 ГК РФ в их принятой редакции недостаточно) институт использования так называемых сиротских произведений, где правообладателей части объектов, заслуживающих воплощения в «цифре», невозможно найти. Из-за этого в проекте «Сохраненная культура» не состоялся выход несколько интересных объектов, а при работе над другими пришлось существенно видоизменять (или ис-

кажать) изначальный творческий замысел, скажем, меня изображения на объекты из «Википедии» с соблюдением условий открытых лицензий последней.

Общая проблема отсутствия предметной государственной политики определяет также проблемы взаимодействия общественных инициатив с государственными учреждениями. По опыту проекта «Сохраненная культура» и ряда других дружественных ему проектов можно заключить, что учреждениям культуры проще игнорировать (в силу тех или иных собственных рисков, в том числе обусловленных административным регулированием их деятельности) запросы от негосударственных организаций и лиц, что означает существенные сложности для кооперации частных и общественных инициатив с государственными структурами (научными и образовательными учреждениями, музеями, архивами и т.п.). На практике это нередко приводит к большой потере времени при взаимодействии с последними и не всегда заканчивается удачно.

Крайне важной и недооцененной в настоящий момент проблемой остается реальная низкая востребованность у пользователей различных возрастов представленных в цифровой форме объектов науки, культуры и искусства прошлого.

Несмотря на возникший в последние годы в России рост интереса к собственной истории, включая развитие института семейной памяти, эффект от этого в значительной перспективе может быть нивелирован потому, что привыкшее получать информацию в особой форме и удобным ей способом молодое поколение не захочет знакомиться с национальным культурным наследием, а другие поколения могут быть лишены возможности найти соответствующие цифровые объекты из-за большого информационного давления, оказываемого подбираемым для них технологиями контентом.

Здесь следует вернуться к упоминавшимся рекомендательным технологиям, все больше правящим бал в информационном пространстве. Автору на примере опыта и экспериментов проекта «Сохраненная культура» удалось изучить, как они работают.

У проекта существует группа в «ВКонтакте», канал в Telegram и каналы в Rutube и YouTube. До недавнего времени проект в принципе не занимался дополнительным привлечением аудитории, а наиболее посещаемым у проекта являлся YouTube-канал, на котором сейчас размещено свыше 80 видео, включая пять полнометражных документальных фильмов.

Именно на базе этого канала и с использованием его контента был проведен ряд экспериментов и, несмотря на происходящее с лета 2024 г. замедление функционирования YouTube, были выявлены показательные особенности представления и востребованности контента. В отсутствие финансовой возмож-

ности и, главное, цели резко повысить показатели проекта именно за счет оплачиваемой рекламы для них был выбран метод разбиения значительных по длительности видеоматериалов на короткие смысловые фрагменты, содержащие небольшую историю, один факт или чье-то мнение.

Целесообразность реализуемого метода объясняется печальной особенностью, которую автор наблюдает не только в связи со своим проектом: если группа/канал не имеет очень много подписчиков и в ней появляется материал длительностью от 8–10 минут, вероятность того, что такой материал без рекламы привлечет существенное внимание и соберет заметное количество просмотров, будет невысока. Кроме того, о чем было сказано выше, длительные видеоматериалы массовый пользователь все меньше смотрит, неслучайно почти на всех видеосервисах и платформах появился формат коротких видеороликов. Правда, так получается, что в подавляющем большинстве они имеют развлекательное содержание.

Коллектив проекта в качестве ироничного названия выбрал для этого эксперимента фантазийный термин «ризация» творчества. Во второй половине июня 2024 г. — к годовщине начала Великой Отечественной войны — из наиболее известного и признанного на кинофестивалях документального фильма проекта — «Архитектура блокады» (80 минут) — было взято 20 кратких сюжетов, которые строились вокруг исторически значимых и при этом интересных фактов, как правило, не известных широкой аудитории. Затем на протяжении трех недель видео последовательно публиковались на канале проекта «Сохраненная культура». Динамика посещаемости YouTube-канала проекта во время «ризации» документального фильма «Архитектура блокады» представлена на рис. 9.

Эксперимент по «ризации» фильма «Архитектуры блокады» дал ощутимый результат — подписчиков канала стало гораздо больше, возросла его посещаемость именно за счет показа коротких роликов (суммарно почти на 40%!), при этом рост количества показов самого фильма «Архитектура блокады», на который везде стояли ссылки, был незначительным, т.е. фильм целиком смотреть зрители не стали. Сами ролики «работали» мимоходом — только в течение светового дня по московскому времени, по истечении 24 часов их никто не смотрел.

Наконец, была выявлена периодичность — регулярно возникали «всплески» посещаемости, а затем наблюдалось явное «падение интереса». На основе анализа детальной статистики посещаемости возникли гипотезы о действии алгоритмов платформы и управлении массовым восприятием контента, в том

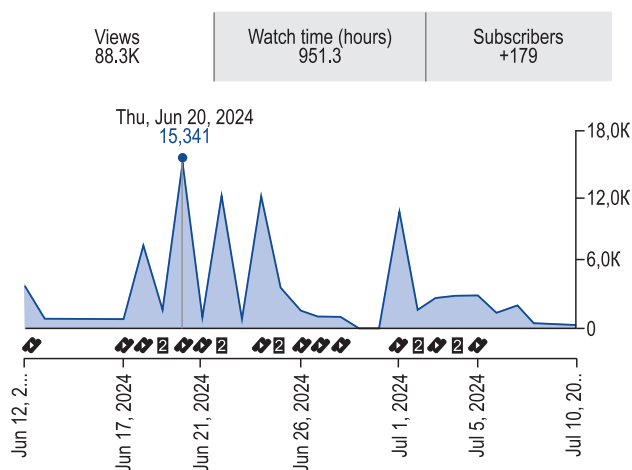

Рис. 9. Посещаемость YouTube-канала проекта «Сохраненная культура» во время «ризации» документального фильма «Архитектура блокады»

числе, о «торможении» внимания к нему. Крайне интересно, что никакой смысловой корреляции сюжетов с их популярностью (если бы одни темы объективно могли быть интереснее или проще в понимании, чем другие) установить не удалось — все темы выглядели равнозначными, но почему-то многое интересное просто не смотрели, а для меньшей части с четкой периодичностью этот интерес возникал.

ВЫВОДЫ

Почему рекомендательные и другие технологии привлечения внимания к контенту крайне важны? Создание в цифровой форме объектов культурного наследия и организация доступа к ним являются необходимыми, но не достаточными условиями успеха, так как можно израсходовать много финансовых средств на них, но их увидят или прочитают крайне незначительное число людей.

Понимание этого представляется крайне важным, поскольку имеющиеся нормально-правовые акты, государственные программы и гранты, международные документы в своем подавляющем большинстве говорят только о создании доступа к знаниям и наследию, но не от том, чтобы они воспринимались в востребованных форматах и с ними активно знакомились человечество.

В новых общественных реалиях цифрового развития можно говорить о том, что с течением времени в стратегии человеческого общества в отношении использования наследия посредством технологий возникла системная ошибка. Так, даже в Хартии ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия утверждается, что «обеспечение преемственности цифрового наследия

имеет крайне важное значение. Его сохранение потребует принятия мер на протяжении всего «периода жизни» цифровой информации — от создания до получения доступа» (ст. 5 документа), и предлагается возможность ознакомления с наследием, но совершенно не говорится, как этого в современном цифровом пространстве и с учетом приведенных выше негативных закономерностей эффективно достичь.

Представляется крайне важным подчеркнуть, что в обстоятельствах «информационного шума» для человека и человечества, кризиса критического мышления, потери навыков самостоятельного поиска знаний простых оцифровки и обеспечения доступа уже недостаточно.

Можно утверждать, что в современных информационных реалиях **цифровое сохранение культурного наследия следует понимать шире**, нежели обычно принято считать. Сейчас **сохранение — это не только создание произведений, актуализация старых исследований и объектов и их представление в цифровой форме с организацией доступа к ним. В современных условиях это также продвижение цифровых объектов и привлечение внимания к ним.**

Это означает, что потребуется:

а) в мире — существенная предметная коррекция документов ООН и ЮНЕСКО, а также принятых документов Межпарламентской Ассамблеи стран — участниц СНГ;

б) в России — кардинальное обновление законодательства об объектах культурного наследия совместно с принятием новых и изменением существующих стратегических документов и программ.

В отношении изменения отечественного законодательства потребуется пересмотр его концепции с заменой сферы регулирования более широкой совокупностью общественных отношений по обеспечению сохранения культурного наследия, в том числе цифрового наследия и оцифрованного материального наследия.

Отдельной проработки потребуют вопросы стимулирования некоммерческой социальной кооперации граждан и организаций, а также кооперации негосударственных инициатив и государственных учреждений и организаций в части предоставления первым доступа к знаниям и наследию, хранящимся у вторых, в целях его некоммерческого использования в цифровом пространстве. Эти и другие меры должны будут способствовать снятию существующих административных и правовых барьеров.

Определенной ревизии и расширению должен подвергнуться институт свободного использования произведений в праве интеллектуальной собственности, особенно в обстоятельствах, когда знания и культурное наследие все активнее становятся инструментом не только внутренней, но и внешней политики.

турное наследие все активнее становятся инструментом не только внутренней, но и внешней политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федотов М.А., Наумов В.Б., Будник Р.А., Тытюк Е.В. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: результаты экспертного опроса // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47, № 4. С. 80.
2. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека / И.С. Ашманов, С.Г. Волобуев, В.Б. Наумов и др. М., 2021. 123 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.president-sovnet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_ppravami_i_svobodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/ (дата обращения: 24.08.2024).
3. Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: дис. ... докт. юр. наук. М., 2020. 455 с.
4. Наумов В.Б. Методология сохранения культурного наследия на примере проекта «Сохраненная культура» // Ценности и смыслы. 2023. № 2 (84). С. 6–23.
5. Наумов В.Б. О социально-правовых вопросах сохранения культурного наследия в цифровую эпоху // Шестые Бачиловские чтения: сб. статей участников Международной научно-практ. конференции. М., 2023. С. 26–37.
6. Наумов В.Б. Общественные интересы или экономическая выгода: нужен компромисс между правом доступа к информации и законом // Библиотечное дело. 2006. № 4 (40). С. 2–4.
7. Наумов В.Б. Право на доступ к знаниям и монополия интеллектуальной собственности: проблемы конвергенции // Право на доступ к информации: Возможности и ограничения в электронной среде: сб. материалов международной научно-практической конференции. Сер. Электронное законодательство. СПб: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2012. С. 25–27.

REFERENCES

1. Fedotov M.A., Naumov V.B., Budnik R.A., Tytyuk E.V. Rol' iskusstvennogo intellekta v sfere intellektual'noj sobstvennosti: rezul'taty ekspertnogo oprosa // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. T. 47. No 4, S. 80.
2. Cifrovaya transformatsiya i zashchita prav grazhdan v cifrovom prostranstve: doklad Soveta pri Prezidente RF po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i

- pravam cheloveka / I.S. Ashmanov, S.G. Volobuev, V.B. Naumov i dr. M., 2021. 123 s. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_podgotovil_doklad_o_polozhenii_del_s_pravami_i_svobodami_cheloveka_i_grazhdanina_v_tsifrovom_pr/ (data obrashcheniya: 24.08.2024).
3. Naumov V.B. Institut identifikacii v informacionnom prave: dis. ... dokt. yur. nauk. M., 2020. 455 s.
 4. Naumov V.B. Metodologiya sohraneniya kul'turnogo naslediya na primere proekta "Sohrannaya kul'tura" // Cennosti i smysly. 2023. No 2 (84). S. 6–23.
 5. Naumov V.B. O social'no-pravovyh voprosah sohraneniya kul'turnogo naslediya v cifrovuyu epohu // "SHesty Bachilovskie chteniya: sb. statej uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-praktich/ konferencii. M., 2023. S. 26–37.
 6. Naumov V.B. Obshchestvennye interes ili ekonomicheskaya vygoda: nuzhen kompromiss mezhdru pravom dostupa k informacii i zakonom // Bibliotechnoe delo. 2006. No 4 (40). S. 2–4.
 7. Naumov V.B. Pravo na dostup k znaniyam i monopoliya intellektual'noj sobstvennosti: problemy konvergencii // Pravo na dostup k informacii: Vozmozhnosti i ogranicheniya v elektronnoj srede.: sb. materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ser. Elektronnoe zakonodatel'stvo. SPb.: Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'cina, 2012. S. 25–27.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ (ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА)

LEGAL BASIS FOR THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION (THE EXPERIENCE OF UZBEKISTAN)

Акмаль Холматович САИДОВ

Законодательная палата Олий Мажлиса Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан,
ncpch2@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9990-0655

Информация об авторе

А.Х. Саидов — первый заместитель спикера Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, академик Академии наук Республики Узбекистан, член Комитета ООН по правам человека, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Раскрываются правовые вопросы защиты прав человека в условиях перехода на цифровую экономику. Дается обзор норм, введенных в законодательство с учетом влияния цифровизации на общественные отношения. Автор рассматривает новые положения Конституции, кодексов, других нормативно-правовых актов. Отдельное внимание уделено обзору концепций и стратегий развития Узбекистана до 2030 г. и их положениям касательно цифровых технологий. Автор отмечает, что законодательство Узбекистана развивается с учетом мировых тенденций, включая такой фактор, как интенсивное развитие цифровых технологий. Отмечается важность совершенствования законодательства в области прав человека с учетом фактора цифровизации и необходимости обеспечить надежные гарантии защиты прав человека в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, электронное судопроизводство, удаленная работа, дистанционное обучение, право на информацию, информационная безопасность

- **Для цитирования:** Саидов А.Х. Правовые основы защиты прав человека в условиях цифровизации (опыт Узбекистана) // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 51–57; DOI: 10.17323/tis.2024.23971

Akmal Kh. SAIDOV

- Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan,
ncpch2@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9990-0655

Information about the author

- Akmal Kh. SAIDOV — the First Deputy Speaker of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
• Member of UN Committee for Human Rights, Doctor of Legal Sciences, Professor

- **Abstract.** The article is devoted to the development of legislation of Uzbekistan in the context of the transition to a digital economy. The article provides an overview of the norms introduced into the law taking into account the impact of digitalization on public relations. The author examines new provisions of the Constitution, codes, and other regulatory legal acts. Particular attention is paid to the review of concepts and strategies for the development of Uzbekistan until 2030 and their provisions regarding digital technologies. The author notes that the legislation of Uzbekistan is developing taking into account global trends, including such a factor as the intensive development of digital technologies. It is important to continue measures

В целях создания правовой базы цифровизации приняты следующие законы: «О кибербезопасности», «О гарантиях и свободе доступа к информации», «О защите персональных данных», «О защите детей от информации, наносящей вред здоровью» и др. Закон «Об обращениях физических и юридических лиц» принят в новой редакции, где закреплено понятие «электронное обращение». Закон закрепляет право на обращение в электронной форме, что призвано облегчить процедуру обращения.

Важным шагом было принятие в 2019 г. Закона Республики Узбекистан «О персональных данных». Согласно Закону, государство гарантирует защиту персональных данных. Собственник и (или) оператор, а также третье лицо принимают правовые, организационные и технические меры по защите персональных данных, обеспечивающие:

- реализацию права субъекта на защиту от вмешательства в его частную жизнь;
- целостность и сохранность персональных данных;
- соблюдение конфиденциальности персональных данных;
- предотвращение незаконной обработки персональных данных.

Согласно данному Закону, конфиденциальность персональных данных определяется как обязательное для соблюдения собственником и (или) оператором или иным получившим доступ к персональным данным лицом требование о недопустимости их раскрытия и распространения без согласия субъекта или наличия иного законного основания. Собственник и (или) оператор и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать и не распространять персональные данные без согласия субъекта.

Особую значимость в современных реалиях имеет принятие Закона Республики Узбекистан «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью». Согласно этому закону, основными направлениями государственной политики в области защиты детей от информации, наносящей вред их здоровью, являются:

- создание правовых, социально-экономических, организационных и технических условий, обеспечивающих защиту детей от информации, наносящей вред их здоровью, а также развитие научных и прикладных исследований в данной сфере;
- предотвращение противоправного информационно-психологического воздействия на сознание детей, манипулирования ими, распространения информационной продукции, провоцирующей детей на антисоциальные действия, а также профилактика правонарушений в данной сфере;

- поддержка деятельности органов самоуправления граждан, негосударственных некоммерческих организаций, других институтов гражданского общества, физических и юридических лиц в области защиты детей от информации, наносящей вред их здоровью;
- разработка и совершенствование критериев, механизмов и методик классификации информации, наносящей вред здоровью детей, внедрение аппаратно-программных и технических средств обеспечения информационной безопасности детей.

Важно развивать законодательство по защите от кибернасилия. Первые шаги в этом направлении уже сделаны, в частности в сфере защиты женщин от бытового насилия. В законе Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснений и насилия» закреплено, что «преследование — действия, совершаемые против воли жертвы, несмотря на ее два или более предупреждения или сопротивление, выраженные в поиске жертвы, вступлении с ней в общение устно, посредством сетей телекоммуникаций, в том числе через всемирную информационную сеть Интернет либо путем применения иных способов, в посещении места ее работы, учебы и (или) проживания, и вызывающие у жертвы опасение за свою безопасность».

В Кодексе Республики Узбекистан об административной ответственности появилась ст. 46² (Нарушение законодательства о персональных данных). Согласно этой статье, незаконный сбор, систематизация, хранение, изменение, дополнение, использование, предоставление, распространение, передача, обезличивание и уничтожение персональных данных, а равно несоблюдение при обработке персональных данных граждан Республики Узбекистан с использованием информационных технологий, в том числе во всемирной информационной сети Интернет, требований по сбору, систематизации и хранению персональных данных на технических средствах, физически размещенных на территории Республики Узбекистан, и в базах персональных данных, зарегистрированных в установленном порядке в Государственном реестре баз персональных данных, влечет наложение штрафа на граждан в сумме семи, а на должностных лиц — пятидесяти базовых расчетных величин.

Также в данном Кодексе появилась ст. 202² (Распространение ложной информации), согласно которой «распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, приводящее к унижению достоинства личности или дискредитации личности, влечет нало-

жение штрафа в сумме пятидесяти базовых расчетных величин».

Согласно ст. 244⁶ Уголовного кодекса (Распространение ложной информации), распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, приводящее к унижению достоинства личности или дискредитации личности, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия, наказывается штрафом до ста пятидесяти базовых расчетных величин или обязательными общественными работами до двухсот сорока часов либо исправительными работами до двух лет или ограничением свободы до двух лет. Распространение ложной информации, в том числе в средствах массовой информации, в сетях телекоммуникаций, всемирной информационной сети Интернет, содержащей угрозу общественному порядку или безопасности, при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 244¹ настоящего Кодекса, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия, наказывается штрафом до двухсот базовых расчетных величин или обязательными общественными работами до трехсот часов либо исправительными работами до двух лет или ограничением свободы до двух лет.

Дополнения внесены также в Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Так, согласно ст. 139, «клевета в печатном или иным способом размноженном виде, в том числе размещенная в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, наказывается штрафом от двухсот до четырехсот базовых расчетных величин или обязательными общественными работами от трехсот до трехсот шестидесяти часов либо исправительными работами от двух до трех лет или ограничением свободы до одного года».

В ст. 141² Уголовного кодекса закреплена ответственность за нарушение законодательства о персональных данных. Согласно статье, «незаконный сбор, систематизация, хранение, изменение, дополнение, использование, предоставление, распространение, передача, обезличивание и уничтожение персональных данных, а равно несоблюдение при обработке персональных данных граждан Республики Узбекистан с использованием информационных технологий, в том числе во всемирной информационной сети Интернет, требований по сбору, систематизации и хранению персональных данных на технических средствах, физически размещенных на территории Республики Узбекистан, и в базах персональных данных, зарегистрированных в установленном порядке в Государственном реестре баз персональных данных,

совершенное после применения административного взыскания за такие же действия, наказывается штрафом от ста до ста пятидесяти базовых расчетных величин или лишением определенного права до трех лет либо исправительными работами до двух лет».

Статья 141³ предусматривает ответственность за разглашение сведений, ущемляющих честь и достоинство личности и отражающих интимные стороны жизни человека. Согласно этой статье, распространение информации, содержащей фото- и (или) видеоизображения обнаженного тела и (или) половых органов человека без его согласия, в том числе распространение в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, либо угроза распространения такой информации наказываются штрафом от четырехсот до шестисот базовых расчетных величин или обязательными общественными работами до трехсот шестидесяти часов либо исправительными работами до трех лет. Те же действия, совершенные повторно или опасным рецидивистом; по предварительному сговору группой лиц; в отношении лица, заведомо для виновного не достигшего восемнадцати лет, наказываются обязательными общественными работами от трехсот шестидесяти до четырехсот восьмидесяти часов или ограничением свободы от одного года до трех лет либо лишением свободы до трех лет.

Изменения в связи с цифровизацией внесены также в Трудовой кодекс Республики Узбекистан. Так, ст. 452–464 Трудового кодекса посвящены особенностям регулирования дистанционного труда. Согласно ст. 452, дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, обособленного подразделения организации (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе всемирной информационной сети Интернет.

Согласно ст. 456, в трудовой договор с дистанционным работником наряду с обычными включаются также следующие условия:

- 1) график дистанционной работы — количество и периодичность предоставления рабочих дней и рабочих часов работнику в режиме дистанционной работы;
- 2) способы обмена информацией между сторонами о производственных заданиях и их выполнении;

- 3) периоды работы на стационарном рабочем месте и дистанционной работы, а также порядок их чередования, когда устанавливается комбинированный режим дистанционной работы;
- 4) порядок предоставления дистанционному работнику оборудования и (или) оргтехники, в случае если для осуществления дистанционным работником трудовой функции необходимо соответствующее оборудование и (или) оргтехника, за исключением случаев, когда сторонами достигнута договоренность об использовании дистанционным работником принадлежащего ему или арендованного им оборудования и (или) оргтехники;
- 5) обязанности работодателя по осуществлению ремонта оборудования и (или) оргтехники, переданных дистанционному работнику для осуществления им обусловленной трудовым договором трудовой функции;
- 6) обеспечение работника необходимыми для регулярного взаимодействия с работодателем средствами связи, включая доступ к всемирной информационной сети Интернет;
- 7) условия возмещения работником причиненного по его вине работодателю ущерба, связанного с порчей оборудования и (или) оргтехники, переданных работодателем дистанционному работнику;
- 8) порядок проведения инвентаризации переданных в пользование дистанционному работнику оборудования, оргтехники, программно-технических средств, средств связи, средств защиты информации и иных средств;
- 9) порядок и условия возмещения дистанционному работнику расходов в случае использования им своего оборудования и (или) оргтехники для выполнения трудовых обязанностей;
- 10) порядок и условия возмещения дистанционному работнику расходов в связи с использованием им средств связи для выполнения трудовых обязанностей;
- 11) порядок взаимодействия дистанционного работника и работодателя путем обмена электронными документами;
- 12) обязанность дистанционного работника известить работодателя в случае невозможности выполнения обусловленной производственным заданием работы в сроки, установленные трудовым договором, с указанием причины, препятствующей ее своевременному выполнению;
- 13) обязанности работодателя и дистанционного работника по соблюдению необходимых правил охраны и условий труда.

Согласно ст. 462 ТК, продолжительность ежегодного трудового отпуска дистанционного работника не может быть менее двадцати одного календарного дня, если он в соответствии с трудовым законодательством, иными правовыми актами о труде или трудовым договором не имеет права на ежегодный трудовой отпуск большей продолжительности. Порядок предоставления дистанционному работнику ежегодного трудового отпуска и иных видов отпусков определяется трудовым договором о дистанционной работе в соответствии с настоящим Кодексом и иными правовыми актами о труде.

Оплата труда дистанционного работника при повременной системе оплаты труда производится за фактически отработанное время, а при сдельной системе оплаты труда — за фактически выполненный объем работы. Нормы выработки и сдельные расценки устанавливаются по соглашению сторон трудового договора из расчета нормального рабочего времени, установленного в соответствии с трудовым законодательством, для выполнения работ. Размер оплаты труда дистанционного работника должен быть сравним с условиями оплаты труда работников, занятых на самом производстве у работодателя. Оплата труда дистанционного работника не может быть ниже установленного законодательством минимального размера оплаты труда при условии выполнения им норм труда и трудовых обязанностей и не ограничивается каким-либо максимальным размером. Если в местности, где осуществляет свой труд дистанционный работник, установлен районный коэффициент к заработной плате, оплата труда дистанционного работника должна производиться с учетом этого коэффициента.

Изменения внесены также в законодательство об образовании. Так, ст. 16 Закона Республики Узбекистан закрепляет понятие дистанционного образования. Согласно данной статье, дистанционное образование направлено на получение обучающимися необходимых знаний, умений и навыков в соответствии с учебными планами и учебными программами на расстоянии с использованием информационно-коммуникационных технологий и всемирной информационной сети Интернет. В законе также предусмотрена статья касательно открытости и прозрачности деятельности образовательных организаций. Согласно ст. 27 Закона, открытость и прозрачность деятельности образовательных организаций обеспечиваются открытыми информационными сообщениями о деятельности образовательных организаций, размещаемыми на их официальных веб-сайтах во всемирной сети Интернет.

Особое внимание вопросам цифровизации уделяется в судебной-правовой сфере. Постановление Пре-

зидента Республики Узбекистан «О мерах по цифровизации деятельности органов судебной власти» от 3 сентября 2020 г. также имеет важное значение в определении перспективных задач по повышению эффективности судебной системы, обеспечению открытости и прозрачности суда для населения. Цифровизация судебной системы должна помочь еще более эффективно защищать права человека. Широкое внедрение в деятельность судов современных информационно-коммуникационных технологий наряду с расширением масштаба интерактивных услуг, предоставляемых населению и субъектам предпринимательства, повышает эффективность делопроизводства и оперативность рассмотрения судебных дел.

Цифровизация позволяет судам автоматизировать многие процессы, связанные с рассмотрением дел. Теперь судьи могут в электронном виде отправлять судебные повестки и документы, что значительно экономит время и силы. Также введены электронные очереди на рассмотрение дел, что позволяет более равномерно распределить нагрузку между судьями. Одним из главных преимуществ цифровизации является возможность проведения онлайн-заседаний суда. Теперь участники процесса могут присутствовать на заседании, находясь в разных городах или даже странах. Это значительно упрощает доступ к правосудию и делает судебную систему более открытой и прозрачной. Кроме того, цифровизация позволяет судам более эффективно контролировать исполнение судебных решений. Система автоматически отслеживает статус исполнения решений и напоминает о необходимости их выполнения. Это помогает предотвратить злоупотребления и повышает доверие к судебной системе. В целом, цифровизация судебной системы Узбекистана является важным шагом в развитии правовой сферы страны. Она позволяет повысить эффективность работы судов, обеспечить более быстрое и справедливое рассмотрение дел, а также сделать судебную систему более доступной и прозрачной для граждан [1].

В условиях цифровизации возрастает роль законодательства в области информации, информатизации и СМИ. Закон Республики Узбекистан «О принципах и гарантиях свободы информации» закрепляет понятие «информационная безопасность». Согласно Закону, информационная безопасность — состояние защищенности интересов личности, общества и государства в информационной сфере. Также, согласно Закону, государство защищает право каждого на поиск, получение, исследование, распространение, использование и хранение информации. Не допускается ограничение права на информацию в зависимости от пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и обществен-

ного положения. Данное право — одно из ключевых в условиях информационного общества и цифровой трансформации.

Согласно данному Закону, органы государственной власти и управления, органы самоуправления граждан, общественные объединения и другие негосударственные некоммерческие организации и должностные лица обязаны в установленном законодательством порядке обеспечивать каждому возможность ознакомления с информацией, затрагивающей его права, свободы и законные интересы, создавать доступные информационные ресурсы, осуществлять массовое информационное обеспечение пользователей по вопросам прав, свобод и обязанностей граждан, их безопасности и другим вопросам, представляющим общественный интерес. Статья 12 Закона предусматривает, что государственная политика в области обеспечения информационной безопасности направлена на регулирование общественных отношений в информационной сфере и определяет основные задачи и направления деятельности органов государственной власти и управления, а также место и роль органов самоуправления граждан, общественных объединений и других негосударственных некоммерческих организаций, а также граждан в области обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства.

Особую значимость имеет ст. 13, согласно которой «информационная безопасность личности обеспечивается путем создания необходимых условий и гарантий свободного доступа к информации, защиты тайны частной жизни, защиты от противоправных информационно-психологических воздействий. Информация о персональных данных физических лиц относится к категории конфиденциальной информации». Законом предусмотрено, что не допускаются сбор, хранение, обработка, распространение и использование информации о частной жизни, а равно информации, нарушающей тайну частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений физического лица без его согласия, кроме случаев, установленных законодательством. Запрещается использование информации о физических лицах в целях причинения им материального ущерба и морального вреда, а также воспрепятствования в реализации их прав, свобод и законных интересов. Юридические и физические лица, получающие информацию о гражданах, владеющие ей и использующие ее, несут предусмотренную законом ответственность за нарушение порядка использования этой информации. Средства массовой информации не вправе раскрывать источник информации или автора, подписавшегося псевдонимом, без

их согласия. Источник информации или имя автора могут быть раскрыты только по решению суда. Данные положения законодательства важны для защиты персональных данных.

Среди принятых мер также можно упомянуть следующие:

- создание веб-сайтов всех государственных органов и ведомств, что расширяет доступ к информации;
- создание платформы www.regulation.gov.uz, где размещаются проекты нормативно-правовых актов, по поводу которых общественность может выразить свое мнение;
- создание сайта *Mening fikrim* («Мое мнение»), где граждане могут выдвигать свои инициативы по совершенствованию законодательства или государственной политики;
- создание системы электронного правосудия (E-sud) для обращения в суды, что способствует экономии времени и финансовых расходов для граждан в случае необходимости обращения в суд для защиты своих прав;
- расширение системы оказания бесплатной юридической помощи населению, возможностей правовой информационной системы *Advice.uz*, а также поддержки негосударственной некоммерческой организации «Мадад», предоставляющей гражданам бесплатные юридические консультации.

Особое внимание уделяется обучению и привитию навыков работы с цифровыми технологиями. Указанные выше меры способствуют обеспечению и защите прав человека в условиях цифровизации.

Помимо мер по преодолению цифрового неравенства на мировом уровне важно принимать меры по преодолению разрыва на национальном уровне. Как отметила бывший Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет, «нужно работать совместно — юристам в области прав человека, специалистам по вычислительной технике и инженерам, представителям коммерческих предприятий и правительственным и межправительственным органам — в целях разработки методов оценки воздействия на осуществление прав человека и других систем анализа и руководства, которые могут учитывать специфические требования цифровых систем... Прежде всего обязанность защищать права человека должна быть явным приоритетом всех заинтересованных сторон: государств, разработчиков, ученых, инвесторов, коммерческих предприятий и гражданского общества» [2].

Таким образом, законодательство в области цифровизации должно развиваться с учетом прав человека, а законодательство в области прав человека

должно учитывать влияние и потенциал цифровых технологий. Из изложенного выше видно, что законодательство Узбекистана развивается с учетом мировых тенденций, включая такой фактор, как интенсивное развитие цифровых технологий. Важно продолжать меры по совершенствованию законодательства в области прав человека с учетом фактора цифровизации и обеспечить надежные гарантии защиты прав человека в условиях цифровой экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каюмов Б. Будущее цифровой судебной системы Узбекистана: новые вызовы и перспективы. 04.07.2023 (дата обращения% 22.10.2024).
2. Выступление Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет в Женевском университете 14 ноября 2018 г. — URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23874&LangID=R> (дата обращения: 22.10.2024).

REFERENCES

1. Kayumov B. Budushchee cifrovoj sudebnoj sistemy Uzbekistana: novye vyzovy i perspektivy. 4.07.2023 (data obrashcheniya: 22.10.2024).
2. Vystuplenie Verhovnogo komissara OON po pravam cheloveka Mishel' Bachelet v Zhenevskom universitete 14 noyabrya 2018 g. — URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=23874&LangID=R> (data obrashcheniya: 22.10.2024).

ИНФОРМАЦИОННОЕ (ЦИФРОВОЕ) ПРАВО В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ) INFORMATION (DIGITAL) LAW IN HIGHER EDUCATION IN THE POST-SOVIET SPACE (USING THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KYRGYZ REPUBLIC)

Астамур Анатольевич ТЕДЕЕВ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация, nauka@audit.msu.ru, SPIN-код: 6358-5080

Информация об авторе

А.А. Тедеев — профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник центра сравнительного государственного управления Института Китая и современной Азии Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. В статье на материалах Российской Федерации и Кыргызской Республики проанализированы закономерности преподавания и развития научных исследований в области информационного (цифрового) права в высшей школе на постсоветском пространстве. Отмечается, что в современных условиях без качественной информационно-правовой подготовки студентов бакалавриата невозможно рассчитывать на успешную реализацию соответствующих юридических магистерских программ. При этом автор исходит из того, что для развертывания эффективной магистерской программы в соответствующем юридическом вузе или на юридическом факультете вуза должна быть сформированная научная школа, представители которой и обеспечат должный уровень ее реализации. Особое внимание уделяется рассмотрению вопроса о закреплении основных приоритетных направлений информационно-правовых исследований.

- **Ключевые слова:** информационное право, цифровизация
- права, правовая кибернетика, цифровое право, сравнительное правоведение, постсоветское пространство,
- Кыргызская Республика, наука информационного права,
- юридическое образование, научная специальность

- **Для цитирования:** Тедеев А.А. Информационное (цифровое) право в высшей школе на постсоветском пространстве (на примере Российской Федерации и Кыргызской Республики) // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 58–65; DOI: 10.17323/tis.2024.23972

Astamur A. TEDEEV

Lomonosov Moscow State University; Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, nauka@audit.msu.ru, SPIN-код: 6358-5080

Information about the author

A.A. Tedeev — professor of the department of state audit of the Higher School of State Audit (Faculty) of the Lomonosov Moscow State University; chief researcher at the center for comparative government studies of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor

- **Abstract.** The article analyzes the patterns of teaching and development of scientific research in the field of information (digital) law in higher education in the post-Soviet space based on the materials of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. It is noted that in

[3–9]. Однако представляется, что на сегодняшний день эта острейшая проблема, требующая самого пристального рассмотрения, все еще находится на периферии внимания.

Как известно, учебная дисциплина «Информационное право» представляет собой учебный курс (учебный предмет), изучаемый в высших учебных заведениях юридического профиля в рамках программ бакалавриата и магистратуры, а также при подготовке аспирантов. Как указано в Большом энциклопедическом словаре, «учебный предмет (учебная дисциплина) — это система знаний, умений и навыков, отобранных из определенной отрасли науки... для изучения в учебном заведении» [10]. С помощью этой учебной дисциплины будущие специалисты (студенты соответствующих учебных заведений) получают необходимые знания о закономерностях формирования и реализации функционирования информационной среды, порядке правового регулирования соответствующих общественных отношений. При этом, естественно, курс информационного права органически связан с курсами конституционного и административного права.

Правомерен вопрос: в чем отличие информационного права как науки от информационного права как учебной дисциплины? Как и любая наука, наука информационного права помимо прочего включает в себя и соответствующие еще не доказанные теоретические гипотезы, предположения, многие из которых могут оказаться ошибочными. Естественно, в учебном процессе они либо не используются, либо только упоминаются. Кроме того, в учебном курсе не освещаются устаревшие и оказавшиеся за пределами законодательства и правоприменительной практики положения.

Конечно же, подготовка будущего современного юриста к правовым реалиям мира цифровых технологий должна начинаться в бакалавриате. Более того, например, факультет права НИУ «Высшая школа экономики» в 2022 г. впервые заявил о начале реализации образовательной программы бакалавриата «Цифровой юрист».

В связи с необходимостью корректировки и совершенствования системы высшего профессионального юридического образования особое значение приобретает развитие магистерских программ информационно-правовой направленности. Постепенно (хотелось бы, конечно, других темпов, но тем не менее процесс идет) информационно-правовая тематика занимает должное место и в составе магистерских программ ведущих юридических вузов и факультетов.

Приведу лишь несколько примеров. В настоящее время магистерские программы информационно-правовой направленности начинают занимать важное

место в системе подготовки современных юристов. Например, в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) реализуются магистерская программа «Цифровое право (IT Law)» (руководитель программы профессор А.В. Минбалеев) и совместно с юридическим институтом Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы — сетевая программа «Цифровые финансовые технологии и право (FinTech Law)» (руководитель программы профессор А.А. Ситник). В рамках последней изучаются вопросы правового регулирования цифровых валют и цифровых финансовых активов, а также использования цифровых технологий в бюджетной, налоговой, банковский сферах, на финансовом рынке и т.д. При этом с 2023 г. в рамках магистерской программы «Цифровое право (IT Law)» открыто направление «Цифровое банковское право», разработанное кафедрой банковского права (заведующий кафедрой профессор Л.Г. Ефимова). Студенты, избравшие такую информационно-правовую траекторию магистратуры, изучают теоретические и практические проблемы цифрового банковского права, цифровизацию банковского кредитования, цифровые банковские расчеты и счета, правовой режим оборота цифровых валют в банковской деятельности, краудфандинг с участием кредитных организаций, цифровые платежные системы, защиту прав потребителей банковских услуг в цифровом банке, борьбу с легализацией преступных доходов в цифровом банке, правовые аспекты развития банковских экосистем, способы обеспечения кредита в цифровом банке и другие вопросы, касающиеся роли цифровых банков в цифровой экономике [11]. Кроме того, ряд дисциплин информационно-правового характера изучается на магистерской программе МГЮА «Интеллектуальные права и право новых технологий» (руководитель программы профессор Л.А. Новоселова).

На юридическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова реализуется магистерская программа «Информационные правоотношения в инновационной экономике» (руководитель программы профессор В.А. Северин), студенты которой, в частности, изучают актуальные проблемы регулирования информационных технологий, информационное общество и информационную безопасность, правовое обеспечение безопасности использования информационно-коммуникационных технологий в инновационных процессах (на английском языке), преступления в информационной сфере, информационное общество и защиту персональных данных, контроль в сфере обращения информации, механизмы защиты прав на

коммерческую тайну, а также зарубежный опыт правового регулирования и защиты информации (на английском языке) [12].

Кроме того, ряд информационно-правовых дисциплин изучается в рамках магистерской программы юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Интеллектуальные права, искусственный интеллект и цифровые технологии» (руководители программы профессора А.А. Гребенюк и Н.В. Козлова). Программа представляет собой крупный совместный проект трех факультетов МГУ — юридического (в лице кафедры гражданского права), глобальных процессов и Высшей школы современных социальных наук (факультет МГУ). Спецификой магистерской программы является ее реализация в рамках научно-образовательной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Математические методы анализа сложных систем» [13].

В Высшей школе государственного аудита (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова реализуется юридическая магистерская программа «Компьютерное право и информационная безопасность» (руководитель программы член-корреспондент РАН Ю.М. Батурич). При этом в рамках рассматриваемой программы будущие IT-юристы могут получить профессиональные знания и навыки в сферах применения информационного законодательства, построения информационного общества и электронного государства (создание информационных систем и ресурсов, расследование компьютерных правонарушений и электронное правосудие), ведения электронного бизнеса (финансы, торговля, реклама, СМИ) и обеспечения надежной информационной безопасности своей сферы деятельности [14].

В Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ открыта магистерская программа «Юрист в сфере цифровой экономики» (руководитель программы профессор О.В. Шмалий). Программа рассчитана на получение знаний в сфере правового обеспечения применения цифровых вычислительных технологий, развитие которых сегодня является одним из приоритетов как государственной политики, так и международных отношений. Отмечается, что в ходе обучения внимание уделяется формированию навыков юридического анализа правового режима применения передовых цифровых технологий, оборота новых финансовых инструментов (цифровых финансовых активов и криптовалют), практической работы с персональными данными, правового регулирования новых технологий и институтов [15].

На факультете права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

успешно функционирует магистерская программа «Цифровое право» (ранее — «Право информационных технологий и интеллектуальной собственности», «Право в сфере IP/IT»; академический руководитель профессор А.И. Савельев, научный руководитель профессор И.Ю. Богдановская). В программе — две образовательные траектории: трек «Право в сфере интеллектуальной собственности и информационных технологий» (изучаются информационное право, право электронной коммерции, правовые аспекты обработки персональных данных в цифровой экономике, право в сфере телекоммуникаций и медиа, приобретение активов в сфере информационных технологий, правовой режим оборота цифровых данных, управление интернетом, рекламное право, основы информационной безопасности в цифровой среде, правовое регулирование искусственного интеллекта, право в сфере киберспорта и видеоигр и другие дисциплины) и новый трек «Право цифровых платформ» (регулирование цифровых платформ — маркетплейсов, агрегаторов, новых медиа, социальных сетей, финтех-сервисов, государственных платформ и др.) [16].

В Уральском государственном юридическом университете (УГЮУ) имени В.Ф. Яковлева открыта магистерская программа «Юрист в сфере телекоммуникаций и медиатехнологий» (руководитель направления доцент Н.Е. Колобаева). Подчеркивается, что целью этой программы является подготовка ТМТ-юристов (телеком, массмедиа, информационные технологии), медиаюристов в средствах массовой информации, телекоммуникационных компаниях, Роскомнадзоре и других государственных органах. Студентам преподают такие специальные дисциплины, как «Правовое регулирование рекламной деятельности», «Правовое регулирование деятельности журналистов», «Интеллектуальные права в ТМТ-сфере» и многие другие [17].

В Саратовской государственной юридической академии функционирует магистерская программа «Магистр IT law» (руководитель программы профессор С.Е. Чаннов). Отмечается, что программа призвана готовить IT-юристов для работы с большими данными, аналитической статистикой в юриспруденции, электронным документооборотом, цифровыми технологиями в юридической деятельности. Изучаются, в частности, право цифровых технологий, правовое регулирование «интернета вещей», искусственного интеллекта, киберфизических систем и робототехники, электронной коммерции и блокчейн-технологий, правовое обеспечение информационной безопасности, защиты цифровой информации и т.д. [18].

В юридическом институте Сибирского федерального университета с 2022 г. открыта дистанци-

онная магистерская программа «Цифровое право» (руководитель программы доцент С.П. Басалаева), в рамках которой изучаются, в частности, информационное право, правовое регулирование технологии распределенных реестров, правовое регулирование искусственного интеллекта и робототехники, технологические основы цифрового права, цифровое государство, интернет-право, правовое регулирование электронной коммерции, правовой режим цифровых валют и финансовых активов, электронные технологии в цивилистическом процессе, юридически значимый электронный документооборот, цифровые технологии в расследовании и доказывании по уголовным делам, правовые аспекты рынка труда в цифровом мире, преступления в сфере информационных и цифровых технологий, налогообложение в цифровой среде, правовое сопровождение деятельности IT-компаний, правовое регулирование виртуальной и дополненной реальности, защита интеллектуальной собственности в цифровой среде, цифровые закупки товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и др. Содержание магистерской программы подобрано таким образом, чтобы подготовить юристов, способных осуществлять правовое сопровождение деятельности IT-компаний, знающих особенности программного обеспечения как объекта интеллектуального права, способы монетизации и защиты прав на программные продукты, налоговые риски и др. [19].

В юридической школе Дальневосточного федерального университета в настоящее время открыта магистерская программа «Цифровое право: правовое регулирование применения цифровых технологий и систем искусственного интеллекта» (руководитель программы доцент А.Ф. Реховский). При этом непосредственно в паспорте образовательной программы, утвержденном руководителем (директором) юридической школы 18 января 2024 г., отмечено, что она представляет собой «совершенное ноу-хау для Дальнего Востока» [20].

Вместе с тем можно наблюдать и примеры своеобразного отката, когда, к сожалению, реализация соответствующих магистерских программ информационно-правового характера начиналась, но в дальнейшем развить это направление по ряду причин не удалось. Во Всероссийском государственном университете юстиции (Российская правовая академия Минюста России) вопросы информационного права до 2021 г. были включены в магистерскую программу «Информационное общество, цифровая экономика и информационная безопасность» (до этого реализовывалась программа «Информационное право и информационная безопасность»).

На юридическом факультете Южного федерального университета была магистерская программа «Финансовое право и экономика в условиях цифровой реальности», направленная скорее на финансово-правовой блок компетенций, но содержащая и информационно-правовые дисциплины. В настоящее время, к сожалению, магистерских программ по информационному (цифровому) праву в указанных университетах нет.

Кроме того, отметим, что во многих ведущих российских университетах развертывание информационно-правовых магистерских программ только планируется.

В государствах постсоветского пространства курс информационного права также постепенно занимает достойное место в структуре подготовки современных юристов — бакалавров и магистров.

В Кыргызской Республике, например, в рамках основной образовательной программы бакалавриата по направлению 530500 «Юриспруденция» изучение курса информационного права, как правило, осуществляется в формате дисциплины профессионального цикла подготовки. Так, в Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики имени Ж. Абдрахманова в рамках реализуемой программы юридического бакалавриата (профиль «Юрист в сфере государственной службы») дисциплина «Информационное право» (36 часов аудиторных занятий) включена в элективную часть профессионального цикла и изучается на 2-м курсе. При этом на 3-м курсе студентам отдельно преподается курс «Цифровое право» (24 часа аудиторных занятий). Отмечу, что до 2021 г. информационное право относилось к обязательным дисциплинам (цифровое право было в вариативной части), а преподавались дисциплины соответственно на 3-м и 4-м курсах бакалавриата.

В магистратуре по направлению 530500 «Юриспруденция» с 2019 г. реализуется программа «Юрист в государственном цифровом управлении» (в настоящее время — на основании Государственного стандарта высшего профессионального образования, утвержденного Приказом Министерства образования и науки Кыргызской Республики от 21 сентября 2021 г. № 1578/1). В рамках этой программы предусмотрено преподавание дисциплин «Информационное право» (курс по выбору студента, 28 часов аудиторных занятий, изучается в 3-м триместре), «Правовые основы кибербезопасности», «Право социального обеспечения в цифровом государстве», «Избирательное право в эпоху цифровизации», «Договорное право в цифровой сфере», «Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху» и т.д.

В Кыргызской государственной юридической академии при Правительстве Кыргызской Республики на факультете права и юстиции одним из направлений образовательной программы юридического бакалавриата выступает профиль «Право на информацию (информационное право)» («Маалымат укугу»), направленный на подготовку юристов в области информационного права. Отмечается, что актуальность данного профиля обусловлена активным проникновением информационных технологий. По мнению руководства академии, в современных условиях подготовка квалифицированных кадров, специализирующихся на регулировании правоотношений в сфере создания, использования и предоставления информации, является одной и приоритетных задач. Кроме того, на этом же факультете реализуется магистерская программа подготовки правоведов по профилю «Право на информацию (информационное право) и информационная безопасность» («Маалымат укугу жана маалыматтык коопсуздук»). Базовой образовательной площадкой программы при этом выступает имеющаяся на факультете кафедра информационного права и естественно-научных дисциплин.

В учебном процессе помимо учебников и учебных пособий по информационному праву российских ученых в Кыргызской Республике используются и разработки национальных научных школ [21–24].

Отдельно необходимо обратиться к вопросу подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации по информационному праву. Согласно Номенклатуре специальностей научных работников (в ред. постановлений президиума ВАК Кыргызской Республики от 28 июня 2018 г. № 100, 27 сентября 2018 г. № 123, 1 октября 2020 г. № 067, постановлений президиума Национальной аттестационной комиссии при Президенте Кыргызской Республики (НАК ПКР) от 29 июня 2023 г. № 312, 314), информационно-правовые исследования осуществляются по специальности 12.00.14 — «Административное право, финансовое право, информационное право».

Согласно Паспорту указанной научной специальности (Приложение 9 к Постановлению президиума ВАК Кыргызской Республики от 27 декабря 2016 г. № 235), основными задачами науки информационного права в Кыргызской Республики выступают: исследование предмета и методов правового регулирования, источников и состояния законодательства, правовых институтов и правоотношений в информационной среде, разработка предложений по совершенствованию норм законодательства и правоприменительной практики в информационной сфере.

При этом, определяя основные приоритетные направления информационно-правовых исследований,

кыргызские правоведы обоснованно методически опирались на российский опыт разработки аналогичного документа (паспорта научной специальности 12.00.13 — Информационное право), используя его содержание с небольшими изъятиями из области исследования. Остались не востребуемыми следующие темы: тема 9 — «Проблемы методологии информационного права»; тема 22 — «Правовое регулирование информационных отношений в области архивного и библиотечного дела»; тема 23 — «Правовое регулирование информационных отношений в сфере документирования и документооборота в электронной форме. Правовое регулирование использования электронной цифровой подписи»; тема 25 — «Правовое регулирование информационных отношений, формирующихся в экономической сфере (в сфере электронной экономической деятельности, информационной экономики, электронной коммерции). Правовое регулирование информационных отношений в сфере рекламы». В теме 16 сократили детализацию, убрав следующие рубрики: правовой режим охраны, реализации и защиты информационных прав (прав субъектов информационных отношений); правовой режим информации; правовой режим открытой и общедоступной информации; правовая защита открытой информации и социальных сетей; правовые режимы информации, распространение которой ограничивается или запрещается; конфиденциальность информации: виды тайн; правовой режим личной и семейной тайны, тайны частной жизни; правовые режимы государственной, служебной, профессиональной, коммерческой и иных охраняемых законом тайн; правовая защита тайны источника информации. В то же время к российским была добавлена тематическая область 3.25 — «Проблемы имплементации норм международного информационного права в национальное информационное законодательство Кыргызской Республики. Проблемы использования зарубежного опыта правового регулирования информационных отношений».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ткачев А.В. Правовая информатика и кибернетика: 40 лет развития науки и учебной дисциплины // Сборники Президентской библиотеки. Вып. 4: Право и информация: вопросы теории и практики: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н.А. Шевелева. СПб., 2014. С. 46.
2. Основы правовой кибернетики: уч. пособие для юрид. вузов / Н.С. Полевой, А.Р. Шляхов, В.В. Панкратов и др.; под ред. Н.С. Полевого и А.Р. Шляхова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.

3. Витрук Н.В. Правовая кибернетика как наука и как учебная дисциплина // Актуальные проблемы теории и практики применения математических методов и ЭВМ в деятельности органов юстиции: тез. докладов на V Всесоюзной конференции по проблемам правовой кибернетики. Вып. 1. М., 1975. С. 19–23.
4. Витрук Н.В., Земляной М.И. О преподавании курса «Основы правовой кибернетики» // Правоведение. 1972. № 4. С. 89–93.
5. Дубин Л.Б. Некоторые вопросы преподавания курса «Основы правовой кибернетики» // Актуальные проблемы теории и практики применения математических методов и ЭВМ в деятельности органов юстиции: тез. докладов на V Всесоюзной конференции по проблемам правовой кибернетики. Вып. 1. М., 1975. С. 110–112.
6. Жуков В.И. О создании общественной лаборатории правовой кибернетики при Кишиневском политехническом институте // Применение математических методов и вычислительной техники в праве, криминалистике и судебной экспертизе: материалы симпозиума. М., 1970. С. 56–57.
7. Полевой Н.С. Предмет и проблемы преподавания правовой кибернетики в юридических вузах // Актуальные проблемы теории и практики применения математических методов и ЭВМ в деятельности органов юстиции: тезисы докладов на V Всесоюзной конференции по проблемам правовой кибернетики. Вып. 1. М., 1975. С. 106–109.
8. Толстошеев В., Шахрай С. Информатика и юридическое образование // Советская юстиция. 1987. № 22. С. 12–13.
9. Шахрай С.М. Основные направления использования ЭВМ в учебном процессе юридических вузов // Право и информатика / под ред. Е.А. Суханова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 125–143.
10. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БРЭ; СПб.: Норинт, 1998. С. 12–59.
11. Официальный сайт МГЮА. — URL: <https://msal.ru/programs/vysshee-obrazovanie/magistratura/magisterskaya-programma-tsifrovoye-pravo-it-law/> (дата обращения: 03.10.2024).
12. Официальный сайт юридического факультета МГУ. — URL: <https://www.law.msu.ru/courses/58> (дата обращения: 03.10.2024).
13. Официальный сайт юридического факультета МГУ. — URL: <https://www.law.msu.ru/courses/72> (дата обращения: 03.10.2024).
14. Официальный сайт Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ. — URL: <https://audit.msu.ru/education/master/> (дата обращения: 03.10.2024).
15. Официальный сайт РАНХИГС. — URL: [https://www.ganepa.ru/magistratura/napravleniya-i-programmy/program.php?ELEMENT_CODE=010417&level=magistratura&budget=\[\]&forma=\[\]&ekzamen=\[2\]&napr=\[400401\]&institute=\[\]&minprice=\[207000\]&maxprice=\[654500\]](https://www.ganepa.ru/magistratura/napravleniya-i-programmy/program.php?ELEMENT_CODE=010417&level=magistratura&budget=[]&forma=[]&ekzamen=[2]&napr=[400401]&institute=[]&minprice=[207000]&maxprice=[654500]) (дата обращения: 03.10.2024).
16. Официальный сайт НИУ ВШЭ. — URL: <https://www.hse.ru/ma/dlaw/> (дата обращения: 03.10.2024).
17. Официальный сайт УГЮУ имени В.Ф. Яковлева. — URL: https://usla.ru/departments/moreinfo.php?detal=182&moreinfo_id=157 (дата обращения: 03.10.2024).
18. Официальный сайт Саратовской государственной юридической академии. — URL: <http://www.xn--80af5bzc.xn--p1ai/ru/component/k2/item/15106-magistr-it-law> (дата обращения: 03.10.2024).
19. Официальный сайт Сибирского федерального университета. — URL: https://edu.sfu-kras.ru/sites/edu.sfu-kras.ru/files/oor/plans/4004010013_OP-23.plm.plx.pdf (дата обращения: 03.10.2024).
20. Официальный сайт Дальневосточного федерального университета. — URL: <https://postupi.dvfu.ru/upload/medialibrary/b0f/32wwjkl7ckw7v7kgr0wlj09buab54rjm/%D0%9F%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%20%D0%9E%D0%9F%20%D0%A6%D0%9F.pdf> (дата обращения: 03.10.2024).
21. Абдувапова Г.К., Нуркулова Н.М. Субъекты и источники информационного права. // Известия вузов Кыргызстана. 2017. № 12. С. 95–96.
22. Муслимов Ш.Р. Информационное право: теоретические основы формирования и становления в системе права Кыргызстана. // Вестник КPCY. 2015. Т. 15. № 2. С. 134–138.
23. Муслимов Ш.Р. Информационное право: учебное пособие для студ. направления «Юриспруденция». Бишкек: Изд-во КPCY, 2014.
24. Муслимов Ш.Р. К вопросу систематизации информационного законодательства Кыргызстана // Проблемы науки. 2017. № 16 (98). С. 90–93.

REFERENCES

1. Tkachev A.V. Pravovaya informatika i kibernetika: 40 let razvitiya nauki i uchebnoj discipliny // Sborniki Prezidentskoj biblioteki. Вып. 4: Pravo i informaciya: voprosy teorii i praktiki: sb. mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / nauch. red. N.A. Shevelyova. SPb, 2014. S. 46.
2. Osnovy pravovoj kibernetiki: uch. posobie dlya yurid. vuzov / N.S. Polevoj, A.R. Shlyakhov, V.V. Pankratov i dr.; pod red. N.S. Polevogo i A.R. Shlyakhova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977.
3. Vitruk N.V. Pravovaya kibernetika kak nauka i kak uchebnaya disciplina // Aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya matematicheskikh metodov i

- EHVM v deyatelnosti organov yusticii: tez. dokladov na Vsesoyuznoj konferencii po problemam pravovoj kibernetiki. Vyp. 1. M., 1975. S. 19–23.
4. Vitruk N.V., Zemlyanoy M.I. O prepodavanii kursa "Osnovy pravovoj kibernetiki" // Pravovedenie. 1972. No 4. S. 89–93.
 5. Dubin L.B. Nekotorye voprosy prepodavaniya kursa "Osnovy pravovoj kibernetiki" // Aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya matematicheskikh metodov i EHVM v deyatelnosti organov yusticii: tez. dokladov na Vsesoyuznoj konferencii po problemam pravovoj kibernetiki. Vyp. 1. M., 1975. S. 110–112.
 6. Zhukov V.I. O sozdanii obshchestvennoj laboratorii pravovoj kibernetiki pri Kishinevskom politekhnicheskom institute // Primenenie matematicheskikh metodov i vychislitel'noj tekhniki v prave, kriminalistike i sudebnoj ehkspertize. Materialy simpoziuma. M., 1970. S. 56–57.
 7. Polevoj N.S. Predmet i problemy prepodavaniya pravovoj kibernetiki v yuridicheskikh vuzakh // Aktual'nye problemy teorii i praktiki primeneniya matematicheskikh metodov i EHVM v deyatelnosti organov yusticii: tez. dokladov na Vsesoyuznoj konferencii po problemam pravovoj kibernetiki. Vyp. 1. M., 1975. S. 106–109.
 8. Tolstosheev V., Shakhraj S. Informatika i yuridicheskoe obrazovanie // Sovetskaya yusticiya. 1987. No 22. S. 12–13.
 9. Shakhraj S.M. Osnovnye napravleniya ispol'zovaniya EHVM v uchebnom processe yuridicheskikh vuzov. // V sb.: Pravo i informatika / pod red. E.A. Sukhanova. M.: Izd. MGU, 1990. S. 125–143.
 10. Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar' / pod red. A.M. Prokhorova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: BREH; SPb.: Norint, 1998. S. 12–59.
 11. Oficial'nyj sayt MGYUA. — URL: <https://msal.ru/programs/vysshee-obrazovanie/magistratura/magisterskaya-programma-tsifrovoe-pravo-it-law/> (data obrashcheniya: 03.10.2024).
 12. Oficial'nyj sayt Yuridicheskogo fakul'teta MGU. — URL: <https://www.law.msu.ru/courses/58> (data obrashcheniya: 03.10.2024).
 13. Oficial'nyj sayt Yuridicheskogo fakul'teta MGU. — URL: <https://www.law.msu.ru/courses/72> (data obrashcheniya: 03.10.2024).
 14. Oficial'nyj sayt Vysshej shkoly gosudarstvennogo audita (fakul'tet) MGU. — URL: <https://audit.msu.ru/education/master/> (data obrashcheniya: 03.10.2024).
 15. Oficial'nyj sayt RANKHIGS. — URL: [https://www.ranepa.ru/magistratura/napravleniya-i-programmy/program.php?ELEMENT_CODE=010417&level=magistratura&budget=\[\]&forma=\[\]&ekzamen=\[2\]&napr=\[400401\]&institute=\[\]&minprice=\[207000\]&maxprice=\[654500\]](https://www.ranepa.ru/magistratura/napravleniya-i-programmy/program.php?ELEMENT_CODE=010417&level=magistratura&budget=[]&forma=[]&ekzamen=[2]&napr=[400401]&institute=[]&minprice=[207000]&maxprice=[654500]) (data obrashcheniya: 03.10.2024).
 16. Oficial'nyj sayt NIU VSHEH. — URL: <https://www.hse.ru/ma/dlaw/> (data obra-shcheniya: 03.10.2024).
 17. Oficial'nyj sayt UGYUU imeni V.F. Yakovleva. — URL: https://usla.ru/departments/moreinfo.php?detal=182&moreinfo_id=157 (data obrashcheniya: 03.10.2024).
 18. Oficial'nyj sayt Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akade-mii. — URL: <http://www.xn--80af5bzc.xn--p1ai/ru/component/k2/item/15106-magistr-it-law> (data obrashcheniya: 03.10.2024).
 19. Oficial'nyj sayt Sibirskogo federal'nogo universiteta. — URL: https://edu.sfu-kras.ru/sites/edu.sfu-kras.ru/files/oop/plans/4004010013_OP-23.plm.plx.pdf (data obrashcheniya: 03.10.2024).
 20. Oficial'nyj sayt Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. — URL: <https://postupi.dvfu.ru/upload/medialibrary/b0f/32wwjkl7ckw7v7kgr0wlj09bua b54rjm/%D0%9F%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%20%D0%9E%D0%9F%20%D0%A6%D0%9F.pdf> (data obrashcheniya: 03.10.2024).
 21. Abdvapova G.K., Nurkulova N.M. Sub"ekty i istochniki informacionnogo prava. // Izvestiya vuzov Kyrgyzstana. 2017. No 12. S. 95–96.
 22. Muslimov Sh.R. Informacionnoe pravo: teoreticheskie osnovy formirovaniya i stanovleniya v sisteme prava Kyrgyzstana // Vestnik KRSU. 2015. T. 15. No 2. S. 134–138.
 23. Muslimov Sh.R. Informacionnoe pravo: uchebnoe posobie dlya stud. napravleniya "Yurisprudenciya". Bishkek: KRSU, 2014.
 24. Muslimov Sh.R. K voprosu sistematizacii informacionnogo zakonodanel'stva Kyrgyzstana // Problemy Nauki. 2017. No 16 (98). S. 90–93.

«НЕЙРОПРОСТРАНСТВО» И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ¹

NEUROSPACE AND HUMAN RIGHTS: DISCUSSION ASPECTS²

*Нет ни ворот, ни замка, ни засова, которые могли бы
поставить преграду свободе моего разума.*

В. Вулф (1929)

Дарья Дмитриевна ШТОДИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация,
dashastodina96@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-4730-9614

Информация об авторе

Д.Д. Штодина — кандидат юридических наук, научный сотрудник департамента международного права факультета права НИУ ВШЭ

Аннотация. В последнее время на универсальном и региональном международно-правовом уровнях обсуждается возможность рассмотрения «нейроправ» в контексте прав и свобод человека. Организация Объединенных Наций включила «нейроправа» в повестку XXI в. Научная дискуссия связана прежде всего с необходимостью разработки источника международного права по «нейроправам», а также с неизбежной «реконцептуализацией» прав человека и источников международного права применительно к «нейротехнологиям». Так, фонд NeuroRights в 2022 г. представил доклад «Пробелы в международной защите прав человека в эпоху нейротехнологий» (*International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology*), в котором рассматриваются международно-правовые лакуны

- в действующих документах ООН по правам человека
- в связи с появлением «нейроправ». Ряд технологически развитых государств, например Китай и США, активно используют возможности нейротехнологий, однако
- в отсутствие норм международного права, носящих характер «hard law» или актов «soft law», соблюдение и гарантирование защиты «нейроправ» человека оказались под угрозой. Использование современных технологий в данном контексте неизбежно приводит к необходимости проведения исследования в этическом
- и правовом аспектах, поскольку «нейроправа» затрагивают «субъективность лица», т.е. его ментальную составляющую, на которую может быть оказано влияние. Предполагается, что особая роль в определении международно-правового режима «нейроправ» принадлежит Организации Объединенных Наций и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Важный шаг на пути к решению существующих проблем в «нейропространстве»
- был предпринят ЮНЕСКО в апреле 2024 г., когда был создан Рабочий документ по подготовке проекта Рекомендации по этике нейротехнологий (*Working document towards a draft text of a recommendation on the ethics of neurotechnology*).

Ключевые слова: «нейроправа», «нейропространство», нейротехнологии, реконцептуализация прав человека, инфляция прав человека, кибернетическое пространство, международно-правовой режим

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Правовые механизмы преодоления неравенства» в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г.

² The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of economics (HSE University) in 2024.

Для цитирования: Штодина Д.Д. «Нейропространство» и права человека: дискуссионные аспекты // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 66–79; DOI: 10.17323/tis.2024.23973

Daria Dmitrievna SHTODINA

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation,
dashashtodina96@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-4730-9614

Information about the author

D.D. Shtodina — research associate, Department of International Law of the Faculty of Law, HSE University, Candidate of Legal Sciences

Abstract. Recently at the universal and regional international legal levels the possibility of considering “neurorights” in the context of human rights and freedoms has been discussed. The United Nations has put “neurorights” on the agenda of the XXI century. The scientific discussion is connected, first of all, with the need to develop a source of international law on “neurorights”, as well as with the inevitable reconceptualization of human rights and sources of international law in relation to neurotechnologies. Thus, the NeuroRights Foundation in 2022 presented a report “International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology” (“International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology”), which examines international legal gaps in existing UN human rights instruments in connection with the emergence of “neurorights”. A number of technologically advanced states, such as China and the United States, are actively utilizing the possibilities of “neurotechnology”, but in the absence of international law norms of a “hard law” or “soft law” nature, the observance and guarantee of the protection of human “neural rights” have been jeopardized. The use of modern technologies in this context inevitably leads to the need for research in ethical and legal aspects, since “neurorights” affect the “subjectivity of the person”, i.e. the mental component, which can be influenced. It is suggested that the United Nations and UNESCO have a special role to play in defining the international legal regime of “neurorights”. An important step towards solving the existing problems in “neurospace” was taken by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization in April 2024, when a Working document towards a draft text of a recommendation on the ethics of “neurotechnology” (“Working document towards a draft text of a recommendation on the ethics of neurotechnology”) was prepared.

Keywords: “neurorights”, “neurotechnology”, “neurospace”, reconceptualization of human rights, “inflation” of human rights, cyberspace, international legal regime

For citation: Shtodina D.D. “Neurospace” and human rights: discussion aspects // Trudi po intellektualnoy sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 51(4). P. 66–79; DOI: 10.17323/tis.2024.23973

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем перейти к анализу новой категории прав человека — «нейроправам» (*neurorights*), следует рассмотреть правовой режим применения нейротехнологий (*neurotechnologies*) в международном аспекте. Так, в исследовании «Пробелы в международной защите прав человека в эпоху нейротехнологий» (*“International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology”*), опубликованном фондом «Нейрорайтс» (*NeuroRights Foundation*) в 2022 г. [36], были впервые рассмотрены правовые лакуны в такой отрасли международного права, как защита и поощрение прав человека применительно именно к нейротехнологиям.

Нейротехнологии определяются как методы прямой регистрации (*записи*) и изменения деятельности человеческого мозга [43, с. 2]. Очевидно, что существует огромный потенциал их использования государствами и другими субъектами международного права, а также юридическими и физическими лицами. Вместе с тем увеличивается и риск злоупотребления правом на исследование человеческого мозга посредством, например, внедрения вредоносных программ, чипов и иных технологических приспособлений «напрямую» или «косвенно» в мозг человека.

До сих пор не был разработан и принят источник «твердого права» (*“hard law”*), который мог бы устранить имеющиеся проблемы правоприменения [36]. К источникам «мягкого права» (*“soft law”*), которые условно регулируют «нейроправа», сегодня можно отнести следующие:

- Рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) по ответственным инновациям в области нейротехнологий (*OECD Recommendations on Responsible Innovation in Neurotechnology*) [40];
- Декларацию Межамериканского юридического комитета по нейронауке, нейротехнологиям и правам человека (*Declaration of the Inter-American Juridical Committee on Neuroscience, Neurotechnologies, and Human Rights*) [17];
- Глобальные принципы национальной безопасности и права на информацию, известные как Тшванские принципы (*Tshwane Principles on National Security and the Right to Information* [44]);

- Руководящие принципы нейроэтики Национальных институтов здравоохранения (НИИ) для инициативы BRAIN США, принятые в 2018 г. (*NIH Neuroethics Guiding Principles for the U.S. Brain Initiative*) [39];
- Рамки нейроэтики IEEE (*Neuroethics Framework, Institute of Electrical and Electronics Engineer* [26]) и другие источники.

В данных документах, однако, не рассматриваются напрямую проблемы применимости норм о правах человека в контексте нейротехнологий. Поэтому разработка подобного источника признается одной из основных задач Организации Объединенных Наций (далее — ООН) и внесена в повестку этой международной организации.

Очевидно, что исследование подобных технологий весьма перспективно, поэтому масштабы инвестирования в них сегодня исчисляются миллиардами долларов США. Например, с 2013 г. в Соединенных Штатах Америки действует инициатива BRAIN (полное наименование — *The Brain Research Through Advancing Innovative Neurotechnologies*), в которой участвуют три правительственных агентства — Национальный институт здоровья (*NIH, National Institute of Health*), Национальный научный фонд (*National Science Foundation*) и Агентство перспективных оборонных исследовательских проектов *DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency)* [36].

В 2016 г. в Китае был запущен национальный вариант американской инициативы *BRAIN* [37], на реализацию которого выделено финансирование в размере 1 млрд долларов США до 2030 г. В 2020 г. мировой рынок нейротехнологий оценивался в 10,7 млрд долларов США и, как ожидается, достигнет 21 млрд долларов к 2026 г. [24].

Особая роль в изучении «нейроправ» человека принадлежит фонду *NeuroRights*, который подготовил доклад о международной защите прав человека в 2022 г. (*International Human Rights Protection Gaps in the Age of Neurotechnology*). На официальном сайте фонда обозначена основная задача его функционирования: «Мы привлекаем Организацию Объединенных Наций, региональные организации, правительства стран, компании, предпринимателей, инвесторов, ученых и широкую общественность, чтобы повысить осведомленность о правах человека и этических последствиях использования нейротехнологий» [36].

Можно обозначить те новые права человека, т.е. «нейроправа», которые были выделены фондом *NeuroRights* в качестве основных:

- 1) право на психическую идентичность, или чувство собственного достоинства (*the right to mental identity, or a sense of self*);

- 2) право на психическое управление (свободу воли) (*the right to mental agency, or free will*);
- 3) право на психическую конфиденциальность (*the right to mental privacy*);
- 4) право на справедливый доступ к психической аугментации (*the right to fair access to mental augmentation*);
- 5) право на защиту от алгоритмической предвзятости (*protection from algorithmic bias*).

В отчете фонда *NeuroRight* приведен также перечень имеющихся пробелов в договорном механизме ООН по защите прав человека. Так, одним из самых плохо защищенных прав является право на психическую идентичность, поскольку в источниках ООН по правам человека не раскрывается значение данного термина [36].

«НЕЙРОПРАВА»: ЭТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Знаковым событием в истории развития представлений о «нейроправах» следует считать учреждение в 2006 г. Международного общества нейроэтики (*International Neuroethics Society*), созданного по итогам проведения встречи в конференц-центре *Asilomar* в США [29].

В истории развития нейронауки можно выделить период 1990–2000-х годов и последующий период.

Так, в самом начале развития специалисты по нейроэтике и «нейроправу» сосредоточились на изучении следующих четырех аспектов:

- 1) этическая и правовая возможности применения ноотропиков для улучшения когнитивных способностей человека;
- 2) философско-правовая проблема применения свободы воли (*free will*) в нейронауке, а также вопросы моральной и правовой ответственности в случае подавления воли лица;
- 3) философско-правовые проблемы «нейровизуализации» (*“neuroimaging”*), которая фактически позволяет «читать мысли» другого человека;
- 4) юридические последствия использования в суде доказательств, полученных с помощью нейротехнологий [28, с. 2].

Как следует из данной классификации, права человека («нейроправа») в самом начале не выступали в качестве объекта исследования напрямую, однако постепенно сложилось представление о необходимости защищать данные права и когнитивные свободы.

Фактически нейроэтика стала развиваться ранее, чем «нейроправа». В современном понимании термин «нейроправа» был впервые использован в трудах М. Йенка и Р. Адорно в 2017 г. [28]. Авторы ис-

следования представили взаимосвязь прав человека с нейротехнологиями в целом. Так, в их работе «нейроправа» анализируются в контексте действующих документов по правам человека, например в контексте Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г. и Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, принятой ЮНЕСКО в 2005 г. [3].

В последнее время не только в специализированных исследованиях по психологии и медицине, но и в исследованиях по международному праву активно обсуждается вопрос о влиянии нейронауки на права человека с позиции прав, свобод, обязанностей и многих других взаимосвязанных вопросов. По сути, «нейроправа» анализируются уже не только с этической, но и с правовой позиции. В таком случае возникает вопрос: как можно корректно определить термины «нейроправа» (“*neurorights*”) и «нейропространство» (“*neurospace*”) применительно к науке международного права?

Согласно мнению А.А. Данельяна и Е.Е. Гуляевой, все исследования по «нейроправам», нейротехнологиям в целом применительно к международному праву должны проходить на «междисциплинарном стыке», поскольку «сегодня мы являемся свидетелями динамично развивающейся междисциплинарной области, именуемой кибербезопасностью, которая сочетает в себе кибербезопасность, биозащиту и киберфизическую безопасность в отношении биологических систем» [9].

Дискуссию об определении термина «нейропространство» можно сравнить с обсуждением международно-правового режима кибернетического пространства в науке международного права. Известно, что единого определения термина «киберпространство», как и определения термина «нейропространство», в международном праве не существует. В то же время термин «нейропространство» можно условно определить как пространство, напрямую связанное с человеческим мозгом и контролируемое им. Иными словами, «нейропространство» напрямую связано с использованием в нем нейротехнологий.

К. Бублиц приводит следующее определение таких технологий: «Они напрямую взаимодействуют с нервной системой человека (или ЦНС, центральной нервной системой)» (“... *their defining characteristic is that they directly interact with the human nervous system*”). Нейротехнологии можно определить в том числе как «...устройства и процедуры, используемые для доступа, мониторинга, исследования, оценки, манипулирования и (или) имитации структуры и функции нейронных систем физических лиц» (“*devices and procedures used to access, monitor, investigate, access,*

manipulate, and/or emulate the structure and function of the neural systems of natural persons”) [13, с. 784].

Как правило, такие технологии направлены на расширение возможностей человеческого мозга посредством «нейроинтервенций» (“*neurointerventions*”) [20]. Под «нейроинтервенцией» подразумевается некоторое «вмешательство» в мозг человека.

В научный оборот термин «нейроправа» был внесен членами Морнингсайдской группы (*The Morningside group*), состоявшей из 25 выдающихся нейробиологов, нейротехнологов, инженеров искусственного интеллекта из таких крупнейших компаний, как Google и Kernel, а также включавшей в себя ученых из США, Канады, Израиля, Китая, Японии и Австралии [36].

Некоторые авторы (в частности, М. Йенка) придерживаются следующего подхода относительно определения «нейроправ»: «“Нейроправа” — это этические, правовые, социальные и естественные принципы свободы человека; или правомочия, действующие применительно к человеческому головному (черепно-мозговому) и ментальному пространствам» (“*Neurorights can be defined as the ethical, legal, social, or natural principles of freedom or entitlement related to a person’s cerebral or mental domain...*”) [28, с. 1]. Х.М. Муньос и Х.А. Маринаро предлагают иное определение «нейроправ»: «Это такие права человека, которые специальным образом направлены на защиту основных, фундаментальных свобод, в отношении которых существует потенциальный риск их нарушения ввиду недобросовестного использования нейротехнологий» (“... *human rights specifically designed to protect fundamental freedoms potentially at risk due to malicious or abusive uses of neurotechnology*”) [34, с. 2].

Исходя из приведенных выше определений, можно предположить, что сам термин «нейротехнология» выступает как «зонтичный термин» и обозначает широкий и гетерогенный спектр методов и систем, посредством которых устанавливается прямая взаимосвязь с человеческим мозгом через активность нейронов, деятельность которых может быть зафиксирована в головном мозге или (и) на которые может быть оказано влияние посредством применения таких технологий [27, с. 1].

При разработке и использовании нейротехнологий в научном сообществе первоначальным был вопрос о так называемой этической составляющей, в то время как решение вопроса о правовом регулировании было отложено. Постепенно в науке сформировались две дисциплины: «нейроэтика» и «нейроправа». Если в нейроэтике к ключевому аспекту изучения относилось рассмотрение вопроса о «нежелательном или вызывающим беспокойство использовании че-

ловеческого мозга», то для «нейроправа» приоритетным было решение вопроса о взаимодействии нейропсихологов и юристов в системе правосудия (например, при использовании полиграфа) [28].

Постепенно стало очевидно, что нейротехнологии могут быть использованы не только в уголовном праве, но и в других отраслях внутреннего и международного права.

«НЕЙРОПРАВА» — НОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА?

Первостепенным вопросом для правового сообщества является возможность рассмотрения «нейроправ» именно как новой категории прав человека, поскольку существует риск так называемой инфляции прав человека за счет необоснованного расширения перечня его прав [34, с. 2].

П. Алстон [12] в 1984 г. предложил использовать перечень правовых критериев, которым должно соответствовать «нормативное требование» (*“normative claim”*) для признания его в качестве «нового права человека»:

- 1) отражение фундаментально важной социальной ценности;
- 2) наличие последовательности, но не повторение существующего свода международного права о правах человека;
- 3) способность достичь очень высокой степени международного консенсуса;
- 4) точность формулировок для возникновения прав и обязательств [12].

Применительно к объекту настоящего исследования («нейроправам») данный перечень может быть дополнен рядом критериев:

- 1) права человека должны реализовываться в строгом соответствии с нормами международного права, закрепленными в Уставе ООН, нормами обычного права, общепризнанными принципами и нормами международного права;
- 2) права человека должны соответствовать иным нормам отрасли международного права, защиты и поощрения прав человека;
- 3) принятие данных норм не должно противоречить практике государств.

Следуя критериям П. Алстона, Дж. Никель предложил дополнить перечень критериев, которым должно соответствовать «новое право человека». Так, право человека должно: 1) касаться важного блага; 2) быть следствием реакции на общую и серьезную угрозу этому благу; 3) налагать на «адресатов прав» определенное бремя, которое должно быть соразмерным и оправданным; 4) быть осуществимым в большинстве стран [12].

Основная проблема при решении вопроса о рассмотрении «нейроправ» состоит в том, что, с одной стороны, такие права не обязательно изучать *de novo* (заново), т.е. многие «нейроправа» основываются на существующих поколениях прав человека. С другой стороны, для правильного понимания особенностей «нейроправ» все же потребуются «реконцептуализация» (*“reconceptualization”*) действующих прав и свобод человека, например свободы мысли, неприкосновенности частной жизни, недискриминации [34]. Отдельные примеры будут рассмотрены далее.

Если согласиться с упрощенным определением термина «инфляция прав человека» как с *тенденцией увеличивать права человека, защищаемые нормами международного права*, то следует обозначить ее влияние на международное право. М. Йенка в исследовании 2021 г. пришел к выводу о наличии реальной угрозы международному праву в случае неоправданного стремления международного сообщества «обозначать все то, что является морально желательным как право человека» [28]. Данная тенденция фактически позволяет «выхолащивать» основную идею прав человека и отвлекает внимание от защиты его фундаментальных прав, т.е. переносит субъектов международного права в некий идеальный мир, в котором все права человека могут быть защищены. По мнению Д. Тасиоуас, следует воспринимать данную формулировку не как обеспокоенность международного сообщества наличием огромного количества прав человека, а скорее, как необоснованное стирание границ между моралью и правом, т.е. между тем, что должно регулироваться первым (моралью) и вторым (правом) понятиями [43].

Реконцептуализация «нейроправ» — это процесс, который уже начался в ряде международных организаций и государств. Х.М. Муньос и Х.А. Маринаро в статье *“Neurorights as reconceptualized human rights”* рассматривают данное правовое явление в двух плоскостях: вертикальной и горизонтальной [34]. Так, в вертикальной плоскости речь идет об обязательствах государства в сфере защиты прав человека по отношению к индивиду, т.е. физическому лицу; в горизонтальной плоскости, напротив, — об обязательствах, возникающих в сфере защиты прав человека в отношениях между физическими и юридическими лицами. Несмотря на то что первый подход (рассмотрение прав человека в вертикальной плоскости) считается классическим в международном праве, в последнее время ряд авторов высказываются в пользу применения горизонтального подхода, который позволит крупнейшим производителям нейротехнологий напрямую влиять на «нейроправа» физических лиц. Подобная практика внедрения горизонтального

подхода уже существует в Комиссии по правам человека Организации Объединенных Наций. Например, в 2003 г. был разработан подход, согласно которому частные акторы (компании) наделяются правами и обязанностями для реализации по отношению к обществу в целом и к отдельным индивидам в частности [28].

Поскольку следует избегать «инфляции прав человека», для развития «нейроправа» в международно-правом аспекте следует прибегнуть к реконцептуализации, т.е. пересмотру действующих норм по правам человека. В науке международного права (Дж.М. Голден) предлагается использовать следующие критерии, на основании которых «пересмотр» существующих прав человека был бы теоретически невозможен: 1) противоречие новых норм (в данном случае — «нейроправ») существующим нормам международного права; 2) избыточность новых норм; 3) неэффективность разработки новых норм; 4) отсутствие правовых пробелов [23].

Рассмотрим каждый критерий в отдельности. Во-первых, нормы о «нейроправах» не противоречат существующим нормам международного права. Так, «нейроправо» на защиту психической идентичности (*“mental integrity”*) связано с правом на частную жизнь. Во-вторых, нормы о «нейроправах» не могут быть избыточными, поскольку сама форма нарушения подобного права существенным образом отличается от всех иных форм нарушения. Например, для классических норм о правах человека не характерно такое нарушение, как злонамеренное использование нейронных имплантов (*“malicious use of neural implants”*), или «взлома мозга» (*“brain hacking”*). В-третьих, в современном международном праве пока не разработан документ (конвенция или декларация), направленный на всеобъемлющее регулирование «нейроправ», что говорит о крайней актуальности реконцептуализации норм. В-четвертых, доказательства существующих правовых пробелов были приведены в докладе организации *Neurorights Foundation* в 2022 г. На основании изложенного выше можно предположить, что «нейроправа» должны быть реконцептуализированы в целях защиты прав человека в век нейротехнологий.

В таком случае возникает вопрос: как определить новые права человека, связанные с использованием нейротехнологий? М. Йенка и Р. Адорно предложили ввести четыре категории «нейроправ»: 1) право на когнитивную свободу (*“the right to cognitive liberty”*); 2) право на психическую конфиденциальность (*“the right to mental privacy”*); 3) право на психическую неприкосновенность (*“the right to mental integrity”*); 4) право на психологическую преемственность (*“the right to psychological continuity”*).

Поскольку ранее в тексте статьи было обозначено, что «нейроправа» могут и должны быть связаны с другими правами человека, следует отдельно обозначить концептуальную основу таких «нейроправ». Так, все «нейроправа» основываются на свободе мысли и совести (*“freedom of thought and conscience”*), а также на праве на неприкосновенность частной жизни (*“privacy”*) и на праве на психическую неприкосновенность (*“right to psychological integrity”*).

В документах ООН и региональных международных организаций (например, в Организации американских государств (далее — ОАГ), Совета Европы и т.д.) право на «физическую целостность» лица связано с охраной его частной жизни и «физической неприкосновенности», а право на психическую неприкосновенность связано с охраной его «внутреннего состояния» [26]. Право на неприкосновенность лица (*“physical and mental integrity”*) также двойственно: с одной стороны, речь идет о физической, телесной оболочке человека; с другой стороны, о его душевных страданиях, вызванных нарушением его прав.

На универсальном уровне в ряде документов содержатся ссылки на физическую неприкосновенность лица (*“physical integrity”*). Например, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. в п. 1 ст. 9 указано следующее: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей...» [6]. В Конвенции о правах инвалидов 2006 г. в ст. 17 также дается ссылка на «...право на уважение... *физической и психической целостности* наравне с другими» [5]. Таким образом, физическая неприкосновенность — это не только гарантированное право лица на защиту от телесных повреждений, но и «широкий спектр менее серьезных воздействий на тело человека» (т.е. психологическое воздействие) [20]. В практике Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) к психологическим воздействиям относят, например, взятие буккальных мазков или насильственное освидетельствование [21].

Как в таком случае следует рассматривать использование нейротехнологий, которые могут иметь как максимальное (физическое), так и минимальное (психологическое) воздействие на человека? К. Бублиц предлагает обращать внимание на влияние таких технологий на «психологическую целостность» лица и на дальнейшие ментальные последствия использования таких технологий [14].

«Психологическая целостность» (*“mental integrity”*) упоминается в ст. 3 Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г.: «Каждый человек имеет право на собственную физическую и психическую

целостность» [7]. «Психическую целостность» как право человека можно соотнести с правом на психологическое здоровье и с правом человека на достойное обращение (например, согласно ст. 5 Американской конвенции по правам человека 1969 г., «...никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным либо унижающим его достоинство наказаниям или обращению» [1]). М. Йенка и Р. Адорно предлагают расширить правовую составляющую термина «психологическая целостность» с учетом влияния нейротехнологий и их вмешательства, например, в систему «нейронных вычислений» (“*neural computation*”) в мозге человека.

Таким образом, под правом на «психологическую целостность лица» понимается его защита от насильственного вмешательства в эмоциональную составляющую. Межамериканский суд по правам человека (*Inter-American Court of Human Rights*, далее — *IACtHR*) выработал следующее определение: «...посягательство на психическое здоровье лица и причинение душевных страданий и мук, в том числе лицам, являющимся ближайшими родственниками жертв, а также действия государства (насильственное исчезновение), сопровождающиеся причинением эмоционального вреда» [25].

Свобода мысли и совести также анализируются в контексте реконцептуализации прав человека применительно к «нейроправам». К. Бублиц в исследовании “*Neurotechnologies and human rights: restating and reaffirming the multi-layered protection of the person*” доказывает, что раньше представлений о физической и психологической неприкосновенности лица появилось представление о правовом содержании свободы мысли и совести [13]. В классическом понимании данная «свобода» появилась во времена правления бывшего императора империи Маурьев — Ашоки, издававшего эдикты, в которых закреплялось право каждого лица на «свободу сознания» (“*freedom of conscience*”) [32].

Спустя несколько столетий апостол Павел из Тарса в первом послании к Коринфянам указал на то, что «...степень чьей-либо свободы должна оцениваться совестью другого человека» [15]. В христианской философии понятие «свобода совести» часто связывается с термином “*liberum arbitrium*”, который в переводе на английский язык обозначается как “*free will*” (свобода воли). Один из представителей древнегреческих философов-стоиков — Эпиктет — исходил из того, что «...ничто не мешает нам делать или выбирать что-либо, в отношении чего мы осуществляем контроль» [32].

Свобода мысли позднее была закреплена во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в ст. 18:

«Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» [2].

Комитет по правам человека ООН (далее — КПЧ ООН) подчеркнул, что «...сфера действия права на свободу мысли является далеко идущей и глубокой; она охватывает свободу мысли по всем вопросам» [46].

М. Йенка и Р. Адорно исходят из того, что когнитивная свобода защищает сферу мышления до самого факта проявления мысли через речь, письмо или поведение человека. Данная практика уже легла в основу решений Верховного Суда США (далее — ВС США), он придерживается точки зрения, согласно которой «человек должен быть свободен верить в то, во что он хочет», что предполагает защиту мысли человека, т.е. когнитивной свободы (решение ВС США в деле *Abood v. Detroit Board of Education*, 1977 г.) [10]. Суд предложил использовать следующее определение когнитивной свободы (*cognitive liberty*) — это «... фундаментальное право каждого человека на независимое мышление, на использование всего спектра своего разума и на автономию над своей химией мозга. Когнитивная свобода касается этики и законности защиты своих собственных мыслительных процессов и как следствие электрохимических состояний мозга».

Другие авторы (например, К. Бублиц) полагают, что вместо термина «когнитивная свобода» более уместно было бы использовать термин «ментальное самоопределение» (“*mental self-determination*”) или «ментальная свобода» (“*mental freedom*”) [13].

В контексте нейротехнологий «чтение мыслей» человека как явление уже перестало относиться к научной фантастике, что привело к многочисленным дискуссиям о существовании норм права, запрещающих «вторгаться» в мозг человека, нарушая тем самым право на физическую и психологическую неприкосновенность, а также право на свободу мысли. Следует обозначить, что любые осуществляемые без согласия лица «нейроинтервенции», которые оказывают влияние на ментальное состояние посредством, например, принудительного формирования представлений о чем-либо, нарушают свободу мысли. В этой связи может возникнуть спор относительно правомерности использования технологий, позволяющих контролировать ментальное здоровье лиц. Например, в Китае активно используются технологии анализа эмоционального состояния работников, в отношении которых существует риск использования с нарушением норм трудового законодательства [37].

Право на неприкосновенность частной жизни (*privacy*) было впервые изучено с точки зрения права человека в статье “*The Right to Privacy*” С.Д. Уоррена и Л. Брандейса 1890 г., в которой авторы обозначили частную жизнь как «право быть оставленным в покое» (“*right to be left alone*”) [47]. Очевидная неоднозначность подобной формулировки была связана с растущим интересом СМИ того времени к разглашению данных о частной жизни граждан.

В современном международном праве определение «права на уважение частной и семейной жизни» содержится, например, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: «Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и корреспонденции» (ст. 8). Всеобщая декларация прав человека 1948 г. также содержит отсылку к запрету «... подвергаться произвольному вмешательству в личную и семейную жизнь...» (ст. 12).

Однако сегодня вмешательство в личную жизнь человека может производиться не только путем установления подслушивающих устройств или средств видео- и аудионаблюдения, но и посредством определения его психологического состояния, отслеживания сигналов, поступающих из головного мозга (так называемая методика *affective computing*) [49]. Нельзя не согласиться с мнением Дж.Б. Бьюри, который в работе «История свободы мысли» утверждал, что «человек не может быть лишен возможности думать то, что ему вздумается, до тех пор, пока он скрывает это», вместе с тем нейротехнологии позволяют вторгаться в мысли человека в целях передачи их третьим лицам или же исключительно для фиксации со стороны определенного актора [15].

Не менее дискуссионным аспектом является воздействие на человеческое достоинство (“*human dignity*”) на основе нейротехнологий. Речь идет не только о философском осмыслении концепции *cogito ergo sum*, но и о весьма практическом аспекте применения технологий так называемой глубокой стимуляции мозга (“*deep brain stimulation*”, далее — *DBS*), позволяющей управлять отдельными участками головного мозга. Впрочем, универсального ответа на вопрос, насколько использование подобных нейротехнологий правомерно, пока не существует.

СОВРЕМЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «НЕЙРОПРАВ» НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ УРОВНЯХ

На национальном уровне ряд государств уже приняли попытки по регулированию использования

нейротехнологий. Так, в Чили в 2021 г. был одобрен законопроект о внесении в Основной закон страны поправки, предусматривающей защиту «нейроправ» человека [8]. В Конституцию было внесено положение о защите данных в мозге человека, а также о регулировании и обработке данных правительственными агентствами. Более того, в Чили был одобрен законопроект, согласно которому все технологические средства, созданные на основе нейротехнологий, приравниваются к медицинским изделиям и подлежат особому учету.

В Испании одобрена Хартия цифровых прав, которая была принята в рамках реализации проекта плана *España Digital 2025*. В рамках данной Хартии «нейроправа» рассматриваются как часть прав граждан в цифровую эпоху [22].

В 2021 г. итальянское Управление по защите данных посвятило День защиты частной жизни исследованию «нейроправ» с точки зрения защиты прежде всего частной жизни лица [35].

В Российской Федерации также были разработаны предложения по «освоению нейротехнологий». В 2021 г. президент В.В. Путин дал Минобрнауки России поручение, на основании которого была подготовлена новая федеральная программа «Мозг, здоровье, интеллект, инновации» на 2021–2029 гг. В рамках этой программы «планируется развивать технологии вживления чипов в мозг человека для передачи данных с внешних устройств» [4]. Не менее важной и технологически прорывной является отечественная программа «воссоздания снов», позволяющая восстановить состояние здоровья пациентов после инсульта или коронавируса.

В 2019 г. Совет Организации экономического сотрудничества и развития принял Рекомендацию по ответственным инновациям в области нейротехнологий, в которой был установлен стандарт в области управления нейротехнологиями. В данном источнике речь идет об ответственном управлении со стороны прежде всего участников «нейротехнологической индустрии», однако есть и положения о «нейроправах», а именно о «психической конфиденциальности» и «когнитивной свободе». Совет Европы также приступил к реализации пятилетнего Стратегического плана действий (*Strategic Action Plan 2020–2025*), который направлен на защиту прав человека и развитие технологий в сфере биомедицины [42].

Отдельно необходимо рассмотреть действующие инициативы ООН и ее специализированных учреждений (прежде всего ЮНЕСКО), нацеленные на защиту «нейроправ».

Впервые вопрос о «нейроправах» и их реализации в ООН был затронут в 2021 г., когда Гене-

ральный секретарь ООН А. Гутерриш опубликовал доклад «Наша общая повестка дня» и призвал все международное сообщество более эффективно реализовывать Цели в области устойчивого развития (далее — ЦУР 2015–2030) посредством предотвращения вреда в цифровом или технологическом пространстве, включая нейротехнологии [42].

В отличие от кибернетического пространства, цифровых технологий, искусственного интеллекта (далее — ИИ) нейротехнологии напрямую взаимодействуют с человеческим мозгом; могут напрямую картировать и изменять его деятельность.

Так, фонд *NeuroRights* в докладе 2022 г. приводит два базовых интерфейса, позволяющих нейротехнологиям взаимодействовать с человеком: 1) интерфейс «мозг — компьютер» (далее — ИМК) и 2) интерфейс «мозг — устройство» (далее — ИМУ) [36]. Интерфейс «мозг — компьютер» потенциально может обеспечить тяжело больного человека возможностью общаться. Подобный эксперимент был проведен с парализованным человеком, который использовал ИМК для общения. Общая скорость составила 18 слов (90 символов) в минуту с точностью до 99%. ИМК может быть как инвазивным (внедряться в мозг человека с помощью чипа), так и неинвазивным (нехирургическим), например с использованием шлема. Инвазивные ИМК — это кохлеарные имплантаты; глубокие стимуляторы мозга, которые используются для лечения болезни Паркинсона; мозговые имплантаты, с помощью которых человек без конечностей получает возможность повысить чувствительность через протезы; мозговые чипы для лечения людей с амиотрофическим склерозом (*Amyotrophic Lateral Sclerosis*, далее — *ALS*) [36]. Неинвазивные ИМК — это шлемы, очки, браслеты и повязки на голову, которые могут считывать активность мозга и (или) периферической нервной системы посредством соприкосновения с головой или телом человека. Например, компания *Kernel* запустила в 2020 г. шлем *Flow*, позволяющий отображать в реальном времени активность мозга с беспрецедентной точностью [48].

В ряде государств (например, в Китае) неинвазивные ИМК используются для расшифровки эмоций работников; затем данные поступают в алгоритмы ИИ, а в дальнейшем информация об эмоциональном состоянии сотрудников используется для контроля за производительностью труда.

Все перечисленные выше примеры свидетельствуют о том, что нейротехнологии развиваются столь стремительно, что международное сообщество (так же, как и в случае с кибернетическим пространством) не успевает «отреагировать» на возможные нарушения норм международного права.

Сотрудничество государств на региональном уровне опережает сотрудничество на глобальном уровне, т.е. на уровне ООН, однако в данном случае промедление с принятием норм «мягкого права» может привести к неопределимому ущербу, наносимому человеческому мозгу. Как и в случае с кибернетическим пространством, крупнейшие IT-компании и иные разработчики нейротехнологий могут воспользоваться недостаточностью правового регулирования и отсутствием консенсуса и начать диктовать свои условия использования устройств.

При детальном анализе упомянутых ранее Тшванских принципов, американской и китайской инициатив *BRAIN*, руководящих принципов нейроэтики *NIH* можно обнаружить отсутствие ссылок на обязанности государств по контролю за нейротехнологиями, на ответственность государства, на дополнительные гарантии прав человека.

Нередко при проведении научной дискуссии о «нейроправах» встречается точка зрения, согласно которой все данные вопросы можно регулировать с использованием других документов ООН, например Принципов медицинской этики 1982 г. (далее — Принципы). В Принципах затрагиваются вопросы роли медицинского персонала, в частности врачей, в защите заключенных и задержанных лиц от унижающего достоинства видов обращения и наказания. Однако в данном документе нет конкретики относительно неправомерного использования нейротехнологий и не затрагиваются вопросы о «нейроправах».

Отдельно следует проанализировать текущие инициативы ООН и ЮНЕСКО, затрагивающие правовую и этическую составляющие использования нейротехнологий. В апреле 2024 г. ЮНЕСКО при участии 24 международных экспертов, входивших в экспертную группу (*AHEG, ad hoc expert group*), был создан Рабочий документ по подготовке проекта Рекомендаций по этике нейротехнологий (*Working document towards a draft text of a recommendation on the ethics of neurotechnology*) (далее — Рабочий документ) [45].

Примечательно, что в данном документе был представлен детальный анализ проблем использования нейротехнологий именно в контексте защиты прав человека.

Под нейротехнологиями в Рабочем документе подразумеваются «... инструменты, позволяющие наблюдать, регистрировать и интерпретировать структуру и активность мозга (посредством, например, резонансной магнитной томографии, электроэнцефалографии) или же напрямую воздействовать на ЦНС и модулировать активность мозга (посредством механизма глубокой стимуляции мозга и т.д.)».

В Рабочем документе приведены примеры трех категорий рисков использования нейротехнологий: 1) сложность контроля за их использованием; 2) риск «инфляции прав человека», о котором говорилось выше; 3) риск чрезмерного, необоснованного регулирования данной сферы.

Международный комитет по биоэтике ЮНЕСКО (*International Bioethics Committee UNESCO*) предложил также обратить внимание на следующие аспекты «нейроправ»: 1) возможность увеличения дискриминации в отношении использующих их лиц; 2) ненадлежащее использование нейротехнологий (например, при обращении с персональными данными лица или вследствие совершения хакерских атак); 3) «изменение» или «усиление» психики (в данном случае речь идет об использовании подобного рода технологий для «модификации» психики человека; 4) использование нейротехнологий в отношении несовершеннолетних, которые в международном праве относятся к категории особо уязвимых лиц; 5) проблема получения информированного согласия на применение процедур с использованием нейротехнологий.

Важно отметить, что в Рабочем документе была представлена классификация использования нейротехнологий в зависимости от конкретной сферы общественной жизни: 1) медицина и здоровье; 2) научные исследования; 3) образование; 4) правосудие и право; 5) военная сфера (например, для лечения посттравматического расстройства (*Post-traumatic stress disorder, PTSD*)); 6) работа (контроль за трудовой деятельностью сотрудников); 7) развлечения (использование в немедицинских целях).

Попытка содействовать международному переговорному процессу по нейротехнологиям была сделана США в 2023 г., в результате чего была принята Межамериканская декларация принципов, касающихся нейронаук, нейротехнологий и прав человека (*Inter-American Declaration on Neurosciences, Neurotechnologies, and Human Rights* [28]).

Примечательно, что в данной декларации содержатся десять «нейропринципов» и пояснения к ним. Во избежание дублирования некоторых тезисов доклада Рабочей группы перечислю лишь некоторые принципы.

Принцип 2: «Защита прав человека при разработке нейротехнологий, предполагающая всестороннюю оценку риска разработки и их использования».

Принцип 4: «Выраженное и информированное согласие в отношении нейронных данных, которое должно быть свободным, однозначным, понятным и может быть отозвано в любой момент».

Принцип 6: «Исключительно терапевтическое использование для улучшения когнитивных способностей».

Принцип 7: «Нейрокогнитивная целостность, предполагающая защиту от насильственного изменения сознания лица».

Вопрос о так называемом терапевтическом использовании лекарственных препаратов, улучшающих работу головного мозга, активно обсуждается в тех странах, где применение ноотропиков (препаратов для улучшения когнитивных способностей) разрешено в том числе для несовершеннолетних. Так, в США в 2009 г. было проведено исследование, согласно результатам которого 62% обучающихся в школах уже использовали препараты для стимуляции мозга в целях повышения продуктивности, которые можно приобрести без специального назначения врача [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При анализе международно-правового регулирования «нейроправ» следует попытаться ответить на вопрос: каким может быть документ «*soft law*», регулирующий «нейроправа»?

Автор солидарна с точкой зрения, высказанной К. Бублицем, который полагает, что любой документ по «нейроправам» сначала будет носить лишь рекомендательный характер. Он может быть принят либо в форме рекомендации ЮНЕСКО, либо в форме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Гибкость документа позволит расширить его действие в том числе на несубъектов международного права, например на компании, использующие нейротехнологии», или на физических лиц.

Успешным примером подобного нормотворчества может служить Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта, принятая ЮНЕСКО в 2021 г. В тексте документа указано: «Настоящая рекомендация не преследует цели предложить единственно возможное определение искусственного интеллекта, поскольку с течением времени и по мере развития технологий такое определение потребовало бы внесения изменений».

Не менее важным вопросом при разработке документа выступает корректное определение объекта. На защиту каких благ может быть направлена резолюция Генассамблеи ООН или рекомендация ЮНЕСКО? К. Бублиц предлагает простую, но неоднозначную формулировку объекта — это «субъективность лица», т.е. его «внутреннее состояние». Данный тезис не следует воспринимать как лишенный научности, поскольку нейротехнологии «рассматривают» человеческий мозг (т.е. его «субъективную часть») в качестве объекта, на который они воздействуют.

Что же касается проблемы адаптации или реконцептуализации действующих, общепризнанных источников международного права, регулирующих

права человека, то в будущем документе по «нейроправам» следует закрепить положение об их безусловной применимости. Например, во Всеобщей декларации прав человека в ст. 18 и ст. 19 предусматривается право человека на «свободу мысли», а также на «свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами...». Возможно, в будущем документе следует указать на реконцептуализацию этих прав применительно к нейротехнологиям. Например, определить, при каких обстоятельствах их применение приведет к нарушению права на свободу мысли.

Следует отметить, что вопрос о «нейроправах» должен обсуждаться прежде всего на глобальном уровне. Сложившаяся практика разработки документов исключительно на региональном уровне, как в случае с определением режима кибернетического пространства, привела к параллельному существованию различных документов (резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, стандартов, рекомендаций, хартий и т.д.), которые противоречат друг другу как с точки зрения терминологического аппарата, так и с точки зрения правового регулирования.

Для того чтобы сделать диалог возможно более широким и открытым, необходимо обратиться к опыту ООН и ЮНЕСКО, принимая во внимание опыт разработки документов на региональном и национальном уровнях. Переговорный процесс может быть начат в рамках ООН через Управление Верховного комиссара по правам человека, Комитет ЮНЕСКО по биоэтике, а также посредством привлечения специализированных организаций по данной проблематике (например, фонда *NeuroRights*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Американская конвенция по правам человека, 1969 г. — URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rzoas3con.html> (дата обращения: 12.06.2024).
2. Всеобщая декларация прав человека, 1948 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.06.2024).
3. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 12.06.2024).
4. «Коммерсантъ» узнал о разработке проекта по вживлению чипов в мозг человека. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2021/06/22/875041-proekta-vzhivleniyu-chipov-mozg> (дата обращения: 12.06.2024).
5. Конвенция о правах инвалидов, 2006 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 12.06.2024).
6. Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 г. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 12.06.2024).
7. Хартия Европейского союза об основных правах, 2000 г. — URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/> (дата обращения: 12.06.2024).
8. Чили: на шаг впереди в деле защиты «нейроправ». — URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/chili-nashag-vperedi-v-dele-zaschity-neyroprav> (дата обращения: 12.06.2024).
9. Danel'yan A.A., Gulyaeva E.E. Global'naya bezopasnost' i mezhdunarodnoe parvo [Global security and international law]. М.: Kvant Media, 2023.

Данельян А.А., Гуляева Е.Е. Глобальная безопасность и международное право. М.: Квант Медиа

10. Abood v. Detroit Board of Education, 431 U.S. 209 (1977). — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/431/209/> (дата обращения: 12.06.2024).
11. Advent of “Smart Drugs” Raises Safety, Ethical Concerns. — URL: <https://www.edweek.org/teaching-learning/advent-of-smart-drugs-raises-safety-ethical-concerns/2012/10> (дата обращения: 12.06.2024).
12. Alston P. Conjuring up new human rights: a proposal for quality control // The American Journal of International Law. 1984. Vol. 78, No 3. P. 607–621.
13. Bublitz C. Neurotechnologies and human rights: restating and reaffirming the multi-layered protection of the person. The International Journal of Human Rights, 2024. Vol. 28, iss. 5. P. 782–807.
14. Bublitz C. (2023) What an International Declaration on Neurotechnologies and Human Rights Could Look Like: Ideas, Suggestions, Desiderata. AJOB Neuroscience, vol. 15 (2), P. 96–112.
15. Bury J.B. A History of Freedom of Thought. N.Y.: Cosimo Classics, 2005.
16. Collins R.F., Harrington D.J. First Corinthians. MN: Liturgical Press, 1999.
17. Declaration of the Interamerican Juridical Committee on Neuroscience, Neurotechnologies and Human Rights: New Legal Challenges for the Americas. — URL: http://www.oas.org/en/sla/iajc/docs/CJI-DEC_01_XCIX-O-21_ENG.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

18. Declaration of the Interamerican Juridical Committee on Neuroscience, Neurotechnologies and Human Rights: New Legal Challenges for the Americas, 2021. — URL: http://www.oas.org/en/sla/iajc/docs/CJI-DEC_01_XCIX-O-21_ENG.pdf (дата обращения: 12.06.2024).
19. Dresler M. et al. Hacking the Brain: Dimensions of Cognitive Enhancement // ACS Chemical Neuroscience. 2018. Vol. 10, No 3. P. 1137–1148.
20. ECtHR Caruana vs. Malta (application no 41079/16), 26 para: “In particular the respect for private life as protected by Article 8 involves respect for a person’s physical integrity and the taking of a blood and saliva sample constitute a compulsory medical intervention which, even if it is of minor importance, must consequently be considered as an interference with the right to privacy...” — URL: <file:///Users/dashastodina/Downloads/CARUANA%20v.%20MALTA.pdf> (дата обращения: 12.06.2024).
21. ECtHR Y.F. v. Turkey (Application No 24209/94). — URL: https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/resources/Y.F.%20v.%20TURKEY_en.asp (дата обращения: 12.06.2024).
22. España Digital 2025. — URL: <https://avancedigital.mineco.gob.es/programas-avance-digital/Paginas/espana-digital-2025.aspx> (дата обращения: 12.06.2024).
23. Golden J.M. Redundancy: when law repeats itself // Texas Law Review. 2016. Vol. 94. P. 629–711.
24. Global Neurotechnology Market Outlook, Expert Market Research, May 25, 2021. — URL: <https://expertmarketresearch-emr.blogspot.com/2021/05/global-human-augmentation-market-is.html> (дата обращения: 12.06.2024).
25. IACtHR V.R.P., V.P.C. et al. v. Nicaragua, 2018. — URL: <https://iachr.ils.edu/node/321> (дата обращения: 12.06.2024).
26. IEEE Neuroethics Framework. — URL: <https://brain.ieee.org/publications/ieee-neuroethics-framework/> (дата обращения: 12.06.2024).
27. Ienca M. On Neurorights. Frontiers in Human Neuroscience. 2021. Vol. 15. P. 1–11.
28. Ienca M., Adorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // Life Sciences, Society and Policy. 2017. Vol. 13:5. P. 1–27.
29. International Neuroethics Society. — URL: <https://www.neuroethicssociety.org/> (дата обращения: 12.06.2024).
30. Knox J. Horizontal human rights law // American Journal of International Law. 2007. Vol. 102. P. 1–47.
31. Long A.A. Epictetus: A Stoic and Socratic Guide to Life. Oxford: Clarendon Press, 2004
32. Luzzatti L. God in Freedom: Studies in the Relations Between Church and State. New York: Cosimo Classics, Illustrated Edition, 2006.
33. Mostajo-Radji M.A. A Latin American Perspective on Neurodiplomacy // Frontiers in Medical Technology. 2023. Vol. 4, P. 1–10.
34. Muñoz J.M., Marinero Á. Neurorights as reconceptualized human rights // Frontiers in Political Science. 2023. Vol. 5. P. 1–5.
35. Neurodiritti, menti e potere. — URL: <https://www.thegoodlifeitalia.com/neurodiritti-menti-e-potere/> (дата обращения: 12.06.2024).
36. NeuroRights Foundation, Report 2022. — URL: <https://neurorightsfoundation.org/reports> (дата обращения: 12.06.2024).
37. Neurotechnology for National Defense: The U.S. and China, The Cipher Brief, July 1, 2021. — URL: (дата обращения: 12.06.2024).
38. Nickel J., Pogge T., Smith M., Wenar L. Stanford Encyclopedia of Philosophy // Human Rights. Stanford University, 2003.
39. NIH Neuroethics Guiding Principles for the U.S. Brain Initiative. — URL: <https://braininitiative.nih.gov/research/neuroethics> (дата обращения: 12.06.2024).
40. OECD Recommendation on Responsible Innovation in Neurotechnology. — URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0457> (дата обращения: 12.06.2024).
41. Our Common Agenda. — URL: <https://www.un.org/en/common-agenda> (дата обращения: 12.06.2024).
42. Strategic Action Plan on Human Rights and Technologies in Biomedicine 2020–2025. — URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/strategic-action-plan> (дата обращения: 12.06.2024).
43. Tasiolvas J. Saving human rights from human from human rights law // Vanderbilt Law Review. 2021. Vol. 52, iss. 5. P. 1167–1208.
44. The Tshwane Principles on National Security and the Right to Information. — URL: <https://www.justiceinitiative.org/publications/tshwane-principles-national-security-and-right-information-overview-15-points> (дата обращения: 12.06.2024).
45. Towards a draft text of a Recommendation on the Ethics of Neurotechnology: working document. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389438> (дата обращения: 12.06.2024).
46. United Nations Human Rights Committee, 1993 «General Comment No 22: The Right to Freedom of Thought, Conscience and Religion», UN Doc. CCPR/C/21/Rev. 1/Add.4. — URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1993/en/13375> (дата обращения: 12.06.2024).
47. Warren S.D., Brandeis L. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4 (5). P. 193–220.
48. Worldwide Campaign for Neurorights Notches its First Win. — URL: <https://spectrum.ieee.org/neurotech-neurorights> (дата обращения: 12.06.2024).

49. Yuste R., Goering S. et al. Four ethical priorities for neurotechnologies and AI. *Nature*. 2017. Vol. 551, P. 159–163.

REFERENCES

1. Amerikanskaya konvenciya po pravam cheloveka, 1969. — URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instreet/Rzoas3con.html> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
2. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka, 1948. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (data obrashcheniya: 12.06.2024).
3. Vseobshchaya deklaraciya o bioetike i pravah cheloveka, prinyata rezolyuciej General'noj konferencii YUNESKO po dokladu Komissii III na 18-m plenarnom zasedanii 19 oktyabrya 2005. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (data obrashcheniya: 12.06.2024).
4. "Kommersant" uznal o razrabotke proekta po vzhivleniyu chipov v mozg cheloveka. — URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2021/06/22/875041-proekta-vzhivleniyu-chipov-mozg> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
5. Konvenciya o pravah invalidov, 2006. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (data obrashcheniya: 12.06.2024).
6. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah, 1966. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (data obrashcheniya: 12.06.2024).
7. Хартия Европейского союза об основных правах, 2000. — URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
8. Чили: на шаг впереди в деле защиты «нейроправ». — URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/chili-na-shag-vperedi-v-dele-zaschity-neyroprav> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
9. Danel'yan A.A., Gulyaeva E.E. Global'naya bezopasnost' i mezhdunarodnoe parvo. M.: Kvant Media, 2023.
10. *Abood v. Detroit Board of Education*, 431 U.S. 209 (1977). — URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/431/209/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
11. *Advent of "Smart Drugs" Raises Safety, Ethical Concerns*. — URL: <https://www.edweek.org/teaching-learning/advent-of-smart-drugs-raises-safety-ethical-concerns/2012/10> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
12. *Alston P. Conjuring up new human rights: a proposal for quality control* // *The American Journal of International Law*. 1984. Vol. 78, No 3. P. 607–621.
13. *Bublitz C. Neurotechnologies and human rights: restating and reaffirming the multi-layered protection of the person*. *The International Journal of Human Rights* / 2024. Vol. 28, iss. 5. P. 782–807.
14. *Bublitz C. What an International Declaration on Neurotechnologies and Human Rights Could Look Like: Ideas, Suggestions, Desiderata* // *AJOB Neuroscience*. 2023. Vol. 15 (2). P. 96–112.
15. *Bury J.B. A History of Freedom of Thought*. NY: Cosimo Classics, 2005.
16. *Collins R.F., Harrington D.J. First Corinthians*. Liturgical Press, 1999.
17. Declaration of the Interamerican Juridical Committee on Neuroscience, Neurotechnologies and Human Rights: New Legal Challenges for the Americas. — URL: http://www.oas.org/en/sla/iajc/docs/CJI-DEC_01_XCIX-O-21_ENG.pdf (data obrashcheniya: 12.06.2024).
18. Declaration of the Interamerican Juridical Committee on Neuroscience, Neurotechnologies and Human Rights: New Legal Challenges for the Americas, 2021. — URL: http://www.oas.org/en/sla/iajc/docs/CJI-DEC_01_XCIX-O-21_ENG.pdf (data obrashcheniya: 12.06.2024).
19. *Dresler M. et al. Hacking the Brain: Dimensions of Cognitive Enhancement*. *ACS Chemical Neuroscience*. 2018 / Vol. 10, No 3. P. 1137–1148.
20. ECtHR *Caruana vs. Malta* (application no 41079/16), 26 para: "In particular the respect for private life as protected by Article 8 involves respect for a person's physical integrity and the taking of a blood and saliva sample constitute a compulsory medical intervention which, even if it is of minor importance, must consequently be considered as an interference with the right to privacy..." — URL: <file:///Users/dashastodina/Downloads/CARUANA%20v.%20MALTA.pdf> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
21. ECtHR *Y.F. v. Turkey* (Application No 24209/94). — URL: https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/resources/Y.F.%20v.%20TURKEY_en.asp (data obrashcheniya: 12.06.2024).
22. España Digital 2025. — URL: <https://avancedigital.mineco.gob.es/programas-avance-digital/Paginas/espana-digital-2025.aspx> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
23. *Golden J.M. Redundancy: when law repeats itself* // *Texas Law Review*. 2016. Vol. 94. P. 629–711.
24. *Global Neurotechnology Market Outlook, Expert Market Research, May 25, 2021*. — URL: <https://expertmarketresearch-emr.blogspot.com/2021/05/global-human-augmentation-market-is.html> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
25. IACtHR *V.R.P., V.P.C. et. al. v. Nicaragua*, 2018. — URL: <https://iachr.ils.edu/node/321> (data obrashcheniya: 12.06.2024).

26. *IEEE Neuroethics Framework*. — URL: <https://brain.ieee.org/publications/ieee-neuroethics-framework/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
27. *Lenca M.* On Neurorights. *Frontiers in Human Neuroscience*. 2021. Vol. 15. P. 1_11.
28. *Lenca M., Adorno R.* Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13:5. P. 1–27.
29. *International Neuroethics Society*. — URL: <https://www.neuroethicssociety.org/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
30. *Knox J.* Horizontal human rights law // *American Journal of International Law*. 2007. Vol. 102. P. 1–47.
31. *Long A.A.* *Epictetus: A Stoic and Socratic Guide to Life*. Oxford: Clarendon Press, 2004.
32. *Luzzatti L.* *God in Freedom: Studies in the Relations Between Church and State*. Cosimo Classics, Illustrated Edition, 2006.
33. *Mostajo-Radji M.A.* A Latin American Perspective on Neurodiplomacy // *Frontiers in Medical Technology*. 2023. Vol. 4. P. 1–10.
34. *Muñoz J.M., Marinero Á.* Neurorights as reconceptualized human rights // *Frontiers in Political Science*. 2023. Vol. 5. P. 1–5.
35. *Neurodiritti, menti e potere*. — URL: <https://www.thegoodlifeitalia.com/neurodiritti-menti-e-potere/> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
36. *NeuroRights Foundation, Report 2022*. — URL: <https://neurorightsfoundation.org/reports> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
37. *Neurotechnology for National Defense: The U.S. and China*, The Cipher Brief, July 1, 2021. — URL: https://www.thecipherbrief.com/column_article/neurotechnology-for-national-defense-the-u-s-and-china (data obrashcheniya: 12.06.2024).
38. *Nickel J., Pogge T., Smith M., Wenar L.* *Stanford Encyclopedia of Philosophy, Human Rights*. Stanford University, 2003.
39. *NIH Neuroethics Guiding Principles for the U.S. Brain Initiative*. — URL: <https://braininitiative.nih.gov/research/neuroethics> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
40. *OECD Recommendation on Responsible Innovation in Neurotechnology*. — URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0457> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
41. *Our Common Agenda*. — URL: <https://www.un.org/en/common-agenda> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
42. *Strategic Action Plan on Human Rights and Technologies in Biomedicine 2020–2025*. — URL: <https://www.coe.int/en/web/bioethics/strategic-action-plan> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
43. *Tasiolvas J.* Saving human rights from human from human rights law // *Vanderbilt Law Review*. 2021. Vol. 52, iss. 5. P. 1167–1208.
44. *The Tshwane Principles on National Security and the Right to Information*. — URL: <https://www.justiceinitiative.org/publications/tshwane-principles-national-security-and-right-information-overview-15-points> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
45. *Towards a draft text of a Recommendation on the Ethics of Neurotechnology: working document*. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000389438> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
46. *United Nations Human Rights Committee, 1993 “General Comment No22: The Right to Freedom of Thought, Conscience and Religion”, UN Doc. CCPR/C/21/Rev. 1/Add.4*. — URL: <https://www.refworld.org/legal/general/hrc/1993/en/13375> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
47. *Warren S.D., Brandeis L.* *The Right to Privacy* // *Harvard Law Review*, 1890. Vol. 4 (5). P. 193–220.
48. *Worldwide Campaign for Neurorights Notches its First Win*. — URL: <https://spectrum.ieee.org/neurotech-neurorights> (data obrashcheniya: 12.06.2024).
49. *Yuste R., Goering S et al.* Four ethical priorities for neurotechnologies and AI // *Nature*. 2017. Vol. 551. P. 159–163.

Научная статья

УДК 004.032.26

DOI: 10.17323/tis.2024.23975

Original article

НЕЙРОСЕТЕВАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК НОВЫЙ ТРЕНД ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ МОНЕТИЗАЦИИ СТРИМИНГОВОЙ МУЗЫКИ ИНДИ-АРТИСТОВ

AI VISUALIZATION AS A NEW TREND OF EXTRA MONETIZATION OF STREAMED MUSIC FOR INDIE ARTISTS

Руслан Александрович БУДНИК

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
rbudnik@hse.ru,

ORCID: 0000-0001-8076-1560

Владимир Викторович ГУРЬЯНОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
vguryanov@hse.ru,

ORCID: 0000-0001-8615-3806

Евгения Геннадьевна ЕВПАК

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
eevpak@hse.ru,

ORCID: 0000-0001-5961-5657

Информация об авторах

Р.А. Будник — заместитель директора Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» НИУ ВШЭ, доктор юридических наук

В.В. Гурьянов — старший преподаватель Института медиа НИУ ВШЭ

- Е.Г. Евпак — аспирант Аспирантской школы по искусству и дизайну, приглашенный преподаватель Школы дизайна НИУ ВШЭ
- **Аннотация.** В статье представлены результаты экспериментов с реакциями целевой аудитории на визуализацию нарративов в песенном творчестве трех инди-артистов рекорд-лейбла Факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ Media Sharks, описаны категории оценки нейросетевой визуализации музыкальных клипов, раскрыт потенциал нейросетей Kandinsky и Genmo как инструментов дополнительной монетизации стримингового музыкального продукта для инди-артистов как правообладателей смежных прав. В качестве исследовательской оптики для определения социальной значимости нейросетей для генерации изображений и видео применены инструменты библиометрического анализа, историко-генетического анализа и кейс-стади прецедентов появления дебютных нейросетевых музыкальных клипов популярных артистов российской и мировой музыкальной сцены. Предложена экспериментальная модель расчета дополнительного дохода стриминг-артиста от размещения нейросетевого клипа к опубликованному музыкальному продукту на видеохостинге YouTube.

Ключевые слова: смежные права, нейросеть, визуализация, нейросетевые клипы, музыкальные видео, аниматик, генеративное искусство, Kandinsky, Genmo

Для цитирования: Будник Р.А., Гурьянов В.В., Евпак Е.Г. Нейросетевая визуализация как новый тренд дополнительной монетизации стриминговой музыки инди-артистов // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51. № 4. С. 80–122; DOI: 10.17323/tis.2024.23975

Ruslan A. BUDNIK

Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia,
rbudnik@hse.ru,
ORCID: 0000-0001-8076-1560

Vladimir V. GURYANOV

Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia,
vguryanov@hse.ru,
ORCID: 0000-0001-8615-3806

Evgeniya G. EVPAK

Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia,
eevpak@hse.ru,
ORCID: 0000-0001-5961-5657

Information about the authors

R.A. Budnik — Deputy Director of the International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights”, Doctor of Legal Sciences

V.V. Gurjanov — senior lecturer of the Institute for Media of HSE University

E.G. Evpak — Ph.D. scholar of the Arts and Design School, Visiting Lecturer of the Design School of of HSE University

Abstract. The article provides the outcomes of the experiments on the reaction of target audience towards the visualization of the narratives in the songwriting art of three indie artists of Media Sharks record label founded at NRU HSE’s Faculty of Creative Industries. The categories for evaluating the neural network generated visualization in the music videos are described on examples of Kandinsky and Genmo in terms of tools for extra monetization for the streamed music audiovisual products for the benefit of indie artists. The research optics applied for determination of social value of generative visualization neural networks

- combines the tools of bibliometric analysis, historical-genetic analysis and case studies of the precedents of pioneering AI-generated music videos for the artists of Russian and global popular music stage. The experimental model for calculation of the additional profits for the streamed music artists from posting the AI-generated music videos as supplements to original streamed music products at YouTube video hosting is proposed for future broader academic discussion.

Keywords: neighboring rights, AI visualization, AI music videos, music videos, music cartoon prototypes, Kandinsky, Genmo

- **For citation:** Budnik R.A., Guryanov V.V., Evpak E.G. AI Visualization as a New Trend of Extra Monetization of Streamed Music for Indie Artists // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 51(4) P. 80–122; DOI: 10.17323/tis.2024.23975

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ И АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нейросетевая визуализация стриминговой музыки на видеохостингах — новый актуальный тренд в массовом цифровом медиаискусстве и массовой музыкальной культуре, ставший вслед за дебютным клипом группы “Cream Soda” на сингл «Меланхолия», собравшим в 2021 г. более 2 200 000 просмотров на YouTube, прорывной технологией 2023 г. вместе с активным развитием и внедрением на массовый рынок пользовательского аудиовизуального контента нейросетевых сервисов визуализации творческих продуктов. С одной стороны, популярность нейросетевых клипов музыкальных артистов доказывается статистикой просмотров и реакций пользователей на аудиовизуальные продукты медийных исполнителей российской и мировой музыкальной сцены, таких как Юлия Савичева (клип на песню «Девочка» — 150 440 просмотров), группы «Сектор Газа» (клип на песню «Твой звонок» — 411 000 просмотров; «Мумия» — 343 000 просмотров), «Король и шут» (клипы на песни «Кукла кодадуна» — 429 000 просмотров; «Камнем по голове» — 1 800 000 просмотров), “Deer Purple” (клип на песню “Child in Time” — 2 700 000 просмотров; “Smoke on the Water” — 1 100 000 просмотров). С другой стороны, артисты, чье музыкальное творчество популяризировалось изначально с помощью нарративов мультипликации, такие как Gorillaz (клип на песню Kids with Guns — 963 просмотра), испытывают противоположный эффект — недостаточный интерес зрителя к вторичному нейросетевому продукту.

Визуальный промпт-инжиниринг как технология в отечественном академическом дискурсе начала 2020-х гг., по данным научной электронной библиотеки eLibrary, освещен недостаточно — по запросу на ключевые слова «визуальный промпт-инжиниринг» выдается всего четыре публикации, все датированные 2023 г., из которых в контексте настоящего исследования представляет интерес работа Джоша Фруллингера «Что такое генеративный искусственный интеллект?» [1], в которой рассматриваются нейросетевые инструменты DALL-E и Stable Diffusion. Пионерская публикация Джоша Фруллингера вводит в научную

дискуссию понятие «генеративный искусственный интеллект», описывает технологии, лежащие в основе работы нейронных сетей, подобных DALL-E, объясняет причины «странной причуды рук» — способности генеративных визуализационных нейросетей рисовать нереалистичные количества пальцев на руках, конечностей и зубов через применение нейросетями алгоритмов фрагментарного анализа арт-объектов. В разделе выводов Джош Фруллингер опровергает расхожий стереотип о потенциальном вытеснении нейросетями художников и медиахудожников с рынка труда, приводя в качестве примера фиаско «галлюцинирующей нейросети» в процессе создания научных статей и подводя к мысли о возникновении специализации промпт-инжиниринга как направления в предметной области ИИ, посвященного практикам изучения «инженерии запросов» [1, с. 3].

Представляющая интерес как для практиков, так и для теоретиков медиаискусства, современного изобразительного искусства и смежных областей гуманитарной науки, таких как авторское право и смежные права, антропология и философия, тема визуального промпт-инжиниринга в последнее время все чаще фигурирует в качестве секционной в конференциях по искусству и дизайну и по вопросам авторского права:

- в десятом номере журнала «Университетская книга» в 2023 г. был опубликован дайджест VII конференции СберУниверситета «Больше чем обучение — 2023» [2];
- 11 апреля 2024 г. в Высшей школе экономики прошла организованная Аспирантской школой по искусству и дизайну НИУ ВШЭ Международная научно-практическая конференция «Теории и практики искусства и дизайна: социокультурные, экономические и политические контексты», в рамках которой художники-исследователи «НейроЛабы» Школы дизайна НИУ ВШЭ представили результаты собственных экспериментов в секции «Медиаискусство в контексте новейших технологий» [3];
- 12 апреля 2024 г. на Международной конференции «Теории и практики искусства и дизайна: социокультурные, политические и экономические контексты» в рамках круглого стола «Нейросе-

тевой поворот в популярной музыке: возможности и вызовы» [4] обсуждались варианты выбора норм правового статуса аудиовизуального контента, созданного человеком с применением нейросетевых инструментов в практиках авторского права Нидерландов (Даво ван Пеурсен, Donemus Publishing, Нидерланды) и Российской Федерации (Руслан Будник, Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ). Также был представлен доклад Ольги Сыч на тему «Анонимизированные исполнители и нейросетевые артисты: сравнительный анализ методов и специфики конструирования образа»;

- 18-19 апреля 2024 г. состоялась организованная Кафедрой ЮНЕСКО НИУ ВШЭ ежегодная конференция «АВТОР/AUTHOR-2024» [5], на которой авторы настоящей статьи представили результаты данного исследования.

В фокусе нашего исследования — проблема оценки потенциала альтернативной монетизации музыкального творчества инди-артистов при помощи публикаций музыкальных клипов, созданных с применением технологии промпт-инжиниринга и онлайн-сервисов по генерации видео в нейросети Kandinsky и ее функциональном аналоге нового поколения — Genmo.

Под монетизацией креативного продукта часто обобщенно понимают комплекс действий, направленных на извлечение финансовой выгоды из процесса оказания услуг основных и смежных с основной деятельностью направлений, а также сам результат извлечения финансовой выгоды из проекта. Субъектами, извлекающими финансовую выгоду из монетизации креативного продукта с применением технологий нейросетевой визуализации музыки, в текущем исследовании выступают инди-артисты — музыканты, создающие в процессе творческого труда музыку в жанре инди. Специфика деятельности инди-артистов напрямую связана с DIY- и DIT-практиками производства музыкального и аудиовизуального продуктов. Соответственно понятием «альтернативная монетизация» мы определяем способы извлечения артистом финансовой выгоды из творческой деятельности коммерческого характера и медиапродуктов, представляющих собой дополнительные/переработанные/альтернативные версии к оригинальным медиапродуктам изданного аудиовизуального контента артиста.

Эмпирическое исследование призвано установить логические взаимосвязи между категориями медийности артистов с разными показателями численности фан-базы и приростом целевой аудитории артистов за счет публикуемого контента нейросетевых музыкальных клипов.

Под понятием «медийность» в настоящем исследовании понимается эффект высокой упоминаемости

артиста музыкальной эстрады в средствах массовой информации. Из наблюдения, что медийные артисты имеют многотысячную и даже многомиллионную фан-базу на видеохостинге YouTube, вытекает гипотеза, что выявление корреляционных коэффициентов среднемесячных показателей просмотров единицы контента на YouTube у медийных артистов с большим фандомом в сравнении с аналогичным показателем у артистов с немногочисленным фандомом позволит рассчитать отношение цены одного просмотра единицы аудиовизуального контента с перспективой расчета ценности монетизации контента от одного подписчика. Такой расчет, в свою очередь, позволит спрогнозировать эффект альтернативной монетизации от размещения артистами и их фанатами нейросетевых клипов на популярные песни артистов.

ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом настоящего исследования стал потенциал монетизации аудиовизуальных продуктов, визуальный ряд к которым сгенерирован нейросетями.

Шаг 1. Кейс-стади. В качестве референсов для кейс-стади и отслеживания трендов в использовании нейросетей были рассмотрены сгенерированные сервисами ИИ-визуализации музыкальные клипы к песням Юлии Савичевой, к группам “Cream Soda”, «Сектор Газа», «Король и шут», “Deep Purple” и “Gorillaz”. Кроме сравнения количественных показателей просмотров и пользовательских реакций на медиапродукты кейс-стади включали в себя еще и качественные виды анализа: контент-анализ и семантический анализ текстовых реакций пользователей на контент в комментариях и семантический анализ описаний медиапродуктов, добавляемых авторами клипов к описанию музыкальных видео (как правило, в текстовых описаниях указываются применяемые для визуализации нейросетевые сервисы). В результате обобщения данных кейс-стади был сформирован «хит-парад» нейросетевых музыкальных видео с топ-чартами просмотров и указанием нейросетей для визуализации, популярных на российском и мировом рынках. Данные кейс-стади о популярных продуктах визуализационных нейросетей по критерию технологических и художественных решений дальше интерпретировались для прикладного применения в эмпирическом исследовании потенциала альтернативной монетизации собственных аудиовизуальных продуктов артистов лейбла Media Sharks в целях последующих приблизительных расчетов сравнительных коэффициентов.

Шаг 2. Эмпирическое исследование. Слушателям предлагались видеоклипы, сгенерированные ней-

росетью Kandinsky на песни трех артистов лейбла Media Sharks: Jennie Moz-Art, инди-рок проекта W&V и специально созданного виртуального артиста ЕШШКА, визуальный образ которого был сгенерирован нейросетями «Шедеврум» и Kandinsky. Процесс выбора единиц музыкального контента для нейросетевой визуализации основывался, с одной стороны, на личном интересе экспериментальной творческой группы медиахудожников, объединившихся под творческим псевдонимом «Виктор Смургт», с другой стороны — в соответствии с жанровой политикой лейбла Media Sharks.

Теоретический объект эмпирического исследования представлен совокупностью показателей просмотров/прослушиваний и реакций пользователей видеохостинга YouTube на нейросетевые визуализации музыкальных композиций выбранных артистов, а также производными расчетными количественными показателями среднемесячных просмотров единиц аудиовизуального контента.

Гипотеза исследования строится вокруг предположения о том, что использование нейросетевой визуализации песен инди-артиста на волне популярности феномена нейросетей способно привлечь/возродить внимание слушателя/фаната к музыкальному творчеству артиста [10].

В ходе эксперимента последовательно тестировалась «жизнеспособность» аудиовизуальных продуктов, созданных для артистов ЕШШКА (сингл «Виртуальная я», дата издания: 15 декабря 2023 г.); Jennie Moz-Art (бонус-трек «Ешкин кот», дата издания: 1 декабря 2017 г.); W&V (песни мини-альбома «Отражения»: «Ведьма и вампиры», «Свитер оверсайз», «Танго inferno» и «Ветра»); Jennie Moz-Art (сингл «Мелодия твоей души», дата издания: 21 апреля 2022 г.), нейросетевые клипы к которым были размещены на видеохостинге YouTube. Последовательность публикации медиапродуктов соответствует, с одной стороны, этапам эволюции возможностей нейросети Kandinsky по генерации статичных изображений / динамичной визуализации нарративов песен, с другой стороны, медиаплану и контент-плану лейбла Media Sharks по продвижению релизов артистов в соответствии с задачами эксперимента.

Процесс отслеживания результатов эксперимента был разделен на несколько этапов.

1. Опрос фокус-групп по каждому из предложенных медиапродуктов (кроме тестовой песни Jennie Moz-Art «Ешкин кот», для трех опубликованных визуализаций которой собиралась исключительно статистика просмотров на YouTube).
2. Замер статистических показателей просмотров/лайков к клипам с нейросетевой визуализацией,

размещенным на видеохостинге YouTube, через личные кабинеты артистов (статистические метрики раздела «Творческая студия»).

3. Сравнение количественных показателей клипов, участвующих в эксперименте, с эталонными медийными артистами, имеющими опубликованные клипы, созданные с применением нейросетевой визуализации («Сектор Газа», «Deep Purple», «Король и шут»), и расчет сравнительных коэффициентов отклика подписчиков по параметрам количества просмотров/лайков/комментариев.

Финальный этап аудита результатов эксперимента имеет два сценария: синхронный и диахронический. Синхронный сценарий аудита результатов эксперимента представляет собой еженедельный сбор статистики прослушиваний композиций артистов на стриминг-сервисах Apple Music и VK Music параллельно с анализом данных за соответствующий период на YouTube. В контексте экспериментальной части исследования достаточными для выводов будут данные, собранные из «Творческих студий» личных кабинетов артистов на видеохостинге YouTube. Диахронический сценарий аудита представляет собой поквартальное сравнение динамики статистических показателей просмотров нейросетевых клипов к песням артистов на YouTube с данными отчетов о платных стримах, получаемых лейблом Media Sharks раз в три месяца в соответствии со сроками налогово-отчетных периодов от дистрибьютора — Believe Digital. В настоящий момент ввиду доступности данных отчета о дистрибуции за четвертый квартал 2023 г. и прогнозируемости времени доступности отчета о дистрибуции за первый квартал 2024 г. ближе к началу мая 2024 г. в настоящей статье будут отражены только результаты синхронного аудита.

1. КЕЙС-СТАДИ ТРЕНДОВ НЕЙРОСЕТЕВОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ КЛИПОВ МЕДИЙНЫХ АРТИСТОВ

1.1. Первооткрыватели нейросетевых клипов в России и в мире

Первое упоминание о создании музыкальных клипов с нейросетевой визуализацией в российском медиаполе появилось с публикацией в газете «Метро» в связи с историей успеха группы «Cream Soda» [11]. В статье, посвященной дебютному для звезд отечественной эстрады нейросетевому клипу на песню «Меланхолия» группы «Cream Soda», уточнялось, что прецедент построчной нейросетевой визуализации нарративов песенной лирики популярных музыкальных коллективов продолжает мировые тренды

развития генеративного медиаискусства, активно внедряемые в музыкальный продукт артистов высокоразвитых креативных стран.

Клип на песню «Меланхолия» [11], как следует из описания к медиапродукту на видеохостинге YouTube, был создан медиахудожниками Денисом Ширяевым и Алексеем Федоровым, автор идеи визуализации — Антон Дворсон. При создании клипа использовалась батарея визуализационных нейросетей, которая включала сервисы CLIP, StyleGAN2, BigGAN, изобретенные авторами программных инструментов Уиллом Стедденом, Джереми Торманом, Майклом Алафризом, Филом Уангом и Райаном Мадроком. Опубликованная за сутки до даты премьеры нейросетевого клипа «Меланхолия» статья в сетевом издании «Правила жизни» (ранее Esquire) [13] сообщила, что музыканты группы — Анна Романовская, Илья Гадаев и Дима Нова — предлагали медиахудожникам поэкспериментировать с отбором видеоряда нескольких альтернативных нейросетей к слову «меланхолия» на припеве песни, поскольку нейросети генерировали «совсем мрачные образы», по словам артистов. Результирующий видеоряд первого нейросетевого музыкального клипа представляет собой квадратные сменяющиеся нейросетевые генерации эклектичного визуала на поэтические строки песни «Меланхолия» в виде анимированных GIF-изображений в постмодернистской эстетике, смонтированные синхронно под фонограмму. Склейки линейного монтажа не обработаны, продолжительность одной визуализационной микросцены не превышает четыре секунды с целью удержать внимание зрителя.

Клип собрал 2 201 273 просмотра с момента размещения на видеохостинге YouTube 23 апреля 2021 г. При общем количестве 65 800 подписчиков официального YouTube-канала артиста “Cream Soda” 11 000 пользователей (примерно 16,7% общего числа подписчиков канала артиста) отметили клип реакцией «нравится», 551 пользователь (0,83% общего числа подписчиков) отреагировал на нейросетевой клип комментариями, содержание которых отчасти ностальгическое — о распаде группы, отчасти хвалебное, и есть сравнение визуала с работами польского художника Здислава Бексинского.

Исторически восстановить прецедент мирового первенства генерации дебютного музыкального видео с помощью генеративных нейросетей по данным открытых источников было намного сложнее: так, среди 342 000 000 выдаваемых в Google результатов поиска по ключевым словам “first music video generated by ai” обнаруживается информация о том, что первое в истории креативных индустрий музыкально-визуальное слайд-шоу было создано Джозефом Штерном

и Эдвардом Марком к аудиозаписи их песни “A Little Lost Child” [14] в конце XIX в., а первое полностью искусственно-интеллектуальное музыкальное видео было размещено на видеохостинге YouTube 24 ноября 2023 г. Оно представляет собой дебютную композицию полностью нейросетевого артиста Anna Indiana “Betrayed by this Town”, созданную нейросетями коллектива промпт-инженеров A1-ECR Big Data Analytics [16] с применением генеративной нейросетевой 3D-мультипликации для визуализации образа юной артистки-подростка, поющей об одиночестве в городе, с музыкальным материалом в тональности си-мажор на остинатный популярный в массовой повсеместно распространяемой музыке гармонический ход «I — V — vi — IV», по аналогии с бесконечным попури мировых хитов “4 Chords” в исполнении “The Axis of Awesome” [17].

В контексте обсуждаемой в рамках настоящего исследования темы монетизации нейросетевого контента важно отметить, что количество подписчиков YouTube-канала A1-ECR Big Data Analytics составляет 674 человека, количество просмотров музыкального видео “Betrayed by this Town” с момента отгрузки единицы контента на видеохостинг YouTube — 33 217 просмотров, видео собрало 251 комментарий от пользователей YouTube. Данные показатели свидетельствуют о том, что количество просмотров и комментариев похоже на реалистичное, которое естественным образом могло быть получено от живых людей после размещения информации о видео на тематическом форуме.

Начиная с конца апреля 2024 г. ситуация с обнаружением генеративных визуализационных инструментов нейросети Sora поделила индустрию на «до» и «после»: если еще в десятых числах апреля 2024 г. поисковой запрос в Google на комбинацию ключевых слов “first music video generated by ai” выдавал в первых строках информацию о песне “A Little Lost Child”, то в начале мая 2024 г. с представлением инструментов Sora первые пять позиций поисковой выборки в Google стали выдавать в качестве первого музыкального нейросетевого видео информацию о дебютном нейросетевом клипе на композицию артиста Washed Out “The Hardest Part” с использованием нейросети Sora [18].

О выпуске нейросетевого клипа, созданного в онлайн-редакторе Sora, рекорд-лейбл Sub Pop, представляющий творчество артиста Washed Out, сообщил изданию Los Angeles Times в дату релиза новой песни — 2 мая 2024 г. В статье Элизабет де Луна для онлайн-издания mashable.com [19] приводятся цитаты из интервью режиссера Пола Трилло, который за шесть недель с нулевым бюджетом на клип смонтировал 55 микросцен, сгенерированных по текстовым запросам нейросетью Sora по бесплатной подписке.

Кроме новости о релизе первого официально-медиапродукта, сгенерированного нейросетью Sora, в статье Элизабет де Луна приводятся другие релевантные примеры антропоморфно-нейросетевого творчества популярных артистов, таких как К-поп бэнд Seventeen с намеренно нейросетевым клипом к композиции “MAESTRO” [20], тизер на который за две недели с даты публикации (24 апреля 2024 г.) собрал 1 724 836 просмотров на видеохостинге YouTube, и вышедший днем ранее, 23 апреля 2024 г., клип группы RIIZE “Impossible” AI Generated Visualizer, недоступный для просмотра в России из-за геополитических ограничений, но собравший за первые две недели 158 783 просмотра и 13 000 лайков на YouTube, по открытым данным видеохостинга [21].

Анализируя визуальный ряд первого официального клипового продукта нейросети Sora на композицию артиста Washed Out “The Hardest Part” [22], следует отметить, что по стилю визуального решения клип приближен к реалистичному видео. Динамичный темпоритм гиперпоп-композиции подчеркивается скоростью движения в микросценах клипа. Любопытная деталь, определяющая узнаваемость применения практик нейросетевого генеративного медиаискусства в создании клипа — образ главной героини, задаваемый по промпту: «Симпатичная рыжая кудрявая девушка». Похожий тиражируемый образ визуализации персонажей женского пола встретится далее по тексту статьи в описании нейросетевого клипа на песню «Кукла колдуна» группы «Король и шут», созданного с применением нейросети Stable Diffusion, и обнаружит портретные сходства с образом артиста Jennie Moz-Art и сквозного персонажа ведьмы в нейросетевых клиповых экспериментах авторов исследования. За девять дней с даты релиза на видеохостинге YouTube нейросетевой клип к песне “The Hardest Part” собрал 204 543 просмотра и 4300 лайков от пользователей видеохостинга при общем количестве 40 800 подписчиков на канале артиста Washed Out.

В 2020 г. Анджелос Чатзимпарас, Рафаэль Мартинз и группа исследователей опубликовали статью «Опрос об опросах по использованию визуализации для интерпретации моделей машинного обучения» [23], в которой описываются методы и результаты широкого библиометрического анализа публикаций, посвященных теме визуализации с помощью моделей машинного обучения. Ключевой вывод из статьи относится к размышлению авторов о модели метаисследований и применении такой модели к поиску научной информации для построения иерархических мультипараметрических систем анализа данных, что в контексте обсуждаемой проблемы нейросетевой визуализации музыки позволяет выбрать релевантные

параметры для оценки результатов совместной деятельности человека и нейросетей в создании нейросетевых музыкальных клипов.

Частным случаем популярных исследовательских запросов является пара ключевых слов “text visualisation”. Так, в цитируемой авторами статье Денга, Донга и коллектива авторов “Imagenet: A large-scale hierarchial image database”, опубликованной по результатам проведения в 2009 г. конференции IEEE, посвященной вопросам компьютерного зрения и распознаванию паттернов, описывались принципы работы базы данных ImageNet, построенной в логике онтологии конструирования образов на основании структуры сети WordNet и обученной на распознавании 3,2 млн изображений [24]. Интерпретация материалов статьи Денга, Донга и коллектива авторов в контексте текущего исследования состоит в том, что подобные публикации мозаично представляют собранное научное знание о развитии моделей машинного обучения, связанных с визуализацией текста, однако на данный момент в глобальном и отечественном академических дискурсах еще не сформировался системный подход к изучению пользовательского восприятия продуктов нейросетевых музыкальных клипов. Это можно объяснить тем, что сами технологии нейросетевой мультипликации стали появляться на массовом рынке только с 2023 г. и исследовательская дискуссия еще не успела сформироваться за короткий промежуток времени, поскольку только в ноябре 2023 г. был представлен полностью нейросетевой мультипликационный артист с генеративным музыкальным материалом.

Логика кейс-стади, предлагаемого в качестве поискового этапа в исследовании, предполагает построение «хит-парада» нейросетевых музыкальных клипов медийных артистов на основании поисковых запросов “ai music video” / «музыкальный клип нейросеть» на видеохостинге YouTube, начиная с композиции артиста “Cream Soda” «Меланхолия» и далее, отталкиваясь от истории просмотров видео, анализируемой алгоритмами YouTube. В целях выявления потенциала монетизации стриминговой музыки внимание при анализе поисковой выборки будет обращено на количество подписчиков на канале артиста / производителя нейросетевых клипов, количество просмотров видео от момента публикации до даты просмотра, количество и качество комментариев от пользователей видеохостинга. Метаданные текстовых описаний к нейросетевым клипам будут проанализированы на предмет наличия информации об использованной в производстве контента генеративной нейросети, что даст ответ на вопрос о технологических трендах нейросетевой визуализации, и на предмет

истории создания нейросетевого музыкального видео, что даст ответ на вопрос об институциональных связях производителя единицы контента с артистом, чья музыка использовалась в качестве источника вдохновения к нейросетевой мультипликации. Интерпретация собранных данных поможет ответить на вопрос об источнике дополнительной монетизации и количественных характеристиках, достаточных для монетизации стримингового контента условий (количество просмотров, количество подписчиков).

1.2. «Хит-парад» нейросетевых музыкальных клипов медийных артистов в России и в мире

Первичные данные сравнительного анализа количественных показателей просмотров, пользовательских реакций и комментариев в отношении нейросетевых видео исследуемых референсных артистов российской и мировой музыкальной сцены (источник: видеохостинг YouTube) представлены в табл. 1.

Интерпретация собранных количественных и качественных данных, представленных в описаниях к проанализированным нейросетевым клипам (табл. 1), включает в себя несколько существенных для эмпирической части исследования наблюдений.

1. Качество фан-базы артиста влияет на количество реакций. У артистов “Deep Purple” (клип к композиции “Smoke on the Water”), Юлии Савичевой (нейросетевое mood-video к композиции «Девочка»), “Cream Soda” (клип к песне «Меланхолия»)

клипы размещены на официальных YouTube-каналах артистов, где их может прямо без посредников смотреть целевая аудитория подписчиков канала. Это обеспечивает высокий процент открытого отклика фанатов на творчество артистов.

2. Размещение нейросетевых клипов артистов в креативных сообществах и на каналах нейросетевых медиахудожников неоднозначно влияет на отклик аудитории. Сообщество Neural Madness (www.youtube.com/@Neural-madness; 64 400 подписчиков), нейросетевые художники Ben Gillin (<https://www.youtube.com/@BenGillin>; 11 700 подписчиков) и Soldesign72 (<https://www.youtube.com/@soldesign72>; 11 200 подписчиков), выкладывая на свои каналы создаваемые ими нейросетевые видео для артистов, алгоритмами YouTube, разумеется, зарабатывают себе количество дополнительных просмотров, обеспечивая высокий процент поисковой выдачи и улучшая видимость собственного бренда в YouTube, но делят роялти с артистами, музыка которых использована при генерации видео — аналитические алгоритмы YouTube подгружают релиз музыкальной композиции и указывают информацию о правообладателях. С другой стороны, небольшое количество просмотров видео с известным артистом (как в случае с композицией “Gorillaz” “Kids with Guns”) неоднозначно воспринимается как поклонниками артиста, так и подписчиками канала медиахудожника.

Таблица 1. Сравнительный анализ популярности нейросетевых музыкальных клипов артистов российской и мировой музыкальной сцены (дата создания таблицы: 12 апреля 2024 г.)

Позиция	Артист	Композиция	Количество просмотров	Количество лайков / комментариев	Используемая нейросеть	Количество подписчиков на канале артиста
1	“Deep Purple”	“Child in Time”	2 780 768	43 000 / 0	Stable Diffusion	11 200
2	“Cream Soda”	«Меланхолия»	2 201 273	11 000 / 551	CLIP, StyleGAN2, BigGAN	65 800
3	«Король и шут»	«Камнем по голове»	1 823 815	16 000 / 674	Midjourney	16 200
4	“Deep Purple”	“Smoke on the Water”	1 100 000	43 000 / 1980	Chiba Film	1 199 000
5	«Король и шут»	«Кукла кодуна»	430 221	10 000 / 525	Stable Diffusion, GPT-4	64 400
6	«Сектор Газа»	«Твой звонок»	411 000	8600 / 542	GPT-4	64 400
7	«Сектор Газа»	«Мумия»	343 000	5700 / 502	GPT-4 Deforum	64 400
8	Юлия Савичева	«Девочка»	150 818	3500 / 181	Genmo?	305 000
9	“Gorillaz”	“Kids with Guns”	964	91 / 0	Midjourney, Stable Diffusion Video, Topaz Video	11 700

3. Формирование визуальной эстетики генеративной клиповой анимации. В результате проведенного визуального исследования проанализированных девяти музыкальных клипов с нейросетевой визуализацией вместе с контент-анализом пользовательских комментариев и реакций под видео было выявлено три базовых подхода к созданию нейросетевой визуализации музыкальных произведений:

а) слайд-шоу со статичными / частично анимированными изображениями, подобранными/сгенерированными под сюжетную линию нарратива вокальной строки с применением подходов промпт-инжиниринга и добавлением чата GPT-4 в батарею нейросетей для генерации текстовых описаний нейросети-визуализатору;

б) аниматик музыкального мультипликационного фильма, создаваемый путем монтажа анимированных сцен, срежиссированных фантазией нейросетевого медиахудожника/креатора и затем смонтированных в приложении для видеомонтажа;

в) комбинированный нелинейный монтаж абстрактных и космогонических изображений, генерируемых нейросетями Stable Diffusion / Midjourney поверх традиционного видеоряда музыкального клипа.

Наряду с техниками монтажа клиповых сцен к особенностям генерации у визуализационных нейросетей также могут относиться типичные ошибки визуализации конечностей: количество рук, ног, пальцев, хоботов, крыльев и кинематика их движения, а также стереотипные образы персонажей. Так, целевая аудитория генеративного клипа «Кукла колдуна» (группа «Король и шут»), созданного с использованием нейросети Stable Diffusion, в комментариях к клипу обсуждает «лояльность» нейросети к образу рыжей ведьмы (под видеоклипом в декабре 2023 г. комментарий пользователя @user-wr4nd7pu8!: «Нейросеть явно питает нежные чувства к рыженьким:») собрал 1200 лайков и 56 ответов).

Приведенный пример демонстрирует способность нейросетей к последующей генерации образов сквозных персонажей, что позволяет в клипах на разные песни обращаться к сторителлингу легенды артиста.

Добавок к уже упомянутым выше типичным ошибкам генерации анимированных и, в меньшей степени, статичных изображений «необучаемые» общедоступные нейросетевые инструменты пока проявляют плохую избирательность при формировании внешности персонажей. Бывает трудно получить двух человек с разным цветом волос, мужской и женский образы порой меняются чертами — у женщины появляется борода, а у мужчины — юбка и длинные волосы.

Описанные примеры ошибок нейросетевой визуализации антропоморфных персонажей можно отнести как к «точкам роста» по доработке алгоритмов

визуализации в генеративных нейронных сетях, так и к специфике генеративной нейросетевой мультипликации с использованием массово распространяемых на рынке визуализационных нейросетей в текущем состоянии их технологического развития на момент зимы/весны 2023–2024 гг.

4. Лицензирование контента и охраноспособность нейросетевых музыкальных клипов. Два наблюдения, относящиеся к проведенному кейс-стади, касались вопросов охраноспособности аудиовизуальных продуктов, созданных с нейросетевой визуализацией: а) размещение логотипов видеоредакторов и брендов музыкальных нейросетей непосредственно поверх визуала клипов и б) текстовые описания с указанием имен, брендов и ролей всех участников творческой группы в части нейросетевой визуализации со ссылками на личные страницы специалистов в социальных сетях. Размещение логотипа компании-производителя визуализационной нейросети поверх визуального ряда клипа подтверждает, что автор/производитель аудиовизуального продукта согласен с фактом принадлежности личных имущественных прав на единицу контента компании — поставщику визуализационной нейросети.

В соответствии со ст. 1257 ГК РФ автором произведения [...] признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Однако п. 1 ст. 1300 ГК РФ «Информация об авторском праве» гласит: «Информацией об авторском праве признается любая информация, которая идентифицирует произведения, автора или иного правообладателя, либо информация об условиях использования произведения, которая содержится на оригинале или экземпляре произведения, приложена к нему или появляется в связи с сообщением в эфир или по кабелю либо доведением такого произведения до всеобщего сведения, а также любые цифры и коды, в которых содержится такая информация» [25]. В соответствии с ч. 3 ст. 1250 ГК РФ «Защита интеллектуальных прав» предусматривается доказательство отсутствия вины в нарушении интеллектуальных прав лицом, нарушившим интеллектуальные права. Из этого следует, что если автор единицы аудиовизуального контента, произведенного с использованием визуализационных нейросетей, не читал условия лицензионного соглашения пользователя при первом и последующих использованиях нейросети, то это не освобождает автора единицы контента от соблюдения условий лицензионного соглашения пользователя, в котором кроме прочего могут быть прописаны ограничения на публикацию единицы аудиовизуального контента. Данные обстоятельства авторам цифрового контента и медиахудожникам следует учитывать при тестировании нейросетевых инструментов.

2. ЭКСПЕРИМЕНТЫ НЕЙРОСЕТЕВОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСТВА ИНДИ-АРТИСТОВ ЛЕЙБЛА MEDIA SHARKS

Основанный на принципах промпт-инжиниринга творческий метод взаимодействия медиахудожника под творческим псевдонимом Виктор Смурт с нейросетями для генерации изображений состоял в разработке текстовых описаний визуализируемых объектов. В качестве таких объектов выступали как сцены в поэпизодной раскадровке сюжета, так и визуальные образы персонажей — главных и второстепенных героев клипа, а также произвольно возникшие или намеренно выбранные медиахудожником детали, отражающие оттенки передаваемых музыкальным повествованием настроения, образа, дополнительной сюжетной линии или элемента творческой вселенной артиста.

Для антропоморфных персонажей в промптах задавались основные черты внешности, например «Девушка с короткими кудрявыми волосами в кожаной куртке» (см. рис. 1). При этом разные нейросетевые инструменты выдавали некий типичный образ, который можно было модифицировать оценочными определениями: красивая, грустная, сердитая, веселая и т.п.

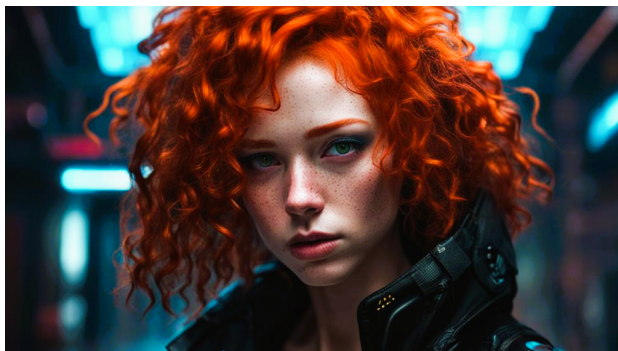

Рис. 1. Вариант визуализации промпта «Серьезная девушка с короткими кудрявыми волосами в кожаной куртке» (источник: нейросеть Kandinsky, стиль: киберпанк)

Фантазийные персонажи, не существующие в действительности, задавались по внешнему сходству с кем-то известным, находящимся в базе изображений нейросети. Например, для визуализации Ехарного Бабая использовалось описание «Добрый смешной гоблин» (рис. 2).

В сценах с действиями героев их движения указывались в промптах обобщенно. Добиться генерации сцены, где, например, кот ловит муху, с точной визуальной передачей действия от нейросети было невозможно. В некоторых случаях ИИ даже дорисовывал движения самостоятельно, правда, иногда невпопад.

Рис. 2. Нейросетевая визуализация Ехарного Бабая. Промпт «Добрый смешной гоблин» (источник: нейросеть Kandinsky, стиль: рисунок карандашом)

В отличие от традиционного подхода с длительным «обучением» нейросетевого инструмента, когда производится множество последовательных генераций, в ходе которых промпт корректируется и уточняется с целью добиться желаемого результата, в данном случае медиахудожник во многом полагался на «фантазию» искусственного интеллекта, подстраивая промпты под сгенерированные им изображения и сцены. Возникающий визуальный ряд мог отклоняться от первоначального замысла и получать спонтанные линии развития, а образы персонажей приобретали неожиданные черты. Взаимодействие с нейросетью происходило в режиме своеобразного «потока сознания», рождающего по ходу смыслы и фантазмагорические и порой абсурдные ассоциации, но иногда они обостряли драматургию сюжета и поднимали визуализацию конкретных нарративов в клипе на уровень псевдофилософского обобщения.

Придумывая промпты, отбирая и монтируя сгенерированные нейросетью материалы для клипа, человеку приходится сталкиваться с необходимостью пожертвовать точностью иллюстрирования содержания песни ради большей оригинальности и яркого впечатления. С этой точки зрения сложнее визуализировать истории, основанные на конкретных действиях персонажей, на нюансах переживаний или бытовых деталях, — эти моменты нейросеть «понимает» и реализует хуже всего. Выигрышными оказываются сюжеты, допускающие вольную визуальную трактовку и импровизацию.

При генерации статичных изображений возможности контроля значительно выше, чем при анимации. У нейросети Kandinsky в статике доступен выбор из 18 стилей, в тексте промпта можно указывать крупность, ракурс, глубину детализации и другие параметры. В зависимости от выбранного стиля объект получается более

конкретным или, наоборот, более условным. Некоторые стили, например киберпанк или хохлома, значительно сужают разнообразие — на выходе все объекты получаются похожими. Наиболее детального соответствия запросу удастся добиться в стилях цифровая живопись и рисунок карандашом.

Более точные в передаче нарративов клипы в виде слайд-шоу из статичных изображений представляются менее визуально привлекательными, чем анимационные. Творческое взаимодействие с нейросетями более полно реализуется при создании анимированных сцен. Здесь Kandinsky, с одной стороны, не позволяет получить в видеоряде какие-то значимые для сюжета детали, но с другой — привносит элемент неожиданности, добавляет образам динамики и причудливо трансформирует их. Объекты растягиваются и перетекают друг в друга, создавая захватывающий эффект.

Ход эксперимента в следующих подпунктах данного параграфа будет раскрываться в соответствии с хронологией событий.

2.1. Портрет целевой аудитории Jennie Moz-Art и ассоциированных инди-артистов

Фокус-группа для опросов целевых потребителей музыкального продукта инди-артистов Jennie Moz-Art, W&V и ЕШШКА в случае первого проведенного эксперимента с оценкой нейросетевой визуализации клипа артиста ЕШШКА «Виртуальная я» была собрана на основе портретов целевой аудитории артиста Jennie Moz-Art по данным из «Творческой студии» YouTube (рис. 3) из числа социально активных контактов артиста.

Возраст и пол

Просмотры 1 нояб. – 15 дек. 2023 г.

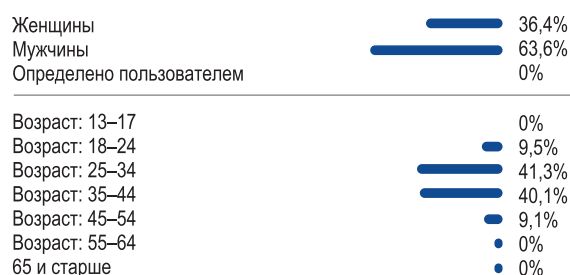

Рис. 3. Пол и возраст целевой аудитории артистки Jennie Moz-Art: данные личного кабинета артиста в «Творческой студии» видеохостинга YouTube с 01.11.2023 по 15.12.2023

Из инфографики видно, что ядром целевой аудитории артистки Jennie Moz-Art являются мужчины (63,6%) в возрастном диапазоне от 25 до 54 лет и женщины (36,4%) в возрастном диапазоне от 18 до 54 лет. Приняв эти данные за исходные, авторы исследования

создали три опроса по продуктам нейросетевой генерации мультфильмов для производных артистов — полунейросетевой-полуантропоморфной певицы ЕШШКА и живого антропоморфного инди-рок-дуэта W&V. Для последующих опросов формирование фокус-группы происходило по принципу добавления к ядру желающих продолжать участие в экспериментах лояльных целевых потребителей новых респондентов, чья профессиональная деятельность и/или музыкальные интересы связаны с инди-музыкой и генеративным искусством. Таким образом, динамика приращения ядра целевых потребителей экспериментального музыкального контента с нейросетевой визуализацией позволяла проанализировать дополнительный параметр — процент удержания лояльности зрителя/слушателя к новым медиапродуктам оцениваемого артиста.

Сравнительный анализ портретов целевой аудитории артистов ЕШШКА и W&V представлен на рис. 4.

Поскольку в целях чистоты эксперимента ни один продукт нейросетевой генерации не сопровождался таргетированной рекламой, показатели количества просмотров на YouTube для нейросетевого клипа «Виртуальная я» артиста ЕШШКА не позволили алгоритмам YouTube описать пол и возраст аудитории клипа. В этой связи крайнюю левую дату замеров активности аудитории для канала лейбла Media Sharks было решено сдвинуть на один год назад — с 25 декабря 2022 г. по 25 декабря 2023 г. В этот период к контенту лейбла наибольший интерес проявляли зрители мужского пола в возрасте от 35 до 44 лет (31,7% пользователей), чуть менее активны были зрители в возрастных группах от 45 до 54 лет (25,1% пользователей) и молодежь в возрасте от 25 до 34 лет (24,4%). Здесь можно увидеть расширение целевой аудитории артистки Jennie Moz-Art в сторону привлечения внимания более юных зрителей (8,9% дополнительных целевых подписчиков в возрасте от 18 до 24 лет) и более возрастных зрителей (25,1% пользователей в возрасте от 45 до 54 лет и 7,5% пользователей в возрасте от 55 до 64 лет).

Для YouTube-канала Witch&Vamps диапазон дат выставлялся с 20 января 2024 г. (дата создания канала) по 19 февраля 2024 г. (плюс неделя от даты размещения нейросетевых клипов к песням «Ведьма и вампиры» и «Свитер оверсайз»). В выбранный период контент канала просматривали 76,2% мужской и 23,8% женской аудитории с наибольшей активностью пользователей возрастной группы от 35 до 44 лет (35,5% общего количества зрителей канала).

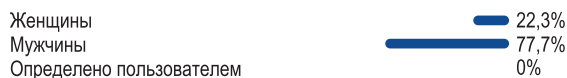
Как видно из приведенных данных, зрительские аудитории каналов Jennie Moz-Art Official и дуэта W&V (рис. 3, 4) в целом совпадают по критерию аватара целевого зрителя/слушателя. Это мужчина

Время просмотра подписчиками

Время просмотра 25 дек. 2022 г. – 25 дек. 2023 г.

Возраст и пол

Просмотры 25 дек. 2022 г. – 25 дек. 2023 г.

Что смотрят ваши зрители

Последние 7 дней

Недостаточно данных. [ПОДРОБНЕЕ](#)**Какие форматы выбирают ваши зрители на YouTube**

Последние 7 дней

Недостаточно данных.

Топ регионов

Просмотры 25 дек. 2022 г. – 25 дек. 2023 г.

Самые популярные языки субтитров

Просмотры 25 дек. 2022 г. – 25 дек. 2023 г.

а

Когда ваши зрители смотрят видео на YouTube

Местное время (GMT +0300) Последние 28 дней

Недостаточно данных.

Время просмотра подписчиками

Время просмотра 20 янв. – 19 февр. 2024 г.

Возраст и пол

Просмотры 20 янв. – 19 февр. 2024 г.

Топ регионов

Просмотры 20 янв. – 19 февр. 2024 г.

Самые популярные языки субтитров

Просмотры 20 янв. – 19 февр. 2024 г.

б

Рис. 4. Пол и возраст целевой аудитории артистов ЕШШКА (а) и W&V (б). Данные из личных кабинетов артиста (ЕШШКА — источник: лейбл Media Sharks, W&V — источник: YouTube-канал Witch&Vamps)

в возрасте от 35 до 44 лет, ежедневно или несколько раз в неделю потребляющий развлекательный аудио-визуальный контент с музыкой в стиле инди и инди-рок и увлекающийся изучением новых технологий, включая генеративные нейросети. В отношении предпочтений визуализации контента для такого целевого потребителя была сформулирована гипотеза, представленная в п. 2.1.1 настоящей статьи, о выборе образов героев и цветовой гаммы исходя из популярности единиц контента основного артиста (рис. 5)

с дальнейшим уточнением параметров визуализации на основании данных опросов фокус-групп для релевантных категорий респондентов.

После проведения каждого опроса даты заполнения опросника последним респондентом фиксировались как контрольные точки для замеров активности пользователей видеохостинга YouTube в плане целевых действий: просмотров анализируемых клипов/лайков/комментирования. Хронология фиксации контрольных точек замеров активности представлена в табл. 2.

Таблица 2. Даты размещения нейросетевых мультипликационных музыкальных клипов на видеохостинге YouTube и хронология проведения опросов фокус-групп по реакции на нейросетевые видео артистов ЕШШКА, Jennie Moz-Art и W&V

Позиция	Единица контента	Дата выгрузки на YouTube	Дата заполнения опроса последним респондентом	Дата последней активности зрителей музыкального видео	Суммарное количество просмотров музыкального видео
1	«Виртуальная я»	15.12.2023	25.12.2023	12.04.2024	94
2	«Ешкин кот» (1) [26]	29.08.2023	–	03.04.2024	237
3	«Ешкин кот» (2) [27]	29.08.2023	–	03.03.2024	98
4	«Ешкин кот» (новогодний) [28]	25.12.2023	–	12.03.2024	143
5	«Ведьма и вампиры» [29]	12.02.2024	24.03.2024	12.04.2024	169
6	«Свитер оверсайз» [30]	12.02.2024	02.03.2024	12.04.2024	225
7	«Танго inferno» [31]	12.02.2024	–	11.04.2024	97
8	«Ветра» [32]	12.02.2024	–	11.04.2024	83
9	«Мелодия твоей души» [33]	23.02.2024	–	12.04.2024	1524

Как видно из табл. 2, для трех аудиовизуальных продуктов — композиции «Виртуальная я» артиста ЕШШКА, композиций «Ведьма и вампиры» и «Свитер оверсайз» артиста W&V — пользовательская активность зрителей не прекращалась на 12 апреля 2024 г., что косвенно подтверждает справедливость замечания об эффективности кампании опросов для вовлечения пользователей в просмотр контента.

Чем ближе дата последней активности зрителей музыкального видео к текущей календарной дате работы над статьей (в случае замеров крайней датой являлось 12 апреля 2024 г.), тем выше субъективная эффективность кампании с нейросетевыми мультипликационными клипами на песни артистов лейбла Media Sharks

при условии, что суммарное количество просмотров клипов за период с момента публикации до момента замеров контрольных точек пользовательской активности суммировалось с количеством просмотров/прослушиваний основного аудиовизуала релизов.

Данные сравнения двух показателей количества просмотров контента в видео оригинала и нейросетевых видео артистов представлены в табл. 3.

Как видно из данных табл. 3, в сравнительном анализе количества просмотров аудиовизуального контента можно условно выделить два тренда: 1) больше просмотров оригинала аудиовизуального контента, чем нейросетевой визуализации (у композиций W&V «Ведьма и вампиры», Jennie Moz-Art «Я уеду жить

Таблица 3. Сравнительный анализ количества просмотров оригинальных музыкальных видео и нейросетевых мультипликационных клипов к избранным песням артистов ЕШШКА, W&V, Jennie Moz-Art, участвовавших в качестве единиц контента в опросах фокус-групп целевой аудитории артистов с 15.12.2023 по 15.03.2024

Позиция	Единица контента (оригинал)	Количество просмотров оригинального музыкального видео	Нейросетевой мультфильм	Количество просмотров нейросетевого мультфильма
1	«Виртуальная я» [34]	24	«Виртуальная я» (сингл, 2023) [35]	273
2	«Ведьма и вампиры» (live reheardal) [36]	624	«Ведьма и вампиры» (мулт.) [37]	240
3	«Я уеду жить в свитер» (lyric video) [38]	640	«Свитер оверсайз» (мулт.) [39]	304
4	«Мелодия твоей души» [40]	6478	«Мелодия твоей души» (Kandinsky visualisation, 2024) [41]	1615

в свитер», «Мелодия твоей души»); 2) больше просмотров нейросетевой визуализации песни, чем оригинала аудиовизуального контента (ЕШШКА «Виртуальная я»). Первый тренд объясняется в случае артиста W&V более высокой популярностью репетиционного видео к песне «Ведьма и вампиры» по сравнению с нейросетевым мультфильмом, продиктованной интересом аудитории к живому концертно-репетиционному исполнению артистами песни, которая понравилась чуть раньше в виде мультфильма. В случае композиции «Свитер оверсайз», нейросетевой мультфильм которой сопоставлялся с лирик-видео к оригиналу песни Jennie Moz-Art «Я уеду жить в свитер», вышедшим в 2023 г., сравнительно более высокая популярность оригинала песни может обсуждаться при дальнейшем расчете коэффициента среднемесячного количества просмотров единицы контента, который будет рассчитан и рассмотрен далее в п. 3 настоящей статьи. С композицией «Мелодия твоей души», к которой нейросетевая мультипликация вышла 23 февраля 2024 г., аналогичным образом объяснение разницы количества просмотров должно базироваться на расчете среднемесячного количества просмотров единицы контента.

2.1.1. Генерация Ешки и Ешкина пантеона

Для того чтобы определить понравившиеся целевой аудитории ранее изданные медиапродукты артистки Jennie Moz-Art в контексте выбора нарративов и образов для визуализации нейросетевых клипов, рассматривалось творчество артистки, изданное с момента начала ведения канала на YouTube (01.04.2007) до планируемой даты релиза первого нейросетевого видео (15.12.2023).

Для выбранного диапазона дат был дополнительно снят замер популярности контента в разделе «Лучшие видео» (рис. 5).

Лучшие видео

Просмотры 1 апр. 2007 г. – 15 дек. 2023 г.

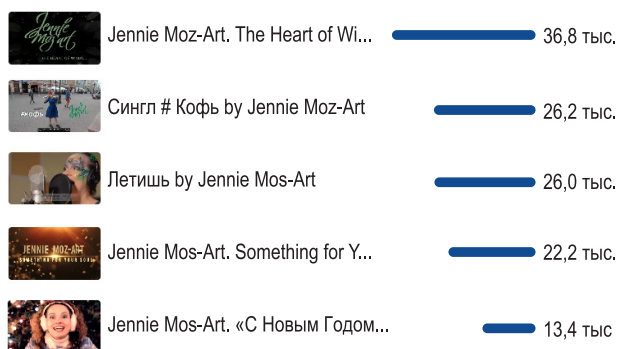

Рис. 5. Топ-5 самых популярных музыкальных видео артистки Jennie Moz-Art. Данные личного кабинета артиста в «Творческой студии» видеохостинга YouTube с 01.04.2007 по 15.12.2023

Представленные на рис. 5 четыре музыкальных видео сопровождают синглы Jennie Moz-Art, а пятое видео внизу чарта — композиция «С Новым годом» — включена в альбом «Рождественские фантазии», вышедший в декабре 2019 г. Учитывая тематические и сезонные предпочтения целевой аудитории артистки, а также личные пожелания ее студентов, было решено начать эксперимент по нейросетевой визуализации с создания генеративного видеоряда к песне «Ешкин кот» из альбома «Летающие объекты».

На рис. 6 представлена сравнительная статистика просмотров нейросетевого клипа-слайдшоу «Ешкин Кот», созданного с визуализациями нейросети Kandinsky, в числе пяти самых популярных музыкальных видео с 15.12.2023 по 31.12.2023.

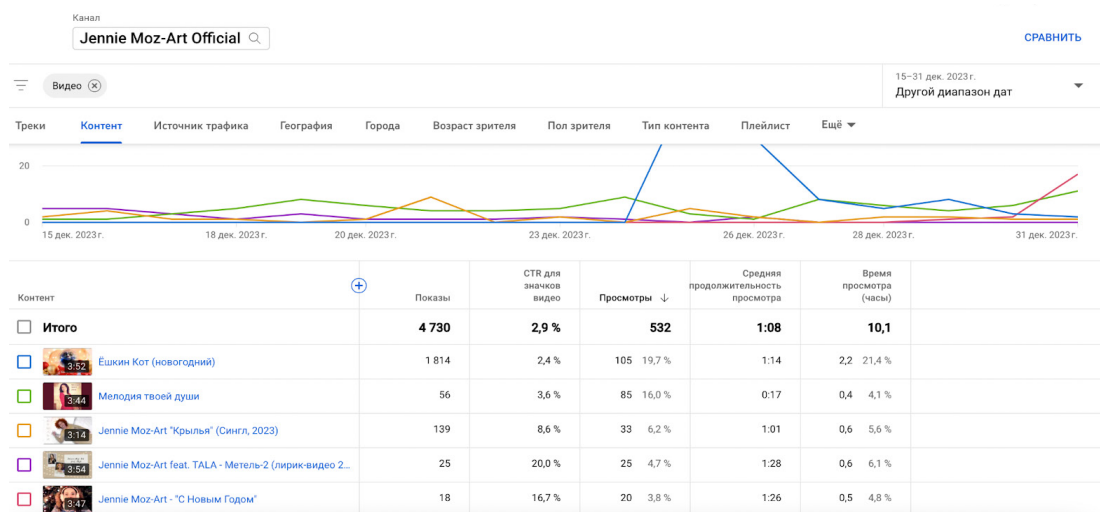

Рис. 6. Топ-5 самых популярных музыкальных видео артистки Jennie Moz-Art. Данные личного кабинета артиста в «Творческой студии» видеохостинга YouTube с 15.12.2023 по 31.12.2023

Как заметно из названий и обложек музыкальных видео, все клипы, кроме композиции «Мелодия твоей души», относятся к новогодней тематике. При этом вышедший 24 декабря 2023 г. музыкальный клип «Ешкин Кот» (новогодний) бьет рекорды просмотров, демонстрируя самую высокую популярность (532 органических просмотра за восемь дней, которые затем алгоритмы YouTube обнуляют) и толерантность зрителя к длительности просмотра (1:08 минут непрерывного просмотра и прослушивания композиции).

На основании оценки количественных характеристик зрительских реакций (средняя продолжительность просмотра, количество просмотров) клипы «Ешкин Кот (новогодний)» и «Мелодия твоей души» были признаны лидерами эффективности нейросетевой визуализации творчества артистки Jennie Moz-Art.

2.1.2. Сингл «Виртуальная я» и мистификация нейросетевого артиста ЕШШКА

Выявленные в ходе предыдущего исследовательского шага предпочтения целевой аудитории артистки Jennie Moz-Art — видеть в клипах на песни инди-композитора в качестве визуала яркие образы празднично наряженной дивы, поющей о романтических сюжетах и чувствах — вдохновили творческий коллектив авторов настоящей статьи изобрести новый медиапродукт в исполнении полунейросетевого-полуантропоморфного артиста ЕШШКА, используя препарированный чатом GPT-3,5 корпус поэтических текстов, размещенных на ресурсе СТИХИ.РУ (<https://stihi.ru/avtor/worldisang>) в разные годы, батарею музыкальных нейросетей для создания музыкальной композиции с текстом и нейросети «Шедевр» и Kandinsky для создания визуального оформления релиза.

В качестве отправной точки для разработки фигуры артиста был использован сюжет из песни Jennie Moz-Art «Ешкин кот», где главной героиней выступает девочка Ешка, живущая в Барвихе и заботящаяся о своем коте и его друзьях. Основной фокус делался на семантическом анализе стихов о восприятии любви и отношений и на темах творческого эскапизма автора. В результате была выбрана тема одиночества в толпе и вынужденного коммуникативного эскапизма поп-звезды. Окончательный текст песни «Виртуальная я» подвергся многоступенчатому музыкально-семантическому анализу.

Имя нового полунейросетевого-полуантропоморфного артиста — ЕШШКА — было выбрано из-за популярности клипов к песне Jennie Moz-Art «Ешкин Кот», в имени артиста удвоили букву «ш», поскольку варианты написания имени «Ешка»/«Yoshka» в сервисе потоковой музыки Apple Music уже были заре-

гистрированы за другими артистами. Удвоенная буква «ш» в имени нового артиста вполне соответствовала эстетике нейросетевого генеративного искусства с характерными паттернами добавления дополнительных конечностей (пальцев рук, общего количества ног).

Музыка

- При создании интонационно-ритмического решения вокальной строки из песенного текста использовалась нейросеть Melobytes ai. Далее вокальная строка в исполнении Jennie Moz-Art была записана на диктофон в целях последующей обработки.

- Вокальный профиль исполнителя корректировался нейросетью Voicemod ai — в этой части эксперимента были выявлены базовые корректировки интонационных паттернов по параметру звуковысотности, результат которых показался автору эксперимента логически странным из-за некорректной работы нейросети по выравниванию абсолютной звуковысотности нот в вокальных фразах. Далее полученный от нейросети музыкальный материал был скорректирован композитором на слух, после чего вокальная строка отправилась в нейросеть для создания плейбэка.

- При создании плейбэка использовалась нейросеть generatom ai. Полученный от нейросети сгенерированный музыкальный подклад в заданном стиле был композиционно доработан композитором вручную в редакторе Ableton Live до полного соответствия структуре текста в вокальной строке и доаранжирован дополнительными тембрами баса и синтетического подклада для придания полноценного законченного звучания композиции «Виртуальная я», стилизованной под гиперпоп.

- Музыкальный прототип песни, собранный в редакторе Ableton Live из материала, полученного на предыдущих шагах эксперимента, был выгружен в нейросеть Landr ai для алгоритмического мастеринга.

- Отработанная нейросетью Landr ai композиция была повторно загружена в аудиоредактор Ableton Live для технической экспертизы качества мастеринга. Параметры компрессии и частотной эквализации были скорректированы композитором вручную встроенными инструментами аудиоредактора Ableton Live.

Таким образом, музыка песни «Виртуальная я» была создана композитором в тактике пошагового итерационного творчества совместно с нейросетями Melobytes ai, Voicemod ai, generatom ai и Landr ai и включала в себя доработку/корректуру музыкального материала после каждого шага алгоритмической генерации.

Визуальное оформление медиапродукта

При создании визуального ряда в видео использовалась нейросеть Kandinsky. Нейросеть генериро-

вала динамическую визуализацию сцен по промптам, затем сгенерированные сцены собирались в монтажный материал / «сшивались» в видеоредакторах Icescream 3.0 и PhotoShow Pro. Финальная версия визуального ряда была доработана автором визуализации при помощи добавления встроенных эффектов на отдельные фрагменты динамического визуала припевов по собственному художественному усмотрению.

Итоговые медиапродукты — сингл «Виртуальная я» (<https://bfan.link/virtualnaya-ya>) и нейросетевой мультипликационный клип [42] с аналогичным названием — были изданы на лейбле Media Sharks с параллельным распространением опроса [43] для фокус-группы целевых потребителей единицы медиаконтента.

Структура опросника включала в себя семь исследовательских блоков и блок информации о респондентах. Логика распределения вопросов внутри исследовательских блоков была организована в соответствии с принципом «от простого — к сложному». Целью опроса было выявление факторов, влияющих на оценочное восприятие нейросетевых продуктов музыкальных артистов потребителями стриминговой музыки, преимущественно имеющими непосредственное профессиональное отношение к производству аудиовизуального контента или увлекающимися музыкой и новыми медиатехнологиями.

Раздел 1 «Общее впечатление от клипа» содержал два вопроса: «Как вам в целом клип?» с вариантами ответов: «а) “Зашел” / б) Не вызвал эмоций / в) Не “зашел”»; «Сколько вам удалось посмотреть/послушать, не останавливаясь, или вы досмотрели клип до конца?» с вариантами ответов: «а) Прослушал до конца / б) Прослушал, проматывая / в) Не дослушал до конца / г) Бросил после первых нескольких секунд».

Раздел 2 «Впечатление от исполнительницы: вокал» содержал четыре вопроса, предлагающие респондентам сравнить тембр вокала артиста ЕШШКА с одним из перечисленных музыкальных исполнителей, включая таких артистов, как LADY GAGA, Jennie Moz-Art, других известных респондентам исполнителей, либо субъективно оценить уникальность вокального исполнения ЕШШКИ путем количественного оценивания степени схожести/уникальности вокала ЕШШКИ от 1 до 5 баллов, где 1 — совсем не похожа на другого исполнителя, 5 — очень похожа на выбранного исполнителя. Финальный вопрос раздела об оценке оригинальности вокального исполнения ЕШШКИ предполагал другую трактовку шкалы: здесь оценка 1 балл означала: ordinaria, ничем не примечательная манера — сегодня все так поют, оценка 5 баллов означала: очень оригинальная, необычная подача вокала.

Раздел 3 «Впечатление от исполнительницы: образ» содержал семь вопросов, предлагающих респон-

дентам оценить внешнее сходство визуального образа артиста ЕШШКА с одним из перечисленных артистов, включая Юлию Савичеву, Jennie Moz-Art, Милу Йовович, Тину Тернер, чьи образы были отобраны для сравнения по принципу внешнего субъективного сходства с портретами ЕШШКИ в кадрах нейросетевого клипа «Виртуальная я». Кроме того, предлагалось выбрать из перечня представленных на слайде нейросетевых изображений ЕШШКИ одно, наиболее хорошо визуально отражающее сущность артистки, считываемую зрителем/слушателем из сложного художественного текста песни-клипа при просмотре и прослушивании. Также респондентам предлагалось определить степень сходства портретного образа артиста ЕШШКИ с роботом или голограммой / живым человеком.

Раздел 4 «Впечатление от исполнительницы: легенда и нарратив песни» был представлен одним лаконичным вопросом: респондентам предлагалось выбрать из перечня настроений то, в котором они эмоционально восприняли клип. Вариантами ответа здесь были такие, как «Веселье», «Грусть», «Ярость», «Досада», «Страх», «Безразличие» и «Другое» — вариант, предлагающий респонденту вписать свою эмоцию, не указанную в перечне.

Раздел 5 «Нарративы и трансмедийный потенциал музыкально-нейросетевого продукта» относился к более сложному по степени аналитической включенности респондентов контексту, поэтому выступал в роли факультативного, как и последующие два раздела. В этом разделе содержалось пять заданий, в части которых предлагалось сравнить нарративы песни артиста ЕШШКА «Виртуальная я» со списком музыкальных композиций известных артистов, таких как Линда (песня «Ворона»), Земфира (песня «Знак бесконечность»), LADY GAGA (песня “Poker Face”), Jennie Moz-Art (песня “Empty Ken”), Sia (песня “Chandelier”), Алла Пугачева (песня «Сильная женщина»).

Все артисты и песни в предлагаемом перечне выбирались для сравнения по принципу присутствия в нарративах сравниваемых композиций темы «инаковости», одиночества и вынужденной самостоятельности лирической героини музыкального повествования. Задачей последующих вопросов раздела было определить, насколько респондент в качестве целевого слушателя / зрителя медиапродукта способен воссоздать в своем воображении характер, темперамент, образ жизни, вкусы и предпочтения артиста ЕШШКА, исходя из смыслов, заложенных в тексте песни «Виртуальная я». Еще три вопроса раздела уточняли у респондентов характер целевого действия, которое слушатель/зритель клипа может совершить после просмотра/прослушивания единицы контента, и уточняли прогноз респондента относительно сце-

нариев продолжения истории ЕШШКИ, описанной в песне «Виртуальная я», за пределами сюжета песни в других возможных композициях и форматах.

Раздел 6 «Прогноз креативных коллабораций» для артиста ЕШШКИ — второй опциональный раздел опроса — предлагал респондентам из перечня артистов выбрать тех, с кем они в наибольшей степени вероятности представляли бы себе перспективы творческой коллаборации артиста ЕШШКА в части создания новых аудиовизуальных продуктов и возможных совместных концертов/шоу, а также уточнял, воспринимают ли респонденты ЕШШКУ как только стримингового виртуального артиста или представляют себе концерт ЕШШКИ подобно концерту знаменитой японской голограммы-вокалиста Hatsune Miku.

Раздел 7 «Жанровый потенциал нейросетевой музыки» — один из самых сложных в опросе — призвал респондентов после повторного прослушивания сингла «Виртуальная я» сфокусироваться именно на ощущениях от услышанной музыки и проанализировать ее в рамках определения жанра (варианты ответов: а) гиперпоп, б) электронная танцевальная музыка, в) инди-музыка, г) кроссовер, д) экспериментальная музыка, е) другое — опция ответа, предлагающая респонденту вписать собственный вариант жанра услышанной песни, если он не был перечислен среди описанных вариантов). Следующие два вопроса раздела уточняли, на какую известную композицию респондентам показалась похожа песня «Виртуальная я», и далее было необходимо количественно оценить в баллах процент оригинальности музыкального материала от 1 балла («Полный плагиат») до 5 баллов («Совершенно оригинальный и аутентичный музыкальный материал»). Финальный вопрос раздела предлагал респондентам выбрать целевое действие, которое слушатель мог бы совершить с музыкальной композицией «Виртуальная я» в разных обстоятельствах повседневной жизни в зависимости от ситуации прослушивания музыки. В качестве вариантов для ответа на финальный вопрос раздела предлагались следующие целевые действия: а) танцевать в клубе; б) поставить мелодию на будильник, чтобы вовремя просыпаться; в) поставить мелодию на звонок к номеру нежелательного контакта; г) уснуть под трек, словно это колыбельная; д) отправить ссылку на клип недругу / неприятному навязчивому человеку; е) отправить ссылку на клип другу / близкому человеку с сообщением: «Обязательно посмотри и послушай»; ж) приступить к отложенным делам, дослушав композицию; з) вариант «Другое», предлагающий респонденту самостоятельно сформулировать предполагаемое им целевое действие после прослушивания музыкальной композиции, не отраженное в списке.

Восьмой раздел опроса содержал вопросы о персональных данных респондентов, включая возраст, пол, род профессиональной деятельности, частоту слушания музыки, выбор предпочитаемого респондентом музыкального стриминг-сервиса, информацию о предпочитаемом жанре музыки, любимых артистах и предложение участвовать в похожих экспериментах. В случае утвердительного ответа респондента на финальный вопрос раздела о желании участвовать в экспериментах респонденту предлагалось оставить контактные данные для обратной связи.

В пилотном опросе об оценке свойств нейросетевого клипа «Виртуальная я», структура которого описана выше, приняли участие 42 человека (мужчины и женщины) в возрасте от 18 до 65 лет, преимущественно творческих профессий (рис. 7, 8).

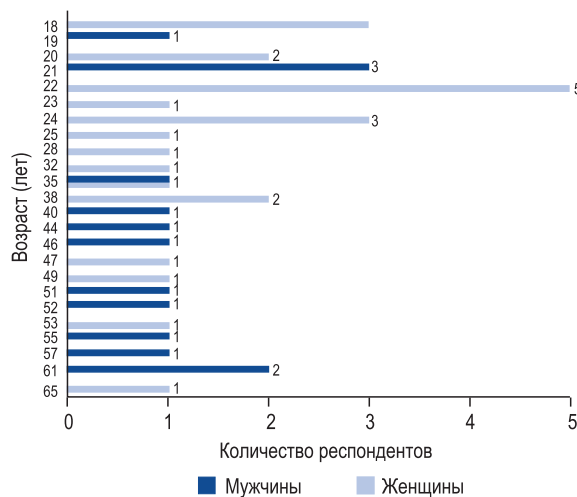

Рис. 7. Пол и возраст респондентов опроса об оценке свойств нейросетевого клипа «Виртуальная я»

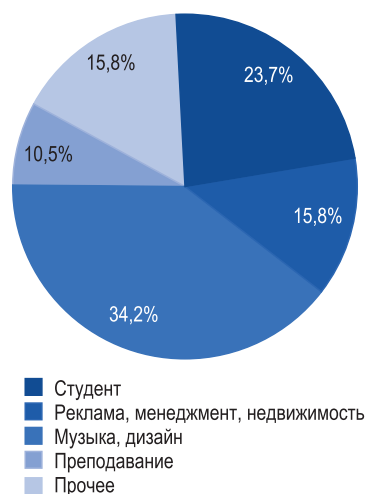

Рис. 8. Род занятий респондентов опроса об оценке свойств нейросетевого клипа «Виртуальная я»

Результаты пилотного опроса о восприятии респондентами песни артиста ЕШШКА «Виртуальная я» показали, что до конца нейросетевой клип полувиртуальной артистки ЕШШКА досмотрели около половины участников опроса, бросили смотреть после первых секунд около 10% (рис. 9).

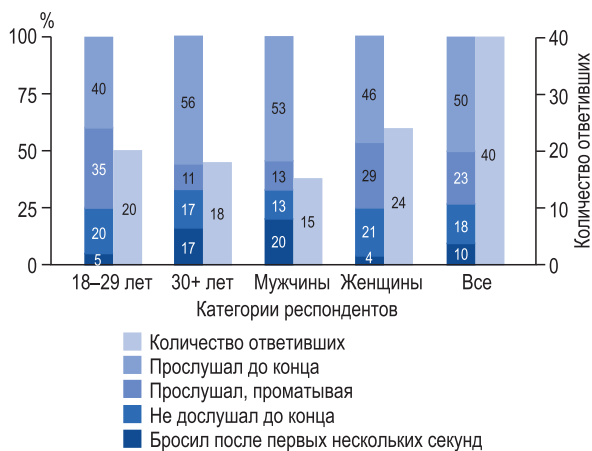

Рис. 9. Ответы респондентов на вопрос: «Сколько вам удалось посмотреть/послушать, не останавливаясь, или вы досмотрели клип до конца?»

Интересно, что мужчин оказалось существенно больше, чем женщин, как среди досмотревших до конца (53% против 45%), так и среди бросивших после первых секунд (20% против 4%). То есть мужская аудитория быстрее и более однозначно определилась с мнением, а в женской значительно больше оказалось колеблющихся — тех, кто не дослушал до конца или прослушал, проматывая (50% против 26% у мужчин). Также существенно разделились ответы по возрасту респондентов: более возрастная аудитория оказалась категоричнее, чем молодая, как в положительной оценке (дослушали до конца 56% против 40%), так и в отрицательной (бросили после первых секунд 17% против 5%). Это согласуется с представлениями о том, что мужчины и люди более зрелого возраста в меньшей степени подвержены эмоциональным колебаниям при принятии решений.

Оценочное восприятие респондентами клипа с первого взгляда представлено на рис. 10.

Положительную оценку «Зашел» дали 53% участников опроса, 28% ответили «Не зашел», 20% не испытали эмоций при прослушивании. В женской аудитории оказалось 54% положительных оценок против 47% в мужской, но также больше в ней и отрицательных оценок — 33% против 20%. Сопоставляя данные с предыдущим вопросом, можно предположить, что около половины женщин, которые стали проматывать трек и не дослушали его до конца, в итоге ответили

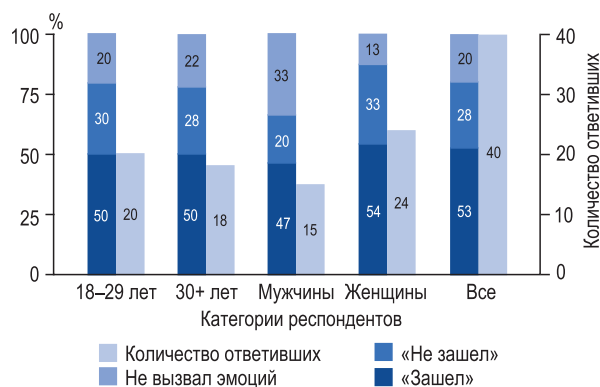

Рис. 10. Ответы респондентов на вопрос: «Как вам в целом клип?»

«Не зашел». Интересно, что среди мужчин количество тех, кто отрицательно оценил трек, и тех, кто бросил его слушать через несколько секунд, строго совпало, что подтверждает тезис о том, что мужская негативная реакция проявляется сразу, а женщины дольше проверяют свои ощущения. Что касается разницы между оценками в двух возрастных категориях, она оказалась практически неощутима.

Интерес для настоящего исследования представляли ответы респондентов об оригинальности музыкальной составляющей клипа, визуальной и аудиальной оценке портретного сходства ЕШШКИ с предложенными к сравнению артистами и в целом с человеком либо с роботом (рис. 11, 12) в части изображения и вокала (рис. 13), а также субъективная оценка респондентами степени оригинальности музыкальной композиции (рис. 14), наполовину созданной с применением генеративных нейронных сетей.

Визуальное впечатление респондентов от образа ЕШШКИ

Рис. 11. Нейросетевой портрет артиста ЕШШКА. Источник: нейросеть Kandinsky

Данная картинка была отобрана из нескольких вариантов, сгенерированных нейросетью Kandinsky по промпту «Рыжеволосая женщина со строгим лицом,

стиль киберпанк» с негативным промптом «Яркая помада». Хотя алгоритм создания изображений этой сетью до конца не ясен, результаты экспериментов позволяют предположить, что программа берет за основу портреты реальных моделей, а не синтезирует их с нуля по частям. При многократном повторении одного и того же запроса сеть выдает образы с явно выраженными характерными чертами трех-четырех моделей, никак не смешивая их. При уточнении запроса можно внести коррективы: например, убрать яркие губы, изменить выражение лица или цвет волос, но сходство с конкретной моделью остается. То есть ИИ в данном случае, скорее, не «очеловечивает» синтетические персонажи, а наоборот, «роботизирует» реальные портреты, придавая им атрибутику и черты стиля киберпанк.

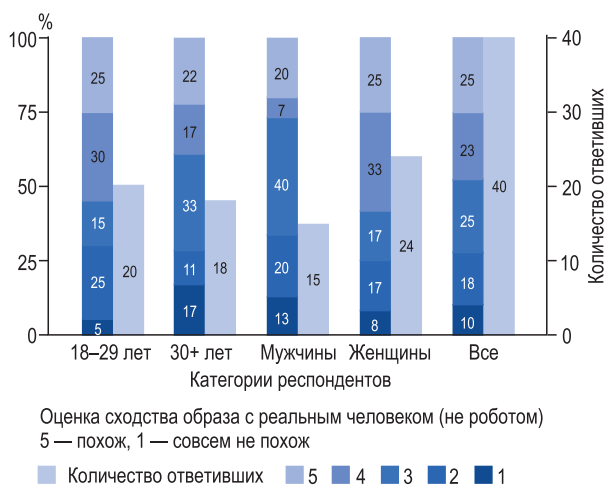

Рис. 12. Ответы респондентов на вопрос: «Насколько, по-вашему, предлагаемый на этом кадре образ ЕШШКИ похож на реального человека, а не на робота (голограмму)?»

Ответы по поводу сходства предложенного образа с человеком распределились довольно равномерно по шкале оценок. Положительные оценки от 5 до 3 набрали примерно по 25% ответов (всего 73%), отрицательные (2 и 1) — соответственно 18 и 10%. То есть образ ожидаемо оказался ближе к реальному человеку, чем к роботу. В то же время среди мужской части респондентов и в более возрастной категории оказалось больше тех, кто высказался за сходство с роботом. Возможно, мужчины больше обращают внимание на «роботизирующую» атрибутику, а для людей старше 30 лет стиль киберпанк менее привычен и менее естествен, чем для более молодых.

Забавное наблюдение состоит также в том, что 45% молодежи в возрасте от 18 до 29 лет видят портретное сходство ЕШШКИ с Юлией Савичевой, 30%

молодежи и 17% респондентов в возрасте 30+ отметили портретное сходство ЕШШКИ с Jennie MozArt, 33% опрошенных видят не прямое метафорическое частичное сходство ЕШШКИ с Милой Йовович, и около 30% респондентов посчитали один из образов ЕШШКИ в клипе не похожим на образ Тины Тернер, но близким к нему по эстетике.

NB! Охраноспособность изображения человека закреплена в ст. 152.1 ГК РФ «Охрана изображения гражданина», в п. 1 которой об «обнародовании» говорится, что «использование изображения гражданина [...] допускается только с согласия этого гражданина». Данная законодательная норма ограничивает потенциал деятельности визуальных промпт-инженеров, использующих изображения ныне живущих артистов в продуктах нейросетевой визуальной генерации. При этом в нейросетях Kandinsky и Genmo предусмотрена опция генерации визуального образа по фотографии или промпту, описывающему сходство с известным человеком, что вызывает правовую коллизию.

Оценка оригинальности вокального исполнения и музыкального материала песни «Виртуальная я»

В описании музыкальной части эксперимента уже упоминалось, что творческий метод композитора при создании интонационно-ритмического ряда фонограммы на 50% состоял из итерационного взаимодействия композитора с нейросетями, но композиционная структура плейбэка и интонирование вокальной строки корректировались композитором в соответствии с традиционными законами гармонии и общепринятыми правилами аранжировки массового популярного музыкального продукта в стиле инди. Отсюда в композиции — оригинальная, прописанная композитором линия баса и очеловеченное эмоциональное интонирование текста вокальной строки, которое музыкальные генеративные нейронные сети, за исключением Suno, пока не в состоянии воссоздать/сгенерировать, тем более в привязке к экспрессивным паттернам в музыкальной форме плейбэка. Так возник исследовательский интерес узнать мнения респондентов относительно 1) восприятия оригинальности вокально-певческой подачи музыкального материала (рис. 13) и относительно 2) субъективной оценки респондентами оригинальности музыкального материала композиции «Виртуальная я» (рис. 14).

Как видно из распределения ответов на рис. 13, низкую степень оригинальности вокального исполнения ЕШШКИ оценочно определяют мужчины (36% оценили степень схожести вокального исполнения ЕШШКИ с другими артистами на 5 баллов, и еще

Рис. 13. Ответы респондентов на вопрос: «Оцените степень оригинальности вокального исполнения ЕШШКИ, ее индивидуальность и непохожесть на других известных вам исполнителей (от 1 до 5)»

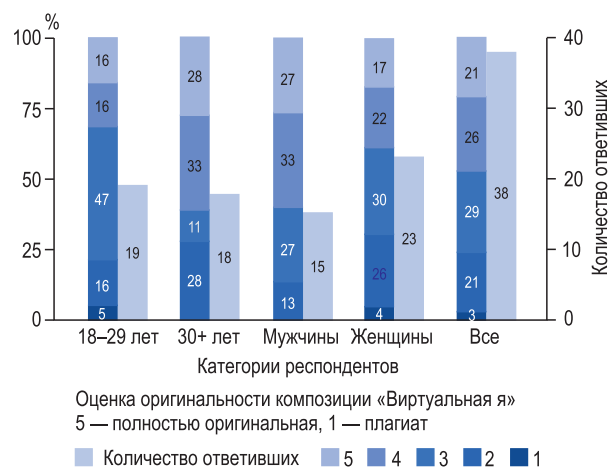

Рис. 14. Ответы респондентов на вопрос: «Отметьте на 5-балльной шкале, каков, по-вашему, процент оригинальности композиции «Виртуальная я» (где 1 — полный плагиат; 5 — совершенно оригинальный и аутентичный музыкальный материал)»

36% оценивают схожесть вокального исполнения ЕШШКИ на 4 балла). Выше всего оригинальность исполнения оценивают респонденты в возрасте 30+ (35% опрошенных поставили оценку 1 балл ЕШШКЕ) и женщины (всего 8% опрошенных женщин ставят 5 баллов за схожесть вокального исполнения с другими артистами).

Полученный результат, во-первых, свидетельствует о более высоком уровне развития тембрового слуха мужчин при оценочном прослушивании музыки, во-вторых, служит индикатором того, что музыкальному продюсеру, использующему нейросетевые ин-

струменты обработки вокала, проще удовлетворить эстетические требования женщин по критерию оригинальности вокального исполнения артиста. Выявленная гендерная и возрастная специфика развития тембрового слуха, разумеется, подлежит дополнительному изучению в рамках отдельных нейрокогнитивных исследований психофизиологии слуха.

Предваряя широкую дискуссию об охраноспособности голоса гражданина, в рамках настоящего исследования уместно в контексте упоминания категорий оригинальности вокально-певческого исполнения музыкального артиста обратиться к правовым нормам ст. 1313 ГК РФ «Исполнитель», где в качестве исполнителя в числе прочих профессий граждан указаны «актер, певец, музыкант [...] или иное лицо, которое [...] поет или иным образом участвует в исполнении произведения...». Статья 1315 ГК РФ регламентирует в п. 2 части первой «право авторства (исполнителя) на исполнение», в п. 3 части первой — устанавливает право на имя исполнителя / наименование творческого коллектива, в п. 4 части первой — «право на неприкосновенность исполнения, т.е. на защиту исполнения от всякого искажения / внесения изменений, приводящих к извращению смысла и нарушению целостности восприятия исполнения». В контексте работы музыкального промпт-инженера или музыкального продюсера с генеративными нейронными сетями соблюдение законодательства об авторском праве может ограничивать использование инструментов с применением технологии вокалоид, а также исключать использование генеративных моделей, обученных на голосах знаменитостей в соностройке вокально-певческого профиля исполнителя под вокально-певческий профиль известного артиста. Поскольку в ч. 3 ст. 1315 ГК РФ сказано, что «права исполнителя признаются и действуют независимо от наличия и действия авторских прав на исполняемое произведение», можно заключить, что технологические решения нейросетевой соностройки вокала произвольно выбранного исполнителя с вокально-певческим профилем известного артиста подпадают под правовую коллизию.

На рис. 14 представлено распределение ответов респондентов об оригинальности музыкальной ткани композиции «Виртуальная я».

Более оригинальной в части восприятия музыкальной ткани посчитали композицию представители старшей возрастной категории и мужчины (28% и 27% отличных оценок соответственно). Молодые слушатели и женщины оценили оригинальность скромнее (16% и 17% отличных баллов), при этом 5% и 4% этих категорий сочли композицию плагиатом. В целом же, на отлично и хорошо оригинальность

оценили 47% респондентов, на удовлетворительно — 29%, неудовлетворительную оценку поставили 24%. Комментарий к полученным результатам в части определения оригинальности музыкальной ткани может быть обращен лишь к поискам причинно-следственных связей в индивидуальном социокультурном опыте респондентов, обусловившем развитие музыкальной памяти на образцы потребляемой цифровой музыки заданного жанра.

Таким образом, эксперимент с внедрением полунейросетевого-полуантропоморфного артиста ЕШШКА в roster артистов лейбла Media Sharks выявил ряд особенностей пользовательского восприятия нейросетевого аудиовизуального контента, в том числе задав оценочные шкалы для выявления оригинальности контента по параметрам: 1) портретного сходства с артистами, 2) антропоморфности визуального изображения артиста, 3) аутентичности/антропоморфности вокально-певческой манеры исполнения, 4) аутентичности/оригинальности музыкального материала генеративного музыкального продукта. Выявленные параметры могут применяться в оценке восприятия генеративных аудиовизуальных продуктов методом статистических исследований реакций рядового слушателя/зрителя, что, в свою очередь, имеет потенциал к расширению методов судебной экспертизы в сфере авторского права.

2.1.3. Генеративные ведьмы и вампирская сага в творчестве W&V и Jennie Moz-Art

В феврале 2024 г. на отечественных киноэкранах появилась новая экранизация романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». За первый месяц кинопроката картина собрала максимально противоречивые критические отзывы и показала устойчиво высокие кассовые сборы. Интерес массового зрителя к новой кинокартине, снятой по мотивам классического сюжета булгаковской вампирской саги, вызвал цепной интерес к нарративам о ведьмах и вампирах в кино и музыкальном искусстве. Параллельно с событиями массового отечественного кинорынка 14 февраля 2024 г. музыкальный инди-рок-дуэт W&V выпустил дебютный мини-альбом «Отражения», визуально сопровождаемый генеративными нейросетевыми мультфильмами, автором которых также выступил Виктор Смурт.

Четыре композиции мини-альбома «Ведьма и вампиры», «Свитер оверсайз», «Танго inferno» и «Ветра», представленные оригинальным авторским материалом солистов инди-рок-группы W&V, стилизованным в эстетике инди-рок, требовали концептуальной визуализации. Так родилась идея сквозных персонажей, в число которых вошел образ рыжей кудрявой ведьмы — визуального архетипа артистов

Jennie Moz-Art и ЕШШКА, и образ странствующего гитариста. Они возникали во всех четырех нейросетевых мультипликациях к одноименным песням.

Визуальные образы ведьмы из клипов W&V «Ведьма и вампиры» и «Свитер оверсайз», представленные на рис. 15, демонстрируют портретное сходство со сценическим образом артиста Jennie Moz-Art. Такова была художественная задача для нейросети Kandinsky, и побочным эффектом реализации поставленной задачи можно считать то, что нейросеть обучилась генерировать портрет артистки, ставший сквозным персонажем для трех музыкальных проектов, включая клипы на песни Jennie Moz-Art, полувиртуального артиста ЕШШКА и вокалистки инди-рок-группы W&V.

С персонажем странствующего гитариста получилось иначе: в разных клипах и даже внутри одного клипа образ гитариста генерировался ситуативно под задачу изображения известного литературного персонажа (граф Дракула, Уильям Шекспир, Казанова) или музыкального артиста (Эд Ширан) с гитарой, и лишь последние два стоп-кадра в нижнем ряду справа на рис. 16 представляют собой абстрактное изображение гитариста в студии.

Выявленный коммуникационный потенциал опроса фокус-группы целевых зрителей/слушателей композиции «Виртуальная я» переосмыслился авторами настоящего исследования в ключе упрощения структуры опроса. Задачей нового этапа исследования в случае с оценкой нейросетевых клипов было определение идеального формата генеративного мультипликационного клипа. В качестве эмпирического материала выступили два клипа к песням из альбома «Отражения»: 1) клип из компиляции статичных картинок на песню «Ведьма и вампиры» [44] с динамичными абстрактными визуализациями массовых макабрических сцен и 2) анимированный клип на песню «Свитер оверсайз» [45].

Два новых опроса о свойствах пользовательского восприятия нейросетевых клипов имели примерно одинаковую структуру. Первый вопрос: «Досмотрели ли вы клип до конца?», как и в случае с толерантностью зрителя/слушателя нейросетевого клипа на песню ЕШШКИ, уточнял у респондентов, на каком тайм-коде аудиовизуальный продукт, созданный нейросетью, утомлял зрителя и становился ему неинтересным. Последующие два вопроса имели целью выяснить субъективную оценку клипа и видеоряда клипа по пятибалльной шкале, где 1 — «Очень слабо», 5 — «Блестяще». Четвертый вопрос уточнял мнение респондентов о том, как видеоряд клипа влияет на восприятие песни («Улучшает восприятие», «Не влияет на восприятие», «Ухудшает восприятие» или «Другое» — собственный вариант ответа

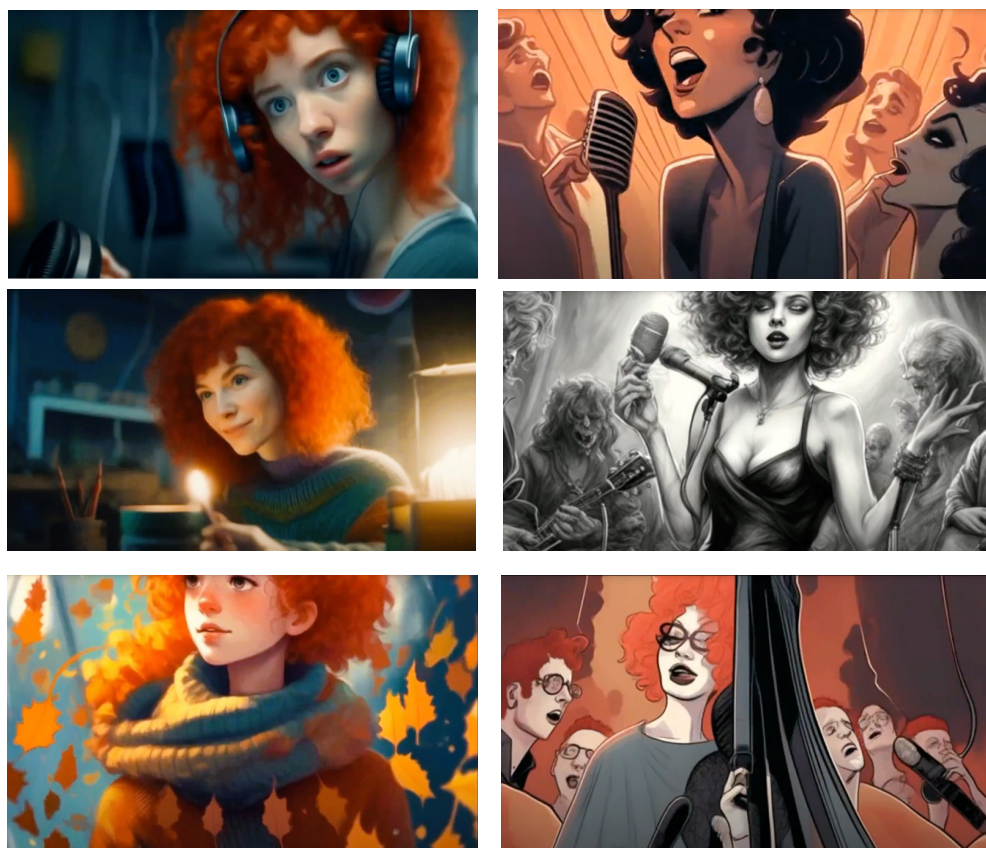

Рис. 15. Портреты рыжей кудрявой ведьмы (сквозной персонаж клипов «Ведьма и вампиры», «Свитер оверсайз»). Источник: нейросеть Kandinsky

Рис. 16. Портрет странствующего гитариста (сквозной персонаж клипов «Ведьма и вампиры», «Свитер оверсайз»). Источник: нейросеть Kandinsky

от респондента). Следующие два вопроса выявляли реакцию респондентов на присутствующие в клипах специфические нейросетевые особенности визуализации: насколько они заметны на фоне стилистического решения видеоряда (варианты ответов: «Очень сильно заметны», «Не сильно заметны») и насколько субъективно понравились зрителям присутствующие специфические нейросетевые особенности визуализации в клипе (варианты ответов: «Абсолютно понравились», «Скорее, понравились, чем нет», «Скорее, не понравились», «Совсем не понравились»).

Седьмой вопрос предлагал респондентам сравнить реакции на заданный клип по отношению к уже известному экспериментальному примеру нейросетевой визуализации песен артиста (в случае нейросетевых клипов к песне W&V «Ведьма и вампиры» референсом выступал клип «Свитер оверсайз», в случае клипа к песне W&V «Свитер оверсайз» референсом выступал клип артиста ЕШШКА «Виртуальная я»). На основании сравнительного анализа участникам опроса предлагалось сопоставить качество двух клипов: «Оцените данный клип в сравнении с экспериментальным клипом...» (варианты ответов: «Этот существенно лучше», «Не вижу особой разницы», «Этот хуже»). В случае экспериментального клипа W&V «Ведьма и вампиры» необходимо было также получить от респондентов обратную связь на предмет более эффективной для восприятия зрителем технологии производства клипа, для этого был задан вопрос: «Какая технология (с использованием статических изображений или с использованием анимированных сцен) интереснее и выразительнее?» (варианты ответа: «Выразительнее анимационная технология», «Выразительнее технология из статических изображений», «Обе интересные и выразительные», «Обе неинтересные», «Другое» — собственный вариант ответа от респондента).

В следующем задании респондентам предлагалось сравнить субъективное восприятие анализируемого клипа по отношению к восприятию нейросетевого клипа на песню известного артиста (предлагалось сравнить клип W&V «Ведьма и вампиры» с нейросетевым клипом на песню группы «Король и Шут» «Кукла колдуна»; для клипа W&V «Свитер оверсайз» в качестве референса для сравнения предлагался нейросетевый клип на песню группы «Сектор Газа» «Святая война»), варианты ответов демонстрировали наиболее вероятные ответы респондентов, по мнению авторов опроса (выбор предлагался из опций: «Не вижу особой разницы», «Этот (экспериментальный) клип явно хуже»).

Завершал исследовательскую часть опроса вопрос об отношении респондентов к потоку публикаций

в СМИ об искусственном интеллекте (варианты ответов: «С интересом», «Нейтрально», «Игнорирую», «С раздражением», «Другое» — собственный вариант ответа от респондента). Этот вопрос имел целью выявить изменения общественного мнения относительно массированного освещения в открытых источниках трендов развития генеративного медиаискусства и искусственного интеллекта, гипотетически снижающих интерес массового зрителя к продуктам нейросетевой мультипликации в массовой популярной потоковой музыке. В финальном разделе опроса были вопросы о персональных данных респондентов и их музыкально-стилевых предпочтениях.

В рамках настоящего исследования наиболее значимым представляется выборочный сравнительный анализ ответов респондентов на вопросы: «Оцените экспериментальный клип в целом по пятибалльной системе» (рис. 17), «Как видеоряд в экспериментальном клипе влияет на восприятие песни?» (рис. 18), «Оцените экспериментальный нейросетевой клип в сравнении с нейросетевым клипом на песню известного артиста» (рис. 19), «Какую реакцию у вас вызвали специфические нейросетевые особенности визуала в клипах?» (рис. 20) и «Какая технология производства визуала, на ваш взгляд, выразительнее?» (рис. 21).

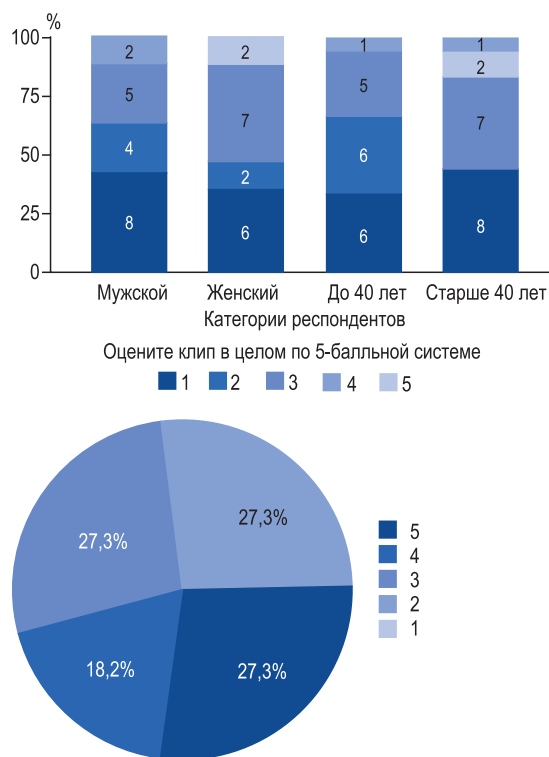

Рис. 17. Ответы респондентов на вопрос: «Оцените экспериментальный клип в целом по пятибалльной системе». Вверху — ответы о клипе W&V «Свитер оверсайз», внизу — ответы о клипе W&V «Ведьма и вампиры»

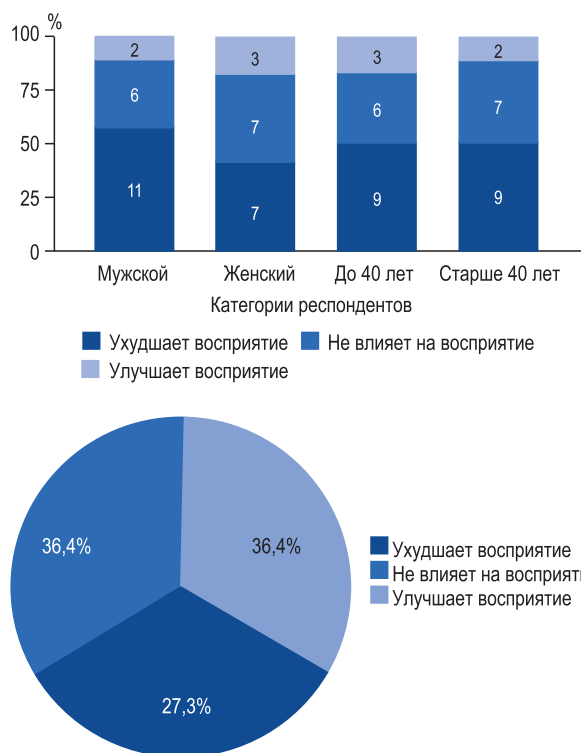

Рис. 18. Ответы респондентов на вопрос: «Как видеоряд в экспериментальном клипе влияет на восприятие песни?» Вверху — ответы о клипе W&V «Свитер оверсайз», внизу — ответы о клипе W&V «Ведьма и вампиры»

Оценки клипа «Ведьма и вампиры» распределились довольно равномерно. Интересно, что доли отличных, посредственных и плохих оценок практически совпали, их оказалось примерно по 27%.

Респондентов опроса по клипу «Свитер оверсайз» было больше, что дало возможность ранжировать ответы по полу и возрасту. Среди мужчин и более возрастной аудитории отличные оценки клипа были более многочисленны, чем среди молодежи и женщин. Но если считать положительными оценки 5 и 4, то в сумме их оказалось больше именно от аудитории в возрасте до 40 лет.

По влиянию сгенерированного нейросетью видеоряда на восприятие песни клип «Ведьма и вампиры» был оценен абсолютно нейтрально. У клипа «Свитер оверсайз» практически совпали оценки от респондентов разного возраста, но разделились среди мужской и женской аудитории: среди тех, кто счел видеоряд улучшающим восприятие, мужчин оказалось на 50% больше, чем женщин. Соответственно негативно оценили это влияние больше женщины, чем мужчины.

Вопрос о сравнении экспериментальных клипов с индустриальным аналогом имел целью получить представление, насколько в генеративном видеоконтенте заметна разница между профессиональным

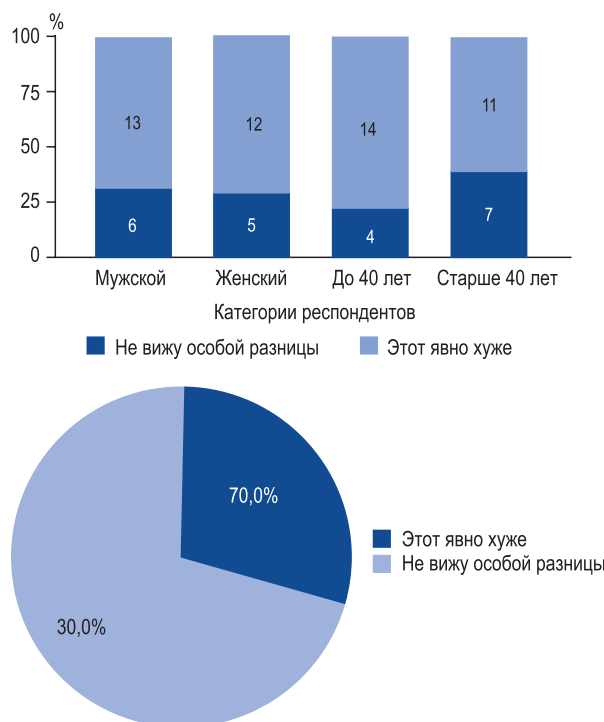

Рис. 19. Ответы респондентов на вопрос: «Оцените экспериментальный нейросетевой клип в сравнении с нейросетевым клипом на песню известного артиста». Вверху — ответы о клипе W&V «Свитер оверсайз», внизу — ответы о клипе W&V «Ведьма и вампиры»

и любительским уровнями его разработки. В среднем около 70% респондентов не увидели особой разницы, но возрастная аудитория оказалась более критичной — ответов, что экспериментальный клип намного хуже, от старшей группы было почти вдвое больше, чем от молодой.

Существенно более положительно аудитория отреагировала на специфические нейросетевые особенности клипа «Свитер оверсайз», манера визуализации в котором мягче и лиричнее, чем в «Ведьме и вампирах». Отрицательных оценок по первому клипу было менее 15%, по второму — около 45%. Более критичной оказалась группа респондентов в возрасте до 40 лет, а среди мужчин и женщин доля недовольных оказалась примерно одинаковой. Интересно, что доля мужчин, которым абсолютно понравились нейросетевые особенности «Свитера оверсайз», оказалась в 3 раза выше, чем доля женщин, давших такой ответ.

Как показывает распределение ответов на рис. 21, наиболее привлекательной для 36,4% опрошенных оказалась анимационная технология производства нейросетевой визуализации к клипам. Это доказывает справедливость выдвинутой нами гипотезы о том, что технологический скачок в развитии визуализационных нейросетей постепенно вытеснит из оборота бо-

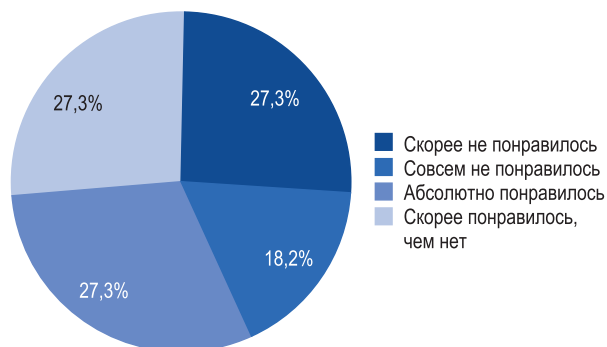

Рис. 20. Ответы респондентов на вопрос: «Какую реакцию у вас вызвали специфические нейросетевые особенности визуала в клипах?»
 Вверху — ответы о клипе W&V «Свитер оверсайз»,
 внизу — ответы о клипе W&V «Ведьма и вампиры»

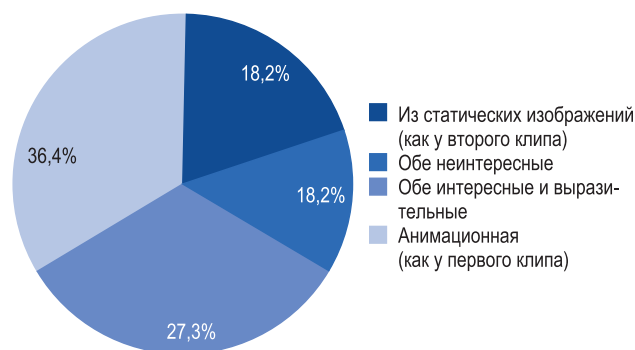

Рис. 21. Ответы респондентов на вопрос: «Какая технология производства визуала, на ваш взгляд, выразительнее?»

лее ранние версии со статической визуализацией. На втором месте по популярности у респондентов был вариант ответа: «Обе технологии визуализации интересные и выразительные» — такой ответ выбрали 27,3% опрошенных. Оставшиеся респонденты в равном распределении по 18,2% проголосовали за варианты «Выразительнее технология генерации визуала из статических изображений» и «Обе технологии одинаково неинтересны». В пользу довода о привле-

кательности генерации визуала из статических изображений может служить достаточно разнообразная библиотека макабрических образов клипа «Ведьма и вампиры», особенно это относится к портретам барбанчиков, персонажей для построчной иллюстрации стихотворного повествования о графе Дракуле и мифологических героях, а также к портретам миньонов. Выбор респондентами варианта об одинаково спорной эффективности и привлекательности обеих технологий нейросетевой визуализации свидетельствует о том, что эти технологии необходимо продолжать совершенствовать, для того чтобы быть конкурентоспособными и добиться внимания разборчивых и «насмотренных» зрителей.

Ожидалось, что проведение опросов фокус-групп после релиза нейросетевых клипов к альбому W&V «Отражения» должно было привести к увеличению количества просмотров анализируемых клипов в опросный и постопросный период. По данным табл. 2, дата последнего заполнения опроса респондентами фокус-группы к клипу W&V «Свитер оверсайз» — 02.03.2024; дата последнего заполнения респондентами опроса по клипу W&V «Ведьма и вампиры» — 24.03.2024. Если сопоставлять даты начала опросов — 14.02.2024 для клипа W&V «Свитер оверсайз» и 19.03.2024 для клипа W&V «Ведьма и вампиры», на графиках пользовательской активности в «Творческой студии» YouTube (рис. 22) можно визуально отследить эффект от проведения опросов, который будет наблюдаться в виде добавления просмотров контента.

Как видно из общих графиков в нижней части рисунка, в период опросов фокус-групп пользовательская активность увеличивалась, что влияло на увеличение количества просмотров единиц контента на канале артиста.

Для определения количественных показателей эффективности опросов фокус-групп в приросте пользовательской активности достаточно рассчитать среднее количество просмотров в месяц для общего периода с момента публикации единиц контента (12 февраля 2024 г.) до даты формирования отчета (10 мая 2024 г.) и сопоставить полученные среднемесячные количества просмотров за весь период со среднемесячными количествами просмотров в период проведения опроса (табл. 4).

При расчете среднемесячного количества просмотров клипов количество дней в месяце принималось равным 30, и использовалась формула:

$$Q = (N_{\text{wacth}} / N_{\text{days}}) \times 30,$$

где: N_{days} — количество дней в запрашиваемом периоде (рассчитывается по календарю); N_{wacth} — ко-

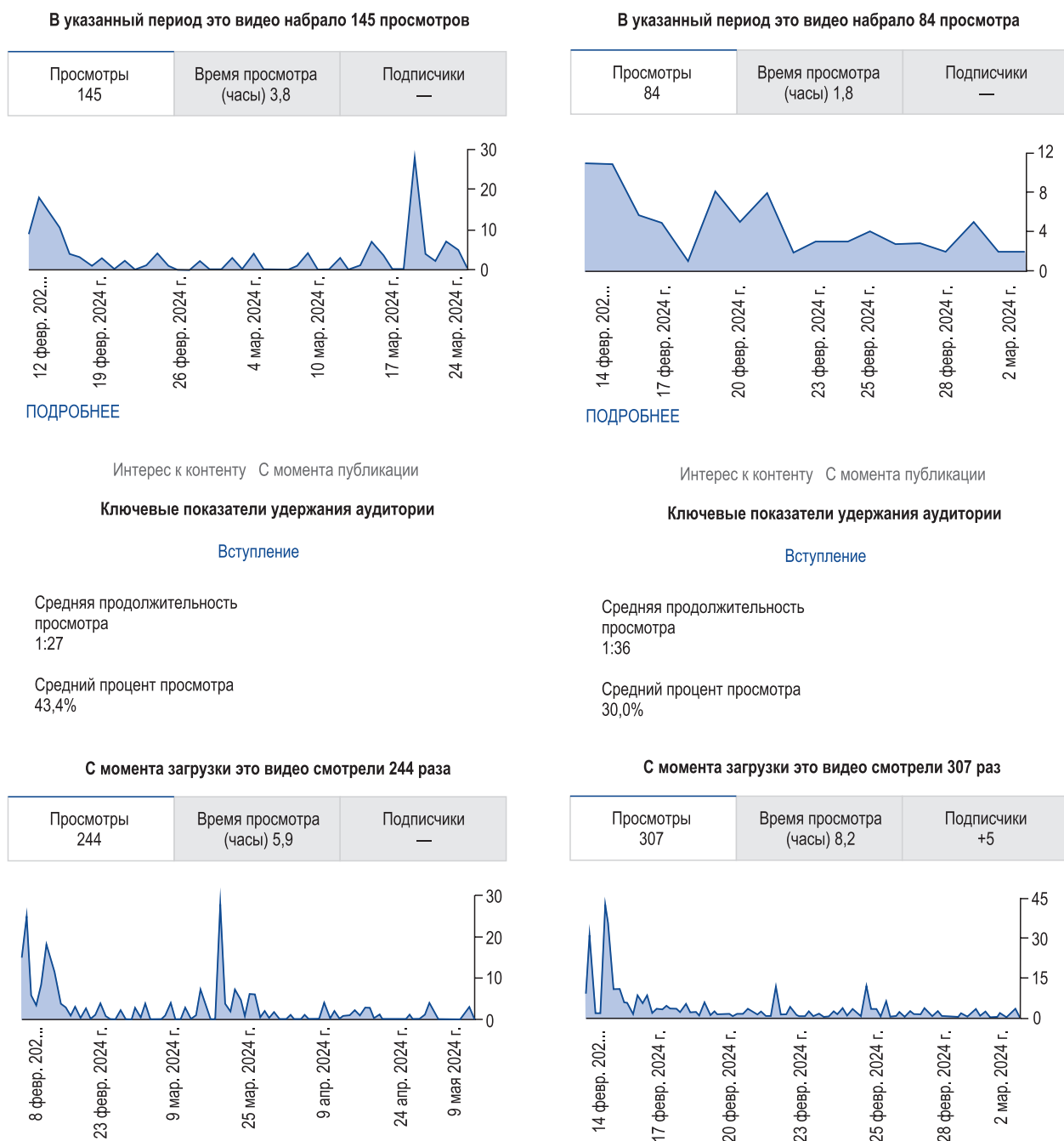

Рис. 22. Динамика просмотров нейросетевых клипов W&V «Ведьма и вампиры» (вверху) и «Свитер оверсайз» (внизу) в даты проведения опросов фокус-групп и за весь период с момента публикации. Источник: «Творческая студия» YouTube-канала Witch&Vamps

личество просмотров в запрашиваемом периоде, по данным статистики личного кабинета «Творческой студии» YouTube-канала артиста; Q — среднеемесячное количество просмотров единицы контента, расчетная величина, округляемая до целого значения.

Как видно из расчетных данных табл. 4, показатель Q_2 (расчетное значение среднеемесячного количества просмотров единицы контента в период опроса) ввиду ограниченного количества дней продолжительности опросов фокус-групп (шесть дней — в слу-

чае клипа «Ведьма и вампиры» и 18 дней — в случае клипа «Свитер оверсайз») отражает высокую эффективность опросов как инструмента привлечения дополнительного трафика на YouTube-канал. Об этом свидетельствует положительное сравнение показателей Q_1 и Q_2 , что особенно заметно для клипа «Ведьма и вампиры»: 82 просмотра в месяц в среднем за весь период с февраля по май 2024 г., или приблизительно 725 просмотров в месяц с привлечением трафика от фокус-группы при ежедневном средне-

Таблица 4. Расчет среднемесячного количества просмотров нейросетевых клипов «Ведьма и вампиры» и «Свитер оверсайз» в даты проведения опросов фокус-групп и за весь период с момента публикации

Клип	Количество просмотров за весь период N_{wacth1}	Количество дней в периоде N_{days1}	Среднемесячное количество просмотров Q_1	Количество просмотров за период опросов N_{wacth2}	Количество дней в периоде N_{days2}	Среднемесячное количество просмотров Q_2
«Ведьма и вампиры»	244	89	82	145	6	725
«Свитер оверсайз»	307	89	103	84	18	140

взвешенном количестве просмотров клипа, равном 24 в день. Поскольку в целях эксперимента контент каналов артистов не сопровождается таргетированной рекламой, данные расчеты являются релевантными и представляют ценность для дальнейшей интерпретации показателей Q в более широком сравнительном анализе количества среднемесячных просмотров контента нейросетевых клипов медийных артистов, который представлен в третьем разделе настоящего исследования.

Таким образом, результаты опросов фокус-групп о восприятии нейросетевых клипов на песни W&V «Ведьма и вампиры» и «Свитер оверсайз» можно интерпретировать в части перспективности формата нейросетевых видео в пользу продолжения экспериментов с анимированными мультфильмами и движущимися, динамичными изображениями, в части специфики визуальной репрезентации нейросетевых персонажей — в пользу акцента на интересы мужской аудитории в возрасте до 40 лет.

2.1.4. «Фильм о фильме» и виртуальный мерч как копродукты и новый жанр документирования нейросетевых экспериментов

Финальная итерационная часть творческого эксперимента с нейросетевыми визуализациями для артистов Jennie Moz-Art, ЕШШКА и W&V представляет собой выявление жизнеспособности копродуктов нейросетевых визуализаций клипов. В процессе работы медиахудожника Виктора Смурта с нейросетями Kandinsky и Genmo отдельные сцены, сгенерированные по промптам для экспериментальных клипов, не вошли в монтажную версию, при этом у авторов исследования возникла идея опытным путем выявить жизнеспособность единиц вторичного аудиовизуального контента, созданных из нейросетевых сцен, не вошедших в клипы. Так появились два типа копро-

дуктов: 1) виртуальный мерч к саге о ешшкином пантеоне и 2) динамично обновляемый плейлист «ИИ тупит» с видео «кастинга» нейросетевых актеров на роли персонажей в клипы артистов лейбла Media Sharks, созданный для подписчиков канала лейбла в жанре «Фильм о фильме» в развлекательных целях.

Данные о старте набора просмотров плейлиста «ИИ тупит» представлены в табл. 5.

Как показывает строка «ИТОГО» в табл. 5, добавление копродуктов нейросетевой генерации создало лейблу Media Sharks 149 дополнительных просмотров нового созданного развлекательно-документального плейлиста «ИИ тупит! Мучения виртуального режиссера с нейросетевыми актерами», а также косвенно повлияло на подогрев интереса пользователей YouTube к аудиовизуальным продуктам артистов лейбла Media Sharks, увеличив количество просмотров суммарно на 133. Наиболее ярко эффект от копродуктов заметен на нейросетевых клипах к песням Jennie Moz-Art «Муха по имени Катя» (85 просмотров с даты добавления видео «Кинопроба муха 00») и «Мелодия твоей души» (27 дополнительных просмотров нейросетевого клипа с даты добавления видео «Кинопроба ведьмы 4 2»). Более детальная оценка эффективности альтернативной монетизации творчества артистов лейбла Media Sharks с помощью копродуктов нейросетевой визуализации требует проществия более длительного времени с даты публикации плейлиста развлекательно-документального контента и может войти в объем продолжения исследования дополнительной монетизации стриминговой музыки с помощью нейросетевого контента. На данный момент факт роста числа просмотров оригинальных видео от создания плейлиста с копродуктами генеративных видео является достаточным основанием продолжать эксперименты с нейросетевыми видео для артистов лейбла Media Sharks.

Таблица 5. Количество просмотров копродуктов нейросетевых видео в сравнении с монтажными версиями нейросетевых клипов на песни артистов лейбла Media Sharks. Источник: «Творческая студия» YouTube, данные на 11.05.2024

Нейросетевое видео	Дата публикации	Количество просмотров с даты публикации по 11.05.2024	Оригинал единицы контента	Дата публикации оригинального видео	Количество просмотров оригинального видео с даты публикации нейросетевого видео по 11.05.2024
Кинопроба город [46]	21.04.2024	33	–	–	–
Кинопроба слоны 00 [47]	21.04.2024	18	Jennie Moz-Art «Слоны летят на север»	12.03.2024	16
Кинопроба Хлоя русалка [48]	21.04.2024	16	–	–	–
Кинопроба муха 00 [49]	21.04.2024	18	Jennie Moz-Art «Муха по имени Катя»	21.04.2024	85
Проба ведьмы 4 2 [50]	28.04.2024	20	Jennie Moz-Art «Мелодия твоей души»	23.02.2024	27
Кинопроба ежики 2 [51]	03.05.2024	23	Jennie Moz-Art «Песенка про ежиков»	13.03.2024	1
Синопсис триллера «Ешшкин кот» [52]	03.05.2024	19	W&V «Свитер оверсайз»	12.02.2023	3
Ешшкин мерч [53]	11.05.2024	2	Jennie Moz-Art «Ешшкин кот (новогодний)»	25.12.2023	1
ИТОГО		149			133

3. ПОДХОДЫ К КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ МЕТОДОВ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОНЕТИЗАЦИИ ТВОРЧЕСТВА ИНДИ-АРТИСТОВ С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ВИДЕО

Предлагаемая в настоящем исследовании модель количественного оценивания методов альтернативной монетизации творчества артистов с помощью нейросетевых видео базируется на эвристическом подходе сравнения четырех реляционных коэффициентов: средневзвешенного количества просмотров единицы аудиовизуального контента в месяц (Q), диапазона доходов артиста в месяц от размещения единицы контента на YouTube (R , рассчитывается по двум различным формулам для артистов с разной численностью фандома), расчетным среднемесячным вознаграждением за просмотр единицы контента (Y_{cp}) и ценностью одного активного подписчика для генерации дохода артисту от музыкальных видео на YouTube (V).

3.1. Сопоставление эффективности нейросетевых и оригинальных клипов по параметру средневзвешенного количества просмотров в месяц

В п. 2.1.3 и в табл. 4 исследования уже упоминалась роль коэффициента Q , означающего расчетное ко-

личество просмотров единицы контента в среднем за один месяц. Этот показатель выступает в качестве уравнивающего критерия для сравнения востребованности аудиовизуального контента артистов с большим (более 50 000 подписчиков) и с немногочисленным (менее 50 000 подписчиков) фандами. Проиллюстрируем эффект от количества подписной базы фандома визуализацией количества просмотров оригинальных и нейросетевых видео результатами кей-стади для артистов “Deep Purple”, “CREAM SODA”, «Король и шут», «Сектор Газа», Юлия Савичева и “Gorillaz”, представленными в табл. 6.

Как видно из количественных данных, представленных в табл. 6, минимальный размер фандома у проанализированных медийных артистов составляет 66 100 человек (количество подписчиков на официальном YouTube-канале у артиста “CREAM SODA”). Такое количество подписчиков позволило артисту получить с 23 апреля 2021 г. по 18 апреля 2024 г. 70 365 просмотров видео живого выступления артистов на радио ENERGY и 2 213 943 просмотра нейросетевого клипа к песне «Меланхолия», размещенного 23 апреля 2021 г. Очевидно, что коэффициент Q , отражающий расчетное количество просмотров в месяц (два маркированных столбца — Q_1 и Q_2 на рис. 23), позво-

Таблица 6. Количество просмотров оригинальных и нейросетевых клипов медийных артистов

Песня	Оригинал клипа			Нейросетевой клип		
	Дата публикации	Просмотров всего	Просмотров в месяц Q_1	Дата публикации	Просмотров всего	Просмотров в месяц Q_2
<i>Артист: "Deep Purple". Количество подписчиков: 1 200 000</i>						
"Smoke on the water"	09.05.2010	5 106 770	28 629	01.02.2024	1 739 096	133 777
"Child in time" (Live) 1972	26.05.2010	173 274 846	1 211 712	09.10.2022	2 886 950	151 945
<i>Артист: "Cream Soda". Количество подписчиков: 66 100</i>						
"Melancholia"	23.04.2021	70 365	2 932	23.04.2021	2 213 943	92 248
<i>Артист: «Король и Шут». Количество подписчиков: 575 000</i>						
«Камнем по голове»	22.01.2015	8 684 365	77 593	24.03.2023	2 075 288	159 637
«Кукла колдуна»	27.08.2013	66 000 934	568 973	30.11.2023	461 130	92 226
<i>Артист: «Сектор Газа». Количество подписчиков: 156 000</i>						
«Твой звонок»	06.08.2018	35 928 018	520 696	10.10.2023	448 267	64 038
«Мумия»	06.10.2009	583 901	3175	02.10.2023	347 711	49 682
<i>Артист: Юлия Савичева. Количество подписчиков: 309 000</i>						
«Девочка»	16.02.2024	717 217	239 072	13.03.2024	208 889	208 889
<i>Артист: "Gorillaz". Количество подписчиков: 10 800 000</i>						
"Kids With Gun's"	14.01.2010	31 788 036	172 761	01.12.2023	1054	211

Источник: YouTube.

ляет сопоставить эффективность двух единиц контента — оригинального видео и нейросетевого видео — за равный промежуток времени. Сравнивая в этой логике количество просмотров в месяц для концертного и нейросетевого видео к песне «Меланхолия», получаем, что эффективность нейросетевого видео (в среднем 92 248 просмотров в месяц) почти в 30 раз выше эффективности концертного видео (2932 просмотра в месяц). Изучение расчетных и статистических данных из таблицы на рис. 23 выявило два тренда:

- 1) с преимущественной эффективностью нейросетевых видео по расчету среднемесячного количества просмотров единицы контента — такой тренд характерен для артистов "Deep Purple" (композиция "Smoke on the Water"), "CREAM SODA" (композиция «Меланхолия»), «Король и Шут» (композиция «Камнем по голове»), «Сектор Газа» (композиция «Мумия»);
- 2) с преимущественной эффективностью оригинальных видео по расчету среднемесячного количества просмотров единицы контента — этот тренд демонстрирует контент артистов "Deep Purple" (композиция "Child in the Time"), «Король и Шут» (композиция «Кукла колдуна»), «Сектор Газа» (композиция «Твой звонок»), Юлия Савичева (композиция «Девочка»), "Gorillaz" (композиция "Kids with Guns").

Причин преимущественной эффективности контента видео заданного формата может быть много, для их выявления необходимы дополнительные гла-

бинные кей-стади с качественной и количественной оценкой влияния рекламного бюджета, выбранной маркетинговой стратегии, изучением каналов коммуникации артиста и анализ ресурсов команды артиста. В рамках настоящего исследования вывод о дихотомии эффективности нейросетевых и оригинальных видео может считаться достаточным для иллюстрации выдвинутой гипотезы о потенциальной эффективности нейросетевых видео в монетизации стриминговой музыки артиста.

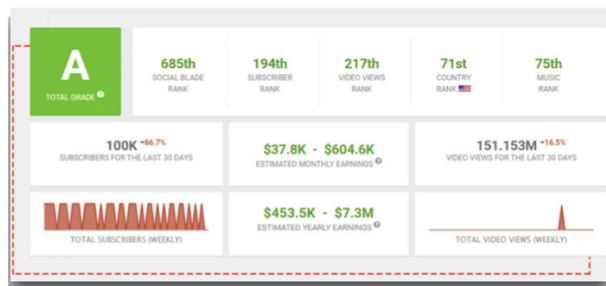
Рассмотрим далее параметры, количественно определяющие непосредственно оценку потенциала монетизации музыкального контента.

3.2. Расчет диапазона доходов артиста от единицы контента на YouTube на основании данных о монетизации канала или отчетов о цифровых роялти от издателя

Монетизация канала артиста на YouTube — опция получения цифровых вознаграждений за активное пользование видеохостингом, которую сервис YouTube предлагает пользователям с подписной базой от 1500 человек и количеством часов просмотра видео-контента от 4000 за последние 12 месяцев. Очевидно, что такая опция доступна только артистам, на канале которых выполняются одновременно оба условия — и по количеству подписчиков, и по суммарному количеству часов просмотра аудиовизуального контента. Причем выбор опции подключения монетизации остается свободным правом артиста или менеджера

YouTube-канала артиста. Еще одним ограничивающим условием выступает эффект геополитической асимметрии и территориальных санкций, возникший для артистов Российской Федерации после февральских событий 2022 г., когда ряд международных брендов прекратили деятельность в Российской Федерации и YouTube отключил монетизацию контента для российских артистов. Если музыкальный артист является резидентом лейбла за пределами Российской Федерации (как, например, рекорд-лейблы, издающие музыкальный контент через дистрибьютора Believe Digital со штаб-квартирой дистрибьютора Believe Music во Франции), то монетизация контента на YouTube отражается в ежеквартальных отчетах о роялти от цифровой дистрибуции музыкального контента. В этой связи в целях настоящего исследования интересно сравнить доход на единицу аудиовизуального контента на музыку артиста на YouTube и рассмотреть факторы, влияющие на величину такого дохода.

Модель:

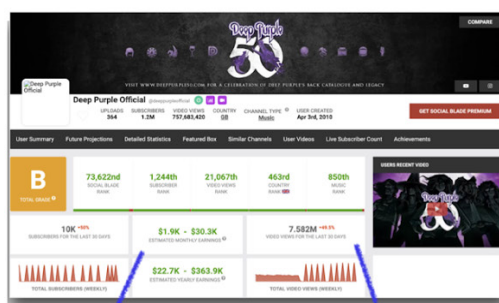
3.2.1. Расчет доходов от единицы контента для артистов с подключенной монетизацией канала на YouTube

В отношении изучаемых нами кейсов медийных артистов (“Deep Purple”, “CREAM SODA” и др.) первый исследовательский шаг в расчете монетизации единицы аудиовизуального контента состоял в проверке факта подключения монетизации YouTube-канала артиста. Сделать это можно с использованием онлайн-сервиса «Калькулятор денег YouTube», сканирующего данные YouTube-канала артиста по ссылке на искомый YouTube-канал в реальном времени.

На рис. 23 представлены модель монетизации канала YouTube и описание расчетных параметров монетизации контента для артиста “Deep Purple”, расчет подготовлен по данным онлайн-сервиса SOCIALBLADE.

Изображенная в верхней части рисунка модель расчета монетизации канала YouTube предлагает позицию канала артиста в собственном рейтинге сервиса

Расчетные показатели:

R_{month}
[$R_{\text{month (min)}}$ - $R_{\text{month (max)}}$]
Диапазон
ежемесячного дохода
от монетизации на
YouTube

W_{month}
Число просмотров
видео
за последние 30 дней

Рис. 23. Методика расчета коэффициентов монетизации музыкальных видео артистов, по данным онлайн-сканера диапазона ежемесячных доходов от монетизации на YouTube для артиста “Deep Purple” на дату 18.04.2024. Данные сервиса SOCIALBLADE.COM

SOCIALBLADE, учитывающем количество подписчиков, суммарное количество просмотров видео на канале от даты создания канала до запрашиваемой даты, позицию в рейтинге YouTube-каналов страны — резиденции артиста (в случае исследуемого кейса — поз. 71 в рейтинге YouTube-каналов США), позицию в рейтинге музыкальных каналов на YouTube, динамику подписчиков за последние 30 дней, еженедельную динамику подписчиков за весь период существования канала, расчет приблизительного диапазона доходов от видео за последние 30 дней, расчет приблизительного диапазона ежегодных доходов от видео, количество просмотров видео за последние 30 дней и динамику ежене-

дельных просмотров видео за все время существования канала. Среди описанных параметров, формирующих рейтинг канала на сервисе SOCIALBLADE, для расчета среднего размера дохода от одного воспроизведения единицы контента на канале артиста будут задействованы два показателя, схематически отмеченные на рис. 23 внизу: 1) R_{month} — диапазон ежемесячного дохода от монетизации контента на YouTube, 2) W_{month} — количество просмотров видео за последние 30 дней.

По описанной логике средний размер дохода от одного воспроизведения единицы контента на канале артиста будет рассчитываться по формуле, изображенной с пояснениями на рис. 24.

Формула расчета среднего размера дохода от одного воспроизведения единицы контента :

$$Y_{cp} = \frac{(R_{month (min)} + R_{month (max)}) / 2}{W_{month}}, \text{ где}$$

R - диапазон доходов артиста от просмотров клипов на YouTube в месяц.

W_{month} - Число просмотров видео за последние 30 дней

Пример расчёта (цена 1 просмотра видео на канале Deep Purple):

$$Y_{cp} = \left(\frac{(30300 + 1900) / 2}{7582000} \right) \times \text{Курс доллара к рублю} \times 95 \text{ руб./доллар} = 0,212 \text{ руб./трек}$$

Рис. 24. Формула расчета среднего размера дохода от одного воспроизведения единицы контента (Y_{cp}) на канале артиста "Deep Purple"

Источник данных: SOCIALBLADE, дата обращения: 18.04.2024.

В приведенном на рис. 24 модельном расчете обращает на себя внимание процедура перевода валют из долларов в рубли по курсу валют на день расчетов,

в случае с "Deep Purple" на дату 18.04.2024 средневзвешенный курс доллара к рублю составлял 95 рублей за 1 доллар.

Логика вычислений размера среднего дохода от одного воспроизведения единицы контента базируется на понятии среднего арифметического значения доходов артиста в месяц: средний доход от совокупности просмотренных видео делится на количество просмотров в течение месяца, и получается размер вознаграждения артиста за единичный просмотр (Y_{cp}). Эта величина наряду со среднемесячным количеством просмотров единицы контента (Q) выступает в качестве второго реляционного коэффициента, размер которого колеблется в зависимости от курса доллара и от дельты среднемесячных доходов артиста с монетизированным каналом YouTube.

Результаты расчета дополнительной монетизации музыкальных видео (оригинальных и нейросетевых) для исследуемых медийных артистов представлены в табл. 7.

Величина S_{total} во втором столбце табл. 7 отражает количество подписчиков каналов изучаемых артистов. Показатель R_{total-orig} обозначает расчетный размер доходов (рояли) от просмотров оригинального клипа артиста за весь период с момента размещения единицы контента на YouTube, он рассчитывался по формуле: стоимость одного просмотра (Y_{cp}) умножить на количество просмотров клипа с момента размещения. Аналогичным образом рассчитывался размер доходов

Таблица 7. Расчет дополнительной монетизации музыкальных видео медийных артистов

Песня	Оригинал клипа			Нейросетевой клип	
	Просмотров всего S _{total}	Расчет рояли за просмотры клипа R _{total-orig}	Расчет стоимости просмотра от одного подписчика Y _{cp} , руб./трек	Просмотров всего	Расчет рояли за просмотры клипа R _{total-AI}
<i>Артист: "Deep Purple". Количество подписчиков: 1 200 000</i>					
"Smoke on the water"	5 106 770	1 082 635	0,212	1 739 096	368 688
"Child in time" (Live) 1972	173 274 846	36 734 267	0,212	2 886 950	612 033
<i>Артист: "Cream Soda". Количество подписчиков: 66 100</i>					
"Melancholia"	70 365	14 214	0,202	2 213 943	447 216
<i>Артист: «Король и Шут». Количество подписчиков: 575 000</i>					
«Камнем по голове»	8 684 365	1 7543	0,0002	2 075 288	415
«Кукла колдуна»	66 000 934	13 200	0,0002	461 130	92 2
<i>Артист: «Сектор Газа». Количество подписчиков: 156 000</i>					
«Твой звонок»	35 928 018	7 257 959	0,202	448 267	90 549
«Мумия»	583 901	119 968	0,202	347 711	70 250
<i>Артист: Юлия Савичева. Количество подписчиков: 309 000</i>					
«Девочка»	717 217	144 511	0,201	208 889	41 987
<i>Артист: "Gorillaz". Количество подписчиков: 10 800 000</i>					
"Kids With Guns"	31 788 036	6 415 956	0,202	1054	213

артиста за все время от просмотров нейросетевых клипов (показатель $R_{total-AI}$).

Так, в соответствии с логикой расчетов показателей $R_{total-orig.}$ и $R_{total-AI}$ на основании вычисления средней стоимости просмотра единицы контента (Y_{cp}) лидер просмотров — клип группы “Deer Purple” “Child in Time” — с момента размещения 26 мая 2010 г. на YouTube оригинального живого концертного выступления (запись 1970 г.) заработал на YouTube 36 734 267 руб. (приблизительно 386 676 долл. за 14 лет, или в среднем 27 619 долл. в год и 2301 долл. в месяц), а нейросетевой клип, размещенный на YouTube-канале видеографа Sol Productions 9 октября 2022 г., за полтора года заработал 612 033 руб. (приблизительно 6442 долл. за весь период размещения — 18 месяцев, или в среднем 358 долл. в месяц) с оговоркой, что количество подписчиков на официальном YouTube-канале группы “Deer Purple” составляет 1 200 000 человек, а количество подписчиков на YouTube-канале видеографа Sol Productions в 100 раз меньше — 12 100 подписчиков. Выдвигать гипотезы относительно возможной упущенной выгоды менеджера YouTube-канала группы “Deer Purple” в данном случае не приходится, потому что роялти за использование музыки артиста алгоритмы YouTube все равно передают издателю артиста “Deer Purple”, а для видеографа Sol Productions дополнительный доход в размере 358 долларов в месяц за нейросетевое видео на песню “Deer Purple” может представлять финансовый интерес. Если на основании полученных данных вычислить долю дополнительного дохода от нейросетевого музыкального видео артиста “Deer Purple”, размер ежемесячного дохода от нейросетевого музыкального видео к песне “Child in Time” (358 долл. в месяц) составит 15,5%.

Однако, как видно из расчетов в табл. 7, показатель средней стоимости просмотра единицы контента Y_{cp} у каждого из изучаемых артистов с монетизируемым каналом YouTube отличается именно из-за разницы размеров диапазона ежемесячного заработка по данным онлайн-калькулятора SOCIALBLADE, вычисления которого, как описывалось выше, учитывают параметр количества подписчиков и региональные рейтинги YouTube-канала артиста. Алгоритмы YouTube также обучены определять «накрутку» просмотров и подписчиков и автоматически вычитать данные «накрученных» просмотров из общего количества просмотров видео. Этим эффектом можно объяснить, например, низкий показатель средней стоимости просмотра единицы контента у группы «Сектор Газа» ($Y_{cp} = 0,0002$ руб.). В среднем же стоимость одного просмотра единицы контента на YouTube, согласно расчетам, колеблется на уровне 20-21 коп. за просмотр.

Соотношение доли ежемесячного вознаграждения за нейросетевые музыкальные видео и размера фандома медийных артистов представлена на графике (рис. 25).

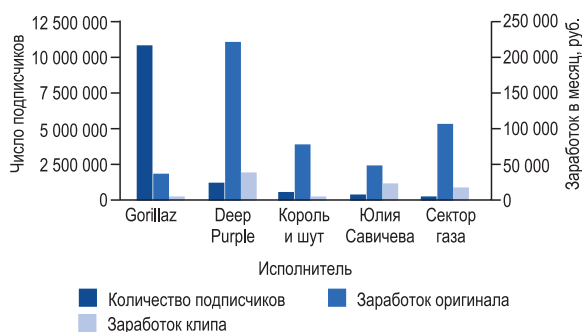

Рис. 25. Зависимость доли ежемесячного вознаграждения, руб./мес., за нейросетевые музыкальные видео от размера фандома медийных артистов. Источник: собственные расчеты авторов исследования по вторичным данным YouTube

Как видно из рис. 25, зависимость расчетной доли ежемесячного дохода артиста от нейросетевых музыкальных клипов от количества подписчиков нелинейная. Самый высокий процент ежемесячного дохода от нейросетевого видео — у группы “CREAM SODA” (расчетная доля дохода 24 845 руб./мес. за нейросетевое видео ежемесячно на канале артиста по отношению к 790 руб. ежемесячно за живое концертное видео от трафика радио ENERGY составляет 3146%). Более частым явлением может быть доля увеличения дохода от нейросетевых видео в размере 14–17%, как в случае с нейросетевыми клипами “Deer Purple” и «Сектор Газа». В том случае, когда нейросетевой клип становится официальным музыкальным видео, как это произошло у “CREAM SODA” (3146%) и Юлии Савичевой (43,58%), расчетная доля ежемесячного дохода от нейросетевого клипа может превышать размер основного дохода от оригинального аудиовизуального продукта.

Для расчета дохода артистов с неподключенной опцией монетизации контента на YouTube необходимы данные о роялти от издателя. Рассмотрим далее, как происходит вычисление доходов от нейросетевых музыкальных клипов на примере артистов лейбла Media Sharks.

3.2.2. Расчет доходов от музыкальных видео для артистов с неподключенной монетизацией канала YouTube по данным ежеквартальных отчетов о цифровой дистрибуции

Стриминговые артисты ежеквартально получают от издателя или напрямую от платформы цифровой дис-

трибуции данные о начислениях роялти за каждый релиз. В таких отчетах в форме таблицы перечисляются площадки и стриминг-сервисы, на которых платные подписчики слушали релиз, включая видеохостинг YouTube (рис. 26).

Как следует из приведенного на рис. 26 фрагмента отчета Believe Digital, размер дохода от единичного воспроизведения музыкальной композиции артиста на YouTube (показатели Y в верхней части рисунка) — величина переменная, зависящая

Y - размер дохода от одного воспроизведения музыки артиста в YouTube

Исполнитель	Название релиза	Название трека	Платформа	Страна / регион	Кол-во	Сумма (RUB)
675	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	YouTube-UGC	Russian Federation	3	0,67 P
676	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Yandex	Russian Federation	16	0,53 P
677	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	UMA (BOOM)	Russian Federation	5	0,41 P
678	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Apple Music	France	1	0,32 P
679	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	UMA (Kontakt)	Russian Federation	19	0,30 P
680	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	UMA (Kontakt)	Kazakhstan	3	0,27 P
681	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Facebook / Instagram	Kazakhstan	12	0,24 P
682	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	UMA (Dzhoklassiki)	Russian Federation	7	0,23 P
683	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Apple Music	Turkey	1	0,22 P
684	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	YouTube-UGC	Ukraine	1	0,02 P
685	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Spotify	Turkey	1	0,02 P
686	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Tencent QQ/CN	China mainland	1	0,01 P
687	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	UMA (Dzhoklassiki)	Belarus	1	0,01 P
688	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	UMA (Dzhoklassiki)	Belarus	1	0,00 P
689	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Apple Music	Russian Federation	9	1,07 P
690	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Instrumental TikTok	Estonia	1	0,14 P
691	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Instrumental Yandex	Russian Federation	2	0,24 P
692	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Instrumental (Kontakt)	Russian Federation	3	0,02 P
693	Jennie Moz-Art	Я уеду жить в свитер	Instrumental UMA (Dzhoklassiki)	Russian Federation	2	0,02 P
694	Jennie Moz-Art, Natalia VI Голос района	Голос района, Ч. 1	Yandex	Russian Federation	1	0,03 P
695	Jennie Moz-Art, Natalia VI Голос района	Голос района, Ч. 2	Yandex	Russian Federation	1	0,03 P
696	Jennie Moz-Art, Natalia VI Голос района	Голос района, Ч. 2	UMA (Kontakt)	Russian Federation	1	0,01 P
697	Jennie Moz-Art, Natalia VI Голос района	Голос района, Ч. 3	Facebook / Instagram	Worldwide	12	0,61 P
698	Jennie Moz-Art, Natalia VI Голос района	Голос района, Ч. 3	Spotify	Italy	1	0,04 P
699	Jennie Moz-Art, Natalia VI Голос района	Голос района, Ч. 3	Netease	China mainland	1	0,01 P
700	Jennie Moz-Art, Natalia VI Голос района	Голос района Часть 2	Apple Music	Russian Federation	1	0,12 P
701	COL M&P	Ladies Flaunt Fashion	Retro / TikTok Music	India	6	0,29 P
702	Lyubastish	TOGETHER	Apple Music	Russian Federation	17	2,06 P
703	Lyubastish	TOGETHER	Facebook / Instagram	Worldwide	12	0,61 P
704	Lyubastish	TOGETHER	Facebook / Instagram	Russian Federation	239	0,58 P
705	Lyubastish	TOGETHER	UMA (Kontakt)	Russian Federation	17	0,46 P
706	Lyubastish	TOGETHER	Spotify	Brazil	2	0,36 P
707	Lyubastish	TOGETHER	Spotify	Armenia	1	0,16 P
708	Lyubastish	TOGETHER	UMA (BOOM)	Russian Federation	2	0,16 P
709	Lyubastish	TOGETHER	YouTube-UGC	Russian Federation	1	0,16 P

Y1 = 0,67 / 3 = 0,22

Y2 = 0,07

Y3 = 0,16

Источник: Отчёт о цифровой дистрибуции артистов лейбла Media Sharks. Believe Digital, 01.10.2023 - 31.12.2023 [Excel]. Текст непосредственный.

Формула расчета среднего размера дохода от одного воспроизведения единицы контента :

$$Y_{\text{ср}} = \frac{(Y_1 + Y_2 + Y_3 + \dots + Y_n)}{n}, \text{ где}$$

Y_{ср} - средний размер дохода от одного воспроизведения единицы музыкального контента артиста в YouTube;

n - количество разных величин стоимости воспроизведения единицы контента по данным отчёта дистрибутора.

Пример расчёта:

Y_{ср} для композиции «Я уеду жить в свитер»:

$$Y_{\text{ср}} = \frac{0,22 + 0,07}{2} = 0,145 \text{ руб. / трек}$$

Рис. 26. Фрагмент отчета Believe Digital о цифровой дистрибуции артистов лейбла Media Sharks за четвертый квартал 2023 г. (вверху) с формулой расчета среднего размера дохода от одного воспроизведения единицы контента (внизу)

Таблица 8. Количество просмотров и расчет доходов от монетизации оригинальных и нейросетевых артистов лейбла Media Shark. Источник: YouTube

Песня	Оригинал клипа			Нейросетевой клип			Расчет монетизации R _{total} руб.
	Дата публикации	Просмотров всего	Просмотров в месяц Q ₁	Дата публикации	Просмотров всего W _{total}	Просмотров в месяц Q ₂	
Артист: ЕШШКА. Количество подписчиков: 1							
«Виртуальная я»	09.05.2010	22	4	14.12.2023	271	54	39,30
Артист: W&V. Количество подписчиков: 34							
«Ведьма и вампиры»	26.02.2024	614	205	12.02.2024	220	73	39,10
«Свитер оверсайз»	09.02.2024	969	323	12.02.2024	284	95	41,18
«Танго inferно»	13.02.2024	20	6	12.02.2024	128	43	18,56
«Ветра»	09.02.2024	69	23	12.02.2024	109	36	15,80
Артист: Jennie Moz-Art. Количество подписчиков: 1560							
Песня	Оригинал клипа			Нейросетевой клип			Расчет монетизации R _{total} руб.
«Ешкин кот» (2019)	30.11.2017	239	3	Дата публикации	Просмотров всего W _{total}	Просмотров в месяц Q ₂	
«Ешкин кот» (официальное лирик-видео)				29.08.2023	239	30	34,66
«Ешкин кот» (ретро)				29.08.2023	101	13	14,65
«Ешкин кот» (новогодний)				25.12.2023	145	36	21,03
«Мелодия твоей души»	28.04.2022	6423	268				
«Мелодия твоей души» (Kandinsky)				29.08.2023	1526	508	221,27
ИТОГО дополнительной монетизации							438,35

от страны прослушивания и от количества подписчиков на канале артиста. Так, для песни «Я уеду жить в свитер» артиста Jennie Moz-Art (размер фандома на YouTube — 1560 подписчиков) размер дохода от одного воспроизведения песни в России составляет 22 коп., а единичное воспроизведение этой же композиции в Украине приносит доход 7 коп.; доход артиста “Lyubastish” от единичного воспроизведения песни “TOGETHER” составил в России 16 коп.

Ввиду регионального непостоянства величины дохода от единичного прослушивания усредненный показатель Y_{cp} индивидуально для каждого артиста на основании данных от дистрибьютора можно рассчитать по формуле, как показано на рис. 26: методом вычисления среднего арифметического складываются показатели монетизации музыкальной композиции в разных странах и вычисляется среднее значение путем деления на количество единичных прослушиваний. Так, усредненная стоимость единичного прослушивания песни «Я уеду жить в свитер» на YouTube составила, согласно проведенным расчетам, 14 коп. Это на 6 коп. меньше, чем у Юлии Савичевой за песню «Девочка», и намного выше, чем за композицию «Кукла колдуна» группы «Король и Шут», стоимость дослушивания которой была обнулена алгоритмами YouTube.

Если принять размер средневзвешенного дохода от одного прослушивания композиции «Я уеду жить в свитер» за эквивалент для артистов лейбла Media Sharks, что вполне допустимо, учитывая географию слушателей и производный по отношению к артисту Jennie Moz-Art характер артистов ЕШШКА и W&V, расчет доходов от рассмотренных в подпунктах п. 2 настоящего исследования экспериментальных единиц контента представлен в табл. 8.

Таким образом, суммарный размер дополнительного дохода от экспериментального контента на музыку артистов, созданного в рамках настоящего исследования, для исследуемых проектов лейбла Media Sharks в период с декабря 2023 г. по апрель 2024 г. составил 438 руб. 35 коп. Доход полунейросетевого-полуантропоморфного артиста ЕШШКА составил в указанный период 39 руб. 30 коп., суммарный доход артиста W&V от нейросетевого мультипликационного мини-альбома «Отражения» составил 107 руб. 44 коп., суммарный доход артиста Jennie Moz-Art от нейросетевых мультипликаций на песню «Ешкин кот» и нейросетевого клипа на песню «Мелодия твоей души» составил 291 руб. 61 коп. Если добавим к этим значениям собственный доход лейбла Media Sharks от монетизации 149 дополнительных просмотров нейросетевых копродуктов из плейлиста «ИИ тупит», описанных в п. 2.1.4 настоящего исследова-

ния, получим дополнительный доход лейбла от нового плейлиста в размере расчетных 2160 руб. 50 коп. и суммарный доход лейбла от экспериментальных продуктов в размере 2598 руб. 85 коп.

Приведенные расчетные показатели свидетельствуют о жизнеспособности нейросетевого контента и доказывают справедливость выдвинутой нами гипотезы о зависимости размеров дополнительной монетизации от размера фандома артиста.

ДИСКУССИЯ И ВЫВОДЫ

Настоящее исследование ставило целью изучение факторов, определяющих потенциал дополнительной монетизации стриминговой музыки инди-артистов у нейросетевых музыкальных видео, размещаемых на видеохостинге YouTube.

В результате кейс-стади историй создания нейросетевых видео было выявлено, что распространенными на массовом рынке нейросетевыми решениями для создания музыкальных клипов являются популярные генеративные инструменты визуализации Stable Diffusion, Midjourney, CLIP, StyleGAN2, BigGAN, GPT-4, Deforum, Sora, Kandinsky и Genmo, способные создавать статичные визуализационные слайды или динамичные анимированные сцены продолжительностью 4–16 секунд по текстовым описаниям промпт-инженеров. В дальнейшем они вручную дорабатываются путем склейки монтажных сцен режиссерами музыкальных видео. В целях обеспечения информирования пользователя видеохостинга YouTube о применении нейросетевых инструментов визуализации, а иногда и в целях рекламы таких инструментов музыкальные видео, создаваемые с использованием нейросетей, подписываются: «Нарисовано/сделано нейросетью».

Размещаемые на официальных каналах артистов нейросетевые видео дают больший эффект для артиста, чем размещаемые на каналах визуализаторов и промпт-инженеров нейросетевые клипы на песни артистов, хотя и в случае трансмедийной распространяемости по разным ресурсам артист имеет право на извлечение дохода от воспроизведения музыки в нейросетевом музыкальном видео, и этот вид дохода может рассматриваться как смежное право артиста.

В пользу подтверждения выдвинутой в разделе «Дизайн исследования» гипотезы о потенциале нейросетевых видео возродить внимание слушателя/фаната к музыкальному творчеству артиста [10] выступают полученные в ходе экспериментального исследования статистические данные о количестве просмотров нейросетевого клипа на песню артиста Jennie Moz-Art «Мелодия твоей души» и результаты опросов фо-

кус-групп по нейросетевым клипам «Виртуальная я» артиста ЕШШКА и клипам инди-рок группы W&V «Свитер оверсайз» и «Ведьма и вампиры».

Исследование показало, что можно пропорционально сопоставлять доходы артистов с разными размерами фандомов по реляционным коэффициентам количества среднемесячных просмотров нейросетевого контента (Q) и средневзвешенному размеру вознаграждения за единичный просмотр нейросетевого музыкального видео (Y_{cp}). Предполагается реалистичным найти зависимость цены укрупненных 1000 просмотров единицы контента для артистов с фандомом более 50 тыс. подписчиков и смоделировать расчет для артистов лейбла Media Sharks, участвовавших в проведенном эксперименте. Финальной переменной, от которой зависит сборка общей формулы расчета дополнительной монетизации стриминговой музыки инди-артистов, мог бы стать коэффициент ценности одного активного подписчика для генерации дохода артисту от музыкальных видео на YouTube, однако на данный момент ввиду недостаточных количественных данных имеет смысл продолжить качественное исследование контент-анализом комментариев подписчиков артистов относительно субъективного восприятия нейросетевых музыкальных клипов, что позволит выявить точки роста в развитии представлений о совершенствовании технологий нейросетевой визуализации и производства нового знания об эмоциональных реакциях зрителей на нейросетевой контент артистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фрулингер Д. Что такое генеративный искусственный интеллект? // БИТ. Бизнес & Информационные технологии. 2023. № 2(125). С. 32–35. — EDN AIVNXN.2
2. Больше, чем обучение — 2023 // Университетская книга. 2023. № 10. С. 16–19. — EDN ROVDYB.
3. Международная конференция «Теории и практики искусства и дизайна: социокультурные, политические и экономические контексты». Секция «Медиаискусство в контексте новейших технологий». Модератор: Станислав Миловидов. 11 апреля 2024 г. М.: HSE Creative Hub. — URL: <https://design.hse.ru/news/3199#program>
4. Международная конференция «Теории и практики искусства и дизайна: социокультурные, политические и экономические контексты». Круглый стол «Нейросетевой поворот в популярной музыке: возможности и вызовы». Модератор: Евгения Евпак. 12 апреля 2024 г. М., HSE Creative Hub. — URL: <https://design.hse.ru/news/3199>
5. IV Международная научно-практическая конференция «АВТОР/AUTHOR-2024» / Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам». 18–19 апреля 2024 г. Москва.
6. Википедия. Монетизация. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Монетизация> (дата обращения: 24.03.2024).
7. Волков Д.П. Эндорсинг в музыкальной индустрии // Экономика, Бизнес, Инновации: Сб. статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Пенза, 5 января 2018 г. Ч. 1. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. С. 107–109. — EDN YKVILB.
8. Арефьева А.И. Влияние медиатехнологий на выражение зрительской лояльности международного конкурса «Евровидение» // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 47. С. 1354–1362. — EDN EPKELE.
9. Игламова А.А. Музыкальное исполнительство в референциях начала XXI века // Театр XXI века и вызовы нового времени: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию татарского театра. Казань, 22 декабря 2016 г. Казань: Институт языка, литературы и искусства имени г. Ибрагимова, 2016. С. 242–249. — EDN XXPCBZ.
10. West P.M., Brockett P.L., Golden L.L. A Comparative Analysis of Neural Networks and Statistical Methods for Predicting Consumer Choice // Marketing Science. 1997. Vol. 16(4). P. 370–391. — URL: <http://www.jstor.org/stable/184232>
11. Рамон Анастасия. Группа Cream Soda выпустили клип, сгенерированный нейросетью // 23 апреля 2021 г. Metro, Санкт-Петербург [онлайн-издание]. — URL: <https://www.metronews.ru/visual/video/reviews/gruppa-cream-soda-vypustili-clip-sgenerirovanny-neyrosetyu-1781741/> (дата обращения: 24.03.2024).
12. Cream Soda — «Меланхолия» (премьера клипа, 2021). Cream Soda. YouTube. [музыкальное видео]. — URL: https://youtu.be/sG_xXogxYUc?si=OM4rONOI5c3cEwtq (дата обращения: 24.03.2024).
13. Cream Soda выпустили клип «Меланхолия». Его написала нейросеть // Правила жизни. Культура и развлечения. 22.04.2021 [онлайн-ресурс]. — URL: <https://www.pravilamag.ru/news/culture-and-entertainment/22-04-2021/257563-cream-soda-vypustili-clip-melanholiya-ego-napisala-neyroset/> (дата обращения: 25.03.2024).
14. Jeremy Norman's HistoryofInformation.com. The First Illustrated Song, First Step towards the Music Video // HistoryofInformation.com [online source]. — URL: <https://www.historyofinformation.com/detail.php?id=3990> (access date: May, 10, 2024).

15. V First Fully AI Music Video Released // drmilktruck, November, 25, 2023. Gretschtalk.com [online forum]. — URL: <https://www.gretschtalk.com/threads/first-fully-ai-music-video-released.223806/> (access date: May, 10, 2024).
16. Song «Betrayed by this Town» – Anna Indiana (AI Artificial Intelligence) // A1-ECR Big Data Analytics, 24, November, 2023. [YouTube video]. URL: <https://youtu.be/3T175LTQFfw?si=XhTgUsZDE4o28jCS> (Access date: May, 10, 2024).
17. SEVENTEEN. “MAESTRO”. Official Teaser 1. // HYBE Labels. [YouTube video]. 24 April 2024. — URL: <https://youtu.be/rOK790-wRhk?si=Sr8tze6-ORT8uqDb> (access date: 11 May, 2024).
18. RIIZE. “Impossible” AI Generated Visualizer // RIIZE [YouTube video]. 23 April 2024. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=PAMS2-BjLYM&ab_channel=RIIZE (access date: 11, May, 2024).
19. Washed Out — The Hardest Part (Official Video) // Washed Out [YouTube video]. 2 May 2024. — URL: <https://youtu.be/-Nb-M1GAOX8?si=bAM4JJoePMOeQ9Xtr> (access date: 11, May, 2024).
20. Chatzimparmpas A., Martins R.M., Jusufi I., Kerren A. A survey of surveys on the use of visualization for interpreting machine learning models // Information Visualization. 2020. Vol. 19(3). P. 207–233.
21. Deng J, Dong W, Socher R. et al. ImageNet: a large-scale hierarchical image database // Proceedings of the 2009 IEEE conference on computer vision and pattern recognition, Miami, FL, 20–25 June 2009. P. 248–255. New York: IEEE. — Цит. по: Chatzimparmpas A., Martins R.M., Jusufi I., Kerren A. A survey of surveys on the use of visualization for interpreting machine learning models // Information Visualization. 2020. Vol. 19(3). P. 207–233.
22. ГК РФ. Ст. 300. Информация об авторском праве. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230 ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Информационная система «Консультант Плюс» [онлайн-ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/510639c114afe9742a1114add641bb1ce4dd8352/#dst100502 (дата обращения: 25.04.2024).
23. Jennie Moz-Art & AI. Ешкин Кот (официальное лирик-видео) // Jennie Moz-Art Official [YouTube]. 29 августа 2023 г. — URL: <https://youtu.be/NaKh-wJOhK0?si=mKS49QZRex4sy8V> (дата обращения: 1 апреля 2024).
24. Jennie Moz-Art & AI. Ешкин Кот (ретро) // Jennie Moz-Art Official [YouTube]. 29 августа 2023 г. — URL: <https://youtu.be/FF7dUOUHZk?si=a9bu6k3DzR50-rNo> (дата обращения: 12 апреля 2024 г.).
25. Jennie Moz-Art. Ешкин Кот (новогодний) // Jennie Moz-Art Official [YouTube]. 25 декабря 2023 г. — URL: <https://youtu.be/Sp42-JRtW9U?si=j06GUwBFyszZ2WaR> (дата обращения: 12 апреля 2024 г.).
26. W&V. Ведьма и вампиры (мульти) // Witch and Vamps. [YouTube]. 12 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/24rh051ks5c?si=2lZctS4Dez8ZM-Ce> (дата обращения: 12 апреля 2024 г.).
27. W&V. Свитер оверсайз (мульти) // Witch and Vamps. [YouTube]. 12 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/F2OD-t2eOsQ?si=FkUjUjWGM07G2w8j> (дата обращения: 12 апреля 2024 г.).
28. W&V. Танго inferно (мульти) // Witch and Vamps. [YouTube]. 12 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/ZEE8зурiy9Q?si=yрHs3nEtZ7rT0DB> (дата обращения: 12 апреля 2024 г.).
29. W&V. Ветра (мульти) // Witch and Vamps. [YouTube]. 12 февраля 2024 г. — URL: https://youtu.be/5E74MWbeSl0?si=jnLMppLHR_9ptiAv (дата обращения: 12 апреля 2024 г.).
30. Jennie Moz-Art. Мелодия твоей души (Kandinsky Visualization, 2024) // Jennie Moz-Art Official [YouTube]. 23 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/ZAWpT75cPvg?si=DcGulrO6UVTF87VR> (дата обращения: 12 апреля 2024 г.).
31. ЕШШКА. Виртуальная я // ЕШШКА (тема). Provided to YouTube by Media Sharks. 13 декабря 2023 г. — URL: <https://youtu.be/S1assh18Lwc?si=Zv4rdfBKmPPcqkFS> (дата обращения: 7 мая 2024 г.).
32. еШШКА. Виртуальная я (сингл, 2023) // Media Sharks [YouTube-канал]. 14 декабря 2023 г. — URL: https://youtu.be/_F5lCe5zWJg?si=3iFFVC8gSU4Q7bmT (дата обращения: 7 мая 2024 г.).
33. W&V. Ведьма и вампиры (мульти) // Witch&Vamps [YouTube-канал]. 12 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/24rh051ks5c?si=6fdb3KYy54aDslI> (дата обращения: 7 мая 2024 г.).
34. W&V. Ведьма и вампиры (Live rehearsal) // Witch&Vamps [YouTube-канал]. 26 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/vBShutRVWiQ?si=uNsTsk4HBlm0Nhd> (дата обращения: 7 мая 2024 г.).
35. Jennie Moz-Art. Я уеду жить в свитер (Lyric video) // Jennie Moz-Art Official [YouTube-канал]. 30 марта 2023 г. — URL: https://youtu.be/YJ6pPMQcwpQ?si=oEN_wwDk_A6xEkxZ (дата обращения: 7 мая 2024 г.).
36. W&V. Свитер оверсайз (мульти) // Witch&Vamps [YouTube-канал]. 12 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/F2OD-t2eOsQ?si=OWshfkq6-m27f0fH> (дата обращения: 7 мая 2024 г.).

37. Jennie Moz-Art. Мелодия твоей души (сингл) // Jennie Moz-Art Official [YouTube-канал]. 28 апреля 2022 г. — URL: <https://youtu.be/qVdXIGNJ1-g?si=buF5nenmUdP9pvSx> (дата обращения: 7 мая 2024 г.).
38. Jennie Moz-Art. Мелодия твоей души (Kandinsky visualisation, 2024) // Jennie Moz-Art Official [YouTube-канал]. 23 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/ZAWpT75cPvg?si=INdGMdMB5rOW9ar7> (дата обращения: 7 мая 2024 г.).
39. ЕШШКА. Виртуальная я (сингл, 2023) // Media Sharks [YouTube-канал]. 14 декабря 2023 г. — URL: https://youtu.be/_F5lCe5zWJg?si=3iFFVC8gSU4Q7bmT (там же).
40. Гурьянов Владимир, Евпак Евгения. Оцените экспериментальный клип, созданный человеком и нейросетями [онлайн-опрос]. 5 декабря 2023 г. — URL: <https://forms.gle/QVjWBBQwdnRMCf146> (дата обращения: 7 мая 2024 г.).
41. Гурьянов Владимир, Евпак Евгения. Оцените следующий экспериментальный клип, созданный человеком и нейросетями [онлайн-опрос]. 19 марта 2024 г. — URL: <https://forms.gle/ihkcTZ46E6ewSjV6A> (дата обращения: 7 мая 2024 г.).
42. Гурьянов Владимир, Евпак Евгения. Оцените еще один экспериментальный клип, созданный человеком и нейросетями [онлайн-опрос]. 14 февраля 2024 г. — URL: <https://forms.gle/N2y3bJ5dARy8wJNS6> (дата обращения: 7 мая 2024 г.).
43. Кинопроба город // ИИ тупит! Мучения виртуального режиссера с нейросетевыми актерами. Media Sharks [YouTube video]. 21 апреля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/y87Yd6e29Pk?si=EOwynFlspC4gK9Ju> (дата обращения: 11.05.2024).
44. Кинопроба слоны 00. // ИИ тупит! Мучения виртуального режиссера с нейросетевыми актерами. Media Sharks [YouTube video]. 21 апреля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/qK1Fd9vVJHI?si=X09fZ2d2CaRUi6E> (дата обращения: 11.05.2024).
45. Кинопроба Хлоя русалка // ИИ тупит! Мучения виртуального режиссера с нейросетевыми актерами. Media Sharks [YouTube video]. 21 апреля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/VYYDYS7pIK4?si=7vVLPY5CdDbx9Qs0> (дата обращения: 11.05.2024).
46. Кинопроба муха 00 // ИИ тупит! Мучения виртуального режиссера с нейросетевыми актерами. Media Sharks [YouTube video]. 21 апреля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/-mQRBDANBuA?si=1vdJSRIeONdA6Qjs> (дата обращения: 11.05.2024).
47. Проба ведьмы 4 2 // ИИ тупит! Мучения виртуального режиссера с нейросетевыми актерами. Media Sharks [YouTube video]. 28 апреля 2024 г. — URL: https://youtu.be/HOuCqa0rCD0?si=0vzGNN5DvXUmVMu_ (дата обращения: 11.05.2024).
48. Кинопроба ежики 2 // ИИ тупит! Мучения виртуального режиссера с нейросетевыми актерами. Media Sharks [YouTube video]. 3 мая 2024 г. — URL: <https://youtu.be/1ftOqh3PTds?si=vnIqDF1s50m8HTOZ> (дата обращения: 11.05.2024).
49. Синописис триллера «Ешшкин кот» // ИИ тупит! Мучения виртуального режиссера с нейросетевыми актерами. Media Sharks [YouTube video]. 3 мая 2024 г. — URL: https://youtu.be/uOvRwsdSvzI?si=TworWTz9iwrI_w_m (дата обращения: 11.05.2024).
50. Ешкин мерч // ИИ тупит! Мучения виртуального режиссера с нейросетевыми актерами. [YouTube video]. 11 мая 2024 г. — URL: <https://youtu.be/6BxRCx--6o0?si=o7KtY0OKDjLKруу> (дата обращения: 11.05.2024).
51. Доходы с YouTube: сколько можно заработать? // UpSound [онлайн-ресурс]. — URL: <https://we.upsound.org/youtubecash> (дата обращения: 11 мая 2024 г.).

Список проанализированных в кейс-стади нейросетевых музыкальных клипов артистов (до клипа нейросети Sora)

1. Ai music video — Kids with Guns — Gorillaz. Ben Gillin. 1 декабря 2023 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/SbNSNi90yWc?si=pkWak29uXfYhr7bV> (дата обращения: 17.04.2024).
2. Cream Soda. MELANCHOLIA (Live @ Радио ENERGY). Радио ENERGY. 23 апреля 2021 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/fqNSXZLz48E?si=PxpU7eYaV3IA_jWE (дата обращения: 17.04.2024).
3. Cream Soda. Меланхолия (Премьера клипа 2021). CREAM SODA. 23 апреля 2021 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/sG_xHogxYUc?si=1wUzuqCVzZpKvUUe (дата обращения: 17.04.2024).
4. Deep Purple. Child in Time 2022, (lyrically) AI-illustrated. Soldesign72. 9, October, 2022. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/v-T_GOR8_do?si=_s-BGrijKyalZ9CqX (дата обращения: 17.04.2024).
5. Deep Purple. Child in Time — Live (1970). Deep Purple Official. 26, May, 2010. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/OorZcOzNcgE?si=-eljOUvUy8cfX1V-> (дата обращения: 17.04.2024).

6. Deep Purple. Smoke On the Water (Official Music Video). Deep Purple Official. 1, March, 2024. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/Q2FzZSBD5LE?si=H4FL6clFSiRdX60z> (дата обращения: 17.04.2024).
7. Deep Purple. Smoke on the Water Live (1973, New York). Deep Purple Official. 9, May, 2010. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/0WpKpcEORxo?si=W4Му9PxiqF-j69S-> (дата обращения: 17.04.2024).
8. Gorillaz. Kids with Guns. Gorillaz. 14 января 2010 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/VCKfSe3voRc?si=JCku0dqE0iDNUWRW> (дата обращения: 17.04.2024).
9. Jennie Moz-Art. Ешкин кот (новогодний). Jennie Moz-Art Official. 25 декабря 2023 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/Sp42-JRtW9U?si=fUbcTa9oEiAjWZwJ> (дата обращения: 17.04.2024).
10. Jennie Moz-Art. Летающие объекты (2017). Ешкин кот (Bonus Track). 1 декабря 2017 г. [YouTube Music]. — URL: <https://music.youtube.com/watch?v=DUuVDpXNBJQ> (дата обращения: 17.04.2024).
11. Jennie Moz-Art. Мелодия твоей души. Jennie Moz-Art Official. 28 апреля 2022 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/qVdXIGNJ1-g?si=WCffnjKD8ISg7pGu> (дата обращения: 17.04.2024).
12. Jennie Moz-Art. Мелодия твоей души (Kandinsky Visualisation, 2024). Jennie Moz-Art Official. 23 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/ZAWpT75cPvg?si=uLN88fF1rM3DYr> (дата обращения: 17.04.2024).
13. Jennie Moz-Art & AI. Ешкин кот (официальное лирик-видео). Jennie Moz-Art Official. 29 августа 2023 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/NaKh-wJOhK0?si=bRlxZxQSmkqJuxRH> (дата обращения: 17.04.2024 г.).
14. Jennie Moz-Art & AI. Ешкин кот (ре-тро). Jennie Moz-Art Official. 29 августа 2023 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/FF7dU0OUHZk?si=tn1XgKRXQqIJGMQp> (дата обращения: 17.04.2024).
15. W&V. Ведьма и вампиры (live rehearsal). Witch and Vamps. 26 февраля 2024 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/vBSHutRVWwIQ?si=za83X5TQ-Y-GUR-4> (дата обращения: 17.04.2024).
16. W&V. Ведьма и вампиры (мульти). Witch and Vamps. 12 февраля 2024 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/24rh051ks5c?si=dqa4OKSRbWlFUTdn> (дата обращения: 17.04.2024).
17. W&V. Ветра (2024). Witch and Vamps. 9 февраля 2024 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/R62WL8_C1Ms?si=8UH3924IFhRE8Lar (дата обращения: 17.04.2024).
18. W&V. Ветра (мульти). Witch and Vamps. 12 февраля 2024 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/5E74MWbeSI0?si=_X0hvwIINVLI6pXZ9 (дата обращения: 17.04.2024).
19. W&V. Свитер оверсайз (live rehearsal). Witch and Vamps. 19 февраля 2024 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/0puAgm5q8bl?si=PwKkaDzOPPqkrCi2> (дата обращения: 17.04.2024).
20. W&V. Свитер оверсайз (мульти). Witch and Vamps. 12 февраля 2024 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/F2OD-t2eOsQ?si=EMSuRpx8bnovuDN6> (дата обращения: 17.04.2024).
21. W&V. Танго inferно (альбом «Отражения»). W&V (тема). 13 февраля 2024 г. [YouTube Music]. — URL: https://youtu.be/g4CmV-GdcVY?si=rXruqLUmOruS_wyl (дата обращения: 17.04.2024).
22. W&V. Танго inferно (мульти). Witch and Vamps. 12 февраля 2024 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/ZEE8зурiy9Q?si=s_Dx7f_xvncyl_7B (дата обращения: 17.04.2024).
23. Король и Шут. Камнем по голове (Live) На Краю. Casino Gunes ve Ay. 22 января 2015 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/ksRJWylqr5I?si=KVzeGhMOVDdMXlza> (дата обращения: 17.04.2024).
24. Король и Шут. Камнем по голове нарисованный Нейросетью. Нарисовано Нейросетью. 24 марта 2023 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/ll97GC5ks7k?si=OlrtVrvS06c-MlZn> (дата обращения: 17.04.2024).
25. Король и Шут. Кукла колдуна (HD). Лекс Лютер. 27 августа 2013 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/Nj6aM9ljdQU?si=5_MZl5itlMmJNLY1 (дата обращения: 17.04.2024).
26. Король и Шут. Кукла колдуна (Нейросеть). Neural-madness. 30 ноября 2023 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/L2SBi3_vnsU?si=dMLE76yYXKy5abPy (дата обращения: 17.04.2024).
27. Нейросеть рисует клип Сектор газа — Мумия. Neural-madness. 2 октября 2023 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/FmdZEOT_J-w?si=LrszE0craRMIGxdx (дата обращения: 17.04.2024).
28. Сектор Газа. МУМИЯ. Odes90. 6 октября 2009 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/TuXjea8Q5wс?si=LeHHPbh_HsOgM3PR (дата обращения: 17.04.2024).
29. Сектор Газа. Твой звонок. Bad Style. 6 августа 2018 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/cXhPRJw-9Ek?si=bLpXhRE8PYll2G8f> (дата обращения: 17.04.2024).
30. Сектор Газа. Твой звонок (новая нейросеть). Neural-madness. 10 октября 2023 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/2xBthFqb_2w?si=Zuv8iMsBfI0JTe1 (дата обращения: 17.04.2024).

31. Юлия Савичева. Девочка (Mood Video). SavichevaMusic. 13 марта 2024 г. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/dOUTFndMAKw?si=IBIPwJXulzXKjRL-> (дата обращения: 17.04.2024).
32. Юлия Савичева. Девочка (Премьера трека 2024). SavichevaMusic. 16 февраля 2024 г. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/hu4Zf_lbAE8?si=1abD3tpeNsfMxs_i (дата обращения: 17.04.2024).
33. ёшшка. Виртуальная я (feat. Jennie Moz-Art). ёшшка. 15 декабря 2023 г. [YouTube Music]. — URL: https://music.youtube.com/watch?v=S1assh18Lwc&list=OLAK5uy_kTRYgWU0ldfJpNzl8rUPVgS6Fix9fcfxU (дата обращения: 17.04.2024).

REFERENCES

1. *Frlinger D.* Chto takoe generativniy iskusstvenniy intellekt? (in Russ.). What is general artificial intelligence? // BIT. Business & Informationsniye Technologii. 2023. No 2(125). P. 32–35.
2. Bol'she, chem obuchenie // Universitetskaya kniga. 2023. No 10. S. 16–19. — EDN ROVDYB.
3. Mezhdunarodnaya konferentsiya "Teorii i praktiki iskusstva i dizaina: sociokul'turniye, politicheskiye i ekonomicheskkiye konteksti". Sektsiya "Mediiskusstvo v kontekste noveyshikh tehnologiy". Moderator: Stanislav Milovidov (in Russ.). International conference "Theories and practices of arts and design: sociocultural, political and economic contexts". Sect. "Media art in the context of new technologies". April, 11, 2024, M., HSE Creative Hub. — URL: <https://design.hse.ru/news/3199#program>
4. Mezhdunarodnaya konferentsiya "Teorii i praktiki iskusstva i dizaina: sociokul'turniye, politicheskiye i ekonomicheskkiye konteksti". Krugliy stol "Neyrosetevoy povorot v populyarnoy muzyke: vozmozhnosti i vizovy". Moderator: Evgeniya Evpak (in Russ.). International conference "Theories and practices of arts and design: sociocultural, political and economic contexts". Round table "Generative neural transition in popular music: opportunities and challenges". April, 12, 2024. M., HSE Creative Hub. — URL: <https://design.hse.ru/news/3199>
5. IV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "AUTHOR-2024" (in Russ.). IV International research-and-practical conference "AUTHOR-2024" / Mezhdunarodniynauchno-obrazovatel'niy tsentr "Kafedra UNESCO po avtorskomu pravu, smezhnim, kul'turnim i informatsionnim pravam". Meropriyatiya. IV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "AUTHOR-2024. 18-19, April, 2024. Moscow.
6. Wikipedia. Monetizatsiya (in Russ.). — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Monetizatsiya> (Access date: 24.03.2024).
7. Volkov D.P. Endorsing v muzykal'noy industrii (in Russ.). Enroring in the music industry // EKONOMIKA, BIZNES, INNOVATSII: sb. statey Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 chastyah. Penza, 5 January, 2018. Vol. 1. Ch. 1. Penza: Nauka i Prosvescheniy (IP Gulyayev G.Y.), 2018. S. 107–109.
8. Arefiyeva A.I. Vliyaniye mediatekhnologiy na vyrazheniye zritel'skoy loyali'nosti mezhdunarodnogo konkursa "Eurovideniye" (in Russ.). Influence of media technologies on reflection of viewers' loyalty towards "Eurovision" international song contest // Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye. 2021. No 47. S. 1354–1362.
9. Iglamova A.A. Muzykal'noye ispolnitel'stvo v referentsiyakh nachala XXI veka (in Russ.). Music performance in references of the beginning of the 21st century // Teatr XXI veka i vizovy novogo vremeni: materialy mezhdunarodniy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyaschonnoy 110-letiyu tatarskogo teatra, Kazan, 22, December, 2016. Kazan: Institut yazika, literaturi i iskusstva imeni G. Ibragimova, 2016. P. 242–249.
10. West P.M., Brockett P.L., Golden L.L. A Comparative Analysis of Neural Networks and Statistical Methods for Predicting Consumer Choice // Marketing Science. 1997. Vol. 16(4). P. 370–391. — URL: <http://www.jstor.org/stable/184232>
11. Ramon A. Gruppa Cream Soda vypustili klip, sgenerirovanniy neyrosetyu (in Russ.). Cream Soda music band released a music video generated by neural network // 23, April, 2021. Metro, Saint Petersburg [Online source]. — URL: <https://www.metronews.ru/visual/video/reviews/gruppa-cream-soda-vypustili-klip-sgenerirovanny-neyrosetyu-1781741/> (access date: 24.03.2024).
12. Cream Soda — Melankholiya (Premiera klipa, 2021). Cream Soda. YouTube [music video]. — URL: https://youtu.be/sG_xXogxYUc?si=OM4r0NOI5c3cEwtq (access date: 24.03.2024).
13. Cream Soda vypustili klip "Melankholiya". Ego napisala neyroset'. Pravila Zhizni. Kul'tura i razvlecheniya (in Russ.). Cream Soda released the music video "Melankholiya". It was generated by a neural network. 22.04.2021 // Pravila Zhizni [Online source]. — URL: <https://www.pravilamag.ru/news/culture-and-entertainment/22-04-2021/257563-cream-soda-vypustili-klip-melanholiya-ego-napisala-neyroset/> (access date: 25.03.2024).
14. Jeremy Norman's HistoryofInformation.com. The First Illustrated Song, First Step towards the Music Video // HistoryofInformation.com [Online source]. —

- URL: <https://www.historyofinformation.com/detail.php?id=3990> (access date: May, 10, 2024).
15. V First Fully AI Music Video Released // *drmlktruck*, November, 25, 2023. *Gretsch-talk.com* [Online forum]. — URL: <https://www.gretsch-talk.com/threads/first-fully-ai-music-video-released.223806/> (access date: May, 10, 2024).
 16. Song “Betrayed by this Town” — Anna Indiana (AI) Artificial Intelligence // *A1-ECR Big Data Analytics*, 24, November, 2023. [YouTube video]. — URL: <https://youtu.be/3T175LTQFfw?si=XhTgUsZDE4o28jCS> (access date: May, 10, 2024).
 17. SEVENTEEN. “MAESTRO”. Official Teaser 1 // *HYBE Labels*. [YouTube video]. 24, April, 2024. — URL: <https://youtu.be/rOK790-wRhk?si=Sr8tze6-ORT8uqDb> (access date: 11, May, 2024).
 18. RIIIZE. “Impossible” AI Generated Visualizer // *RIIZE* [YouTube video]. 23, April, 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=PAMS2-BjLYM&ab_channel=RIIZE (access date: 11, May, 2024).
 19. Washed Out — The Hardest Part (Official Video). // *Washed Out* [YouTube video]. 2, May, 2024. URL: <https://youtu.be/-Nb-M1GAOX8?si=bAM4JoePMOeQ9Xtr> (access date: 11, May, 2024).
 20. *Chatzimparmpas A., Martins R.M., Jusufi I., Kerren A.* A survey of surveys on the use of visualization for interpreting machine learning models // *Information Visualization*. 2020. Vol. 19(3). P. 207–233.
 21. *Deng J, Dong W, Socher R. et al.* ImageNet: a large-scale hierarchical image database // *Proceedings of the 2009 IEEE conference on computer vision and pattern recognition*, Miami, FL, 20–25 June 2009, P. 248–255. New York: IEEE. — Cit. po: *Chatzimparmpas A., Martins R.M., Jusufi I., Kerren A.* A survey of surveys on the use of visualization for interpreting machine learning models // *Information Visualization*. 2020. Vol. 19(3). P. 207–233.
 22. GK RF Statya 1300. Informatsiya ob avtorskom prave. Grazhdanskiy Kodeks Rossiyskoy Federatsii (Chast’ chetvertaya) ot 18.12.2006 No 230 FZ red. ot 30.01.2024 (in Russ.) Civil Code of Russian Federation. Article 1300. Information about copyright // *Informatsionnaya sistema “Konsul’tant Plus”* [Online source]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/510639c114afe9742a1114add641bb1ce4dd8352/#dst100502 (access date: 25.04.2024).
 23. Jennie Moz-Art & Al. Yoshkin Kot (Ofitsial’noye lirik-video). (in Russ.) Jennie Moz-Art & Al. Yoshkin Kot (Official lyric video) // *Jennie Moz-Art Official* [YouTube]. 29, August, 2023. — URL: <https://youtu.be/NaKh-wJOhK0?si=mKS49QZReX4syp8V> (access date: 12, April, 2024).
 24. Jennie Moz-Art & Al. Yoshkin Kot (retro) (in Russ.) Jennie Moz-Art & Al. Yoshkin Kot (retro style) // *Jennie Moz-Art Official* [YouTube]. 29, August, 2023. — URL: <https://youtu.be/FF7dU0OUHZk?si=a9bu6k3DzR50-rNo> (access date: 12, April, 2024).
 25. Jennie Moz-Art. Yoshkin Kot (novogodniy) (in Russ.). Jennie Moz-Art. Yoshkin Kot (New Year version) // *Jennie Moz-Art Official* [YouTube]. 25, December, 2023. — URL: <https://youtu.be/Sp42-JRtW9U?si=j06GUwBFyszZ2WaR> (access date: 12, April, 2024).
 26. W&V. Ved’ma i vampiry (mul’t) (in Russ.). W&V. Witch and Vamps (AI-cartoon) // *Witch and Vamps*. [YouTube]. 12, February, 2024. — URL: <https://youtu.be/24rh051ks5c?si=2lZctS4Dez8ZM-Ce> (access date: 12, April, 2024).
 27. W&V. Sweater oversize (mul’t) (in Russ.). W&V. Sweater oversize (AI-cartoon) // *Witch and Vamps*. [YouTube]. 12, February, 2024. — URL: <https://youtu.be/F2OD-t2eOsQ?si=FkJgUjWGmO7G2w8j> (access date: 12, April, 2024).
 28. W&V. Tango Inferno (mul’t) (in Russ.). W&V. Tango Inferno (AI-cartoon) // *Witch and Vamps*. [YouTube]. 12, February, 2024. — URL: <https://youtu.be/ZEE8zypiy9Q?si=yphs3nkEtZ7rTODB> (access date: 12, April, 2024).
 29. W&V. Vetra (mul’t) (in Russ.). W&V. The Winds (AI-cartoon) // *Witch and Vamps*. [YouTube]. 12, February, 2024. — URL: https://youtu.be/5E74MWbeSIO?si=jnL MppLHR_9ptiAv (access date: 12, April, 2024).
 30. Jennie Moz-Art. Melodiya tvoei dushi (Kandinsky Visualization, 2024) (in Russ.). Jennie Moz-Art. The Melody of Your Soul // *Jennie Moz-Art Official* [YouTube]. 23, February, 2024. — URL: <https://youtu.be/ZAWpT75cPvg?si=DcGulrO6UVTF87VR> (access date: 12, April, 2024).
 31. YOSHSKA. Virtual’naya ya. (in Russ.). YOSHSKA. Virtual me // *YOSHSKA* (theme). Provided to YouTube by Media Sharks. 13, December, 2023. — URL: <https://youtu.be/S1assh18Lwc?si=Zv4rdfBKmPPcqkFS> (access date: 7, May, 2024).
 32. YOSHSKA. Virtual’naya ya (singl, 2023). (in Russ.). YOSHSKA. Virtual me. (Single, 2023) // *Media Sharks* [YouTube channel]. 14, December, 2023. — URL: https://youtu.be/_F5lCe5zWJg?si=3iFFVC8gSU4Q7bmT (access date: 7, May, 2024).
 33. W&V. Ved’ma i vampiry (мульти) // *Witch&Vamps* [YouTube-канал]. 12 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/24rh051ks5c?si=6fdb3KYy54aDSLl> (access date: 7 мая 2024 г.)
 34. W&V. Ved’ma i vampiry (Live rehearsals) (in Russ.). W&V. Witch and Vamps (Live

- rehearsal) // Witch&Vamps [YouTube-канал]. 26, February, 2024. — URL: <https://youtu.be/vBSHutRVWiQ?si=uNsTsk4HBlym0Nhd> (access date: 7, May, 2024).
35. Jennie Moz-Art. Ya uedu zhit' v sviter (Lyric video) (in Russ.). Jennie Moz-Art. I'm leaving for sweater (Lyric video) // Jennie Moz-Art Official [YouTube channel]. 30, March, 2023. — URL: https://youtu.be/YJ6pPMQcwpQ?si=oEN_wwDk_A6xEkxZ (access date: 7, May, 2024).
36. W&V. Sweater oversize (mul't) (in Russ.). W&V. Sweater oversize (AI-cartoon) // Witch&Vamps [YouTube channel]. 12, February, 2024. — URL: <https://youtu.be/F2OD-t2eOsQ?si=OWshfkq6-m27f0fH> (access date: 7, May, 2024).
37. Jennie Moz-Art. Melodiya tvoei dushi (single). (in Russ.). Jennie Moz-Art. Melody of Your Soul (Single) // Jennie Moz-Art Official [YouTube channel]. 28, April, 2022. — URL: <https://youtu.be/qVdXIGNJ1-g?si=buF5nenmUdP9pvSx> (access date: 7, May, 2024).
38. Jennie Moz-Art. Melodiya tvoei dushi (Kandinsky visualisation, 2024) // Jennie Moz-Art Official [YouTube-канал]. 23 февраля 2024 г. — URL: <https://youtu.be/ZAWpT75cPvg?si=INdGMdMB5rOW9ar7> (access date: 7 мая 2024 г.).
39. EShShKA. Virtual'naya ya (singl, 2023) // Media Sharks [YouTube-канал]. 14 dec. 2023 г. — URL: https://youtu.be/_F5lCe5zWJg?si=3iFFVC8gSU4Q7bmT (там же).
40. Guryanov V., Evpak E. Otsenite eksperimental'niy klip, sozdanniy chelovekom i neyrosetyami? (in Russ.). Evaluate the experimental music video created by human being and generative neural networks? // Vladimir Guryanov, Evgeniya Evpak [online questionnaire]. 5, December, 2023. — URL: <https://forms.gle/QVjWBBQwdnRMCf146> (access date: 7, May, 2024).
41. Guryanov V., Evpak E. Otsenite sleduyushiy eksperimental'niy klip, sozsanniy chelovekom i neyrosetyami (in Russ.). Evaluate the next one experimental music video created by human being and generative neural networks // Vladimir Guryanov, Evgeniya Evpak [online questionnaire]. 19, March, 2024. URL: <https://forms.gle/ihkctZ46E6ewSjV6A> (access date: 7, May, 2024).
42. Guryanov V., Evpak E. Otsenite esho odin eksperimental'niy klip, sozdanniy chelovekom i neyrosetyami (in Russ.). Evaluate one more experimental music video created by human being and generative neural networks // Vladimir Guryanov, Evgeniya Evpak [online questionnaire]. 14, February, 2024. — URL: <https://forms.gle/N2y3bJ5dARY8wJNS6> (access date: 7, May, 2024).
43. Kinoproba gorod (in Russ.). "City" filming take // Il tupit! Mucheniya virtual'nogo rezhissera s neyrosetevimi aktyorami. Media Sharks [YouTube video]. 21, April, 2024. — URL: <https://youtu.be/y87Yd6e29Pk?si=EOwynFlspC4gK9Ju> (access date: 11.05.2024).
44. Kinoproba sloni 00 (in Russ.). "Elephants 00" filming take // Il tupit! Mucheniya virtual'nogo rezhissera s neyrosetevimi aktyorami. Media Sharks [YouTube video]. 21, April, 2024. — URL: <https://youtu.be/qK1Fd9vVJHl?si=X09tfZ2d2CaRUi6E> (access date: 11.05.2024).
45. Kinoproba Hloya rusalka (in Russ.). "Chloe the mermaid" filming take // Il tupit! Mucheniya virtual'nogo rezhissera s neyrosetevimi aktyorami. Media Sharks [YouTube video]. 21, April, 2024. — URL: <https://youtu.be/VYYDYS7plK4?si=7vVlpY5CdDbx9Qs0> (access date: 11.05.2024).
46. Kinoproba muha 00 (in Russ.). "Fly" filming take // Il tupit! Mucheniya virtual'nogo rezhissera s neyrosetevimi aktyorami. Media Sharks [YouTube video]. 21, April, 2024. — URL: <https://youtu.be/-mQRBDANBuA?si=1vdJSRleONdA6Qjs> (access date: 11.05.2024).
47. Proba ved'my 4.2. (in Russ.). "Witch 4.2." filming take // Il tupit! Mucheniya virtual'nogo rezhissera s neyrosetevimi aktyorami. Media Sharks [YouTube video]. 28, April, 2024. — URL: https://youtu.be/HOuCqa0rCDo?si=0vzGNN5DvXUmVMY_ (access date: 11.05.2024).
48. Kinoproba yozhiki 2 (in Russ.). "Hedgehogs 2" filming take // Il tupit! Mucheniya virtual'nogo rezhissera s neyrosetevimi aktyorami. Media Sharks [YouTube video]. 3, May, 2024. — URL: <https://youtu.be/1fTOqH3PTds?si=vnIqDF1s50m8HTOZ> (access date: 11.05.2024).
49. Sinopsis trillera "Yoshkin kot" (in Russ.). "Yoshka's Cat" Thriller Synopsis // Il tupit! Mucheniya virtual'nogo rezhissera s neyrosetevimi aktyorami. Media Sharks [YouTube video]. 3, May, 2024. — URL: https://youtu.be/uOvRwsdSvzl?si=TworWTz9iwri_w_m (access date: 11.05.2024).
50. Yoshkin merch (in Russ.). Yoshka's merch // Il tupit! Mucheniya virtual'nogo rezhissera s neyrosetevimi aktyorami. [YouTube video]. 11, May, 2024. — URL: <https://youtu.be/6BxRCx--6o0?si=o7KrTYoOKDjLKpyy> (access date: 11.05.2024).
51. Dohodi s YouTube: skol'ko mozno zarabotai'? (in Russ.). YouTube profit: how much can one earn? // UpSound [Online source]. — URL: <https://we.upsound.org/youtubecash> (access date: 11, May, 2024).

List of analyzed case-studies with AI-generated music videos of the artists (created before Sora AI):

1. Ai music video — Kids with Guns — Gorillaz. Ben Gillin. 01.12.2023 [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/>

- SbNSNi90yWc?si=pkWak29uXfYhr7bV (access date: 17.04.2024).
2. Cream Soda. MELANCHOLIA (Live @ Radio ENERGY). Radio ENERGY. 23, April, 2021. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/fqNSXZLz48E?si=PxPu7eYaV3IA_jWE (access date: 17.04.2024).
 3. Cream Soda. Melanholiya (Premyera klipa 2021). (in Russ.). Cream Soda. Melankholy. (Music video prime show, 2021). CREAM SODA. 23, April, 2021. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/sG_xXogxYUc?si=1wUzuqCVZzPkvUUE (access date: 17.04.2024).
 4. Deep Purple. Child In Time 2022, (Lyrically) AI-illustrated. Soldesign72. 9, October, 2022. [YouTube]. URL: https://youtu.be/v-T_GOR8_do?si=_s-BGrjKyalZ9CqX (access date: 17.04.2024).
 5. Deep Purple. Child in Time — Live (1970). Deep Purple Official. 26, May, 2010. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/OorZcOzNcgE?si=-elj0UvUy8cfX1V> (access date: 17.04.2024).
 6. Deep Purple. Smoke On the Water (Official Music Video). Deep Purple Official. 1, March, 2024. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/Q2FzZSBD5LE?si=H4FL6clFSiRdX60z> (access date: 17.04.2024).
 7. Deep Purple. Smoke on the Water Live (1973, New York). Deep Purple Official. 9, May, 2010. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/0WpKpcEORxo?si=W4Mu9PxiqF-j69S-> (access date: 17.04.2024).
 8. Gorillaz. Kids with Guns. Gorillaz. 14, January, 2010. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/VCKfSe3voRc?si=JCKu0dqE0iDNUWRW> (access date: 17.04.2024).
 9. Jennie Moz-Art. Yoshkin Kot (novogodniy) (in Russ.). Jennie Moz-Art. Yoshkin Kot (New Year version) // Jennie Moz-Art Official [YouTube]. 25, December, 2023. — URL: <https://youtu.be/Sp42-JRtW9U?si=j06GUwBFyszZ2WaR> (access date: 17, April, 2024).
 10. Jennie Moz-Art. Letahushiye objekti (2017). Yoshkin Kot (Bonus Track) (in Russ.). Jennie Moz-Art. Flying objects (2017). Yoshka's Cat (Bonus Track). 1, December, 2017. [YouTube Music]. — URL: <https://music.youtube.com/watch?v=DUuVDpXNBJQ> (access date: 17.04.2024).
 11. Melodiya tvoei dushi (single) (in Russ.). Jennie Moz-Art. Melody of Your Soul (Single) // Jennie Moz-Art Official [YouTube channel]. 28, April, 2022. — URL: <https://youtu.be/qVdXIGNJ1-g?si=WCFnJKD8ISg7pGy> (access date: 17.04.2024).
 12. Jennie Moz-Art. Melodiya tvoei dushi (Kandinsky Visualization, 2024). (in Russ.). Jennie Moz-Art. The Melody of Your Soul // Jennie Moz-Art Official [YouTube]. 23, February, 2024. — URL: <https://youtu.be/ZAWpT75cPvg?si=uLN88fiF1rM3DYpr> (access date: 17.04.2024).
 13. Jennie Moz-Art & AI. Yoshkin Kot (Ofitsial'noye lirik-video) (in Russ.). Jennie Moz-Art & AI. Yoshkin Kot (Official lyric video) // Jennie Moz-Art Official [YouTube]. 29, August, 2023. — URL: <https://youtu.be/NaKh-wjOhK0?si=mKS49QZReX4syp8V> (access date: 12, April, 2024).
 14. Jennie Moz-Art & AI. Yoshkin Kot (retro). (in Russ.). Jennie Moz-Art & AI. Yoshkin Kot (retro style) // Jennie Moz-Art Official [YouTube]. 29, August, 2023. — URL: <https://youtu.be/FF7dUOOUHk?si=a9bu6k3DzR50-rNo> (Access date: 12, April, 2024).
 15. W&V. Ved'ma i vampiry (live rehearsal) (in Russ.). W&V. Witch and Vamps (live rehearsal). Witch and Vamps. 26, February, 2024. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/vBShutRVWiQ?si=za83X5TQ-Y-GUR-4> (access date: 17.04.2024).
 16. W&V. Ved'ma i vampiry (mul't) (in Russ.). W&V. Witch and Vamps (AI-cartoon) // Witch and Vamps. [YouTube]. 12, February, 2024. — URL: <https://youtu.be/24rh051ks5c?si=2IZctS4Dez8ZM-Ce> (access date: 12, April, 2024).
 17. W&V. Vetra (2024) (in Russ.). W&V. The Winds (2024). Witch and Vamps. 9, February, 2024. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/R62WL8_C1Ms?si=8UH3924IFhRE8Lar (access date: 17.04.2024).
 18. W&V. Vetra (mul't) (in Russ.). W&V. The Winds (AI-cartoon) // Witch and Vamps. [YouTube]. 12, February, 2024. — URL: https://youtu.be/5E74MWbeSI0?si=jnLmPpLHR_9ptiAv (access date: 17, April, 2024).
 19. W&V. Sweater oversize (live rehearsal). Witch and Vamps. 19, February, 2024. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/0puAgm5q8bl?si=PwKkaDzOPPqkrci2> (access date: 17.04.2024).
 20. W&V. Sweater oversize (mul't) (in Russ.). W&V. Sweater oversize (AI-cartoon) // Witch&Vamps [YouTube channel]. 12, February, 2024. URL: <https://youtu.be/F2OD-t2eOsQ?si=OWshfkq6-m27f0fH> (access date: 7, May, 2024).
 21. W&V. Tango inferno (al'bom "Otrazheniya"). W&V (tema) (in Russ.). W&V. Tango Inferno ("Otrazheniya" album). W&V (theme). 13, February, 2024. [YouTube Music]. — URL: https://youtu.be/g4CmV-GdcVY?si=rXruqLUmOruS_wyl (Access date: 17.04.2024).
 22. W&V. Tango Inferno (mul't). (in Russ.). W&V. Tango Inferno (AI-cartoon) // Witch and Vamps. [YouTube]. 12, February, 2024. — URL: <https://youtu.be/ZEE8zypiy9Q?si=yphs3nkEtZ7rTODB> (access date: 17, April, 2024).
 23. Korol' i Shut. Kamnem po golove (Live) Na krayu. Casino Gunes ve Ay (in Russ.). King and Joker. Stone on

- the Head (Live). At the Edge. Casino Gunes ve Ay. 22, January, 2015. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/ksRJWylqp5I?si=KVzeGhM0VDdMXlza> (access date: 17.04.2024).
24. Korol' i Shut. Kamnem po golove narisovanniy neyrosetyu (in Russ.). King and Joker. Stone on the Head drawn by AI. Narisovano Neyrosetyu. 24, March, 2023. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/II97GC5ks7k?si=0lrvVrvS06c-MIzH> (access date: 17.04.2024).
25. Korol' i Shut. Kukla kolduna (HD) (in Russ.). King and Joker. Magician's Doll. Lex Luthor. 27, August, 2013. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/Nj6aM9ljdQU?si=5_MZ15itlMmJNLY1 (access date: 17.04.2024).
26. Korol' i Shut. Kukla kolduna (Neiroset') (in Russ.). King and Joker. Magician's Doll (AI). Neural-madness. 30, January, 2023. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/L2Sbi3_vnsU?si=dMLE76yYXKy5abPy (access date: 17.04.2024).
27. Neiroset' risuet klip Sektor Gaza — Mumiya (in Russ.). Neural network draws the AI music video for Sector Gaza's song "Mumy". Neural-madness. 2, October, 2023. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/FmdZEOT_J-w?si=LrszE0craRMIGxdx (access date: 17.04.2024).
28. Sektor Gaza. MUMIYA (in Russ.). Sektor Gaza. MUMY. Odes90. 6, October, 2009. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/TuXjea8Q5wc?si=LeHHPbh_Hs0gM3PR (access date: 17.04.2024).
29. Sektor Gaza. Tvoy zvonok. (in Russ.). Sektor Gaza. Your call. Bad Style. 6, August, 2018. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/cXhPRJw-9Ek?si=bLpXhRE8PYII2G8f> (access date: 17.04.2024).
30. Sektor Gaza. Tvoy zvonok (novaya neyroset') (in Russ.). Sektor Gaza. Your call (new AI). Neural-madness. 10, October, 2023. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/2xBthFqb_2w?si=Zuv8iMsBfIOJITe1 (access date: 17.04.2024).
31. Yuliya Savicheva. Devochka (Mood Video) (in Russ.). Yuliya Savicheva. The Girl. (Mood Video). SavichevaMusic. 13, March, 2024. [YouTube]. — URL: <https://youtu.be/d0UTFndMAKw?si=IBIPwJXulzXKjRL-> (access date: 17.04.2024).
32. Yuliya Savicheva. Devochka (Premyera treka 2024) (in Russ.). Yuliya Savicheva. The Girl. (Prime play of the track release). Savicheva Music. 16, February, 2024. [YouTube]. — URL: https://youtu.be/hu4Zf_lbAE8?si=1abD3tpeNsfMsx_i (access date: 17.04.2024).
33. YOSHSKA. Virtual'naya ya (feat. Jennie Moz-Art). (in Russ.). YOSHSKA. Virtual me (feat. Jennie Moz-Art). YOSHSKA. 15, December, 2023. [YouTube Music]. — URL: https://music.youtube.com/watch?v=S1assh18Lwc&list=OLAK5uy_kTRYgWU0ldfjPnzl8rUPVgS6Fix9fcfxU (access date: 17.04.2024).

ЕЩЕ РАЗ О ПРАВАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ И ВЕЩНЫХ. ТАК ЛИ НЕПРЕОДОЛИМА РАЗДЕЛЯЮЩАЯ ИХ ГРАНЬ? ONCE AGAIN ABOUT INTELLECTUAL AND PROPERTY RIGHTS. IS THE LINE SEPARATING THEM SO INSURMOUNTABLE?

Елена Ивановна КАМИНСКАЯ

Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия,
e.i.kaminskaya@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-5856-4832

Александр Александрович ЩЕРБАКОВ

Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия,
shcherbakov.mgimo@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0003-4782-7630

Информация об авторах

Е.И. Каминская — доцент кафедры международного частного и гражданского права имени С.Н. Лебедева МГИМО МИД России, кандидат юридических наук

А.А. Щербаков — старший преподаватель кафедры международного частного и гражданского права имени С.Н. Лебедева МГИМО МИД России, кандидат юридических наук

Аннотация. Несмотря на прямое законодательное противопоставление интеллектуальных и вещных прав, как в доктрине, так и в практике авторского права можно иногда наблюдать случаи обращения к моде-ли собственности (которая отражает краеугольную идею авторского права — монопольный характер прав, признаваемых за автором). Гражданский кодекс РФ предусматривает такие исключения для ситуации отчуждения оригинала произведения его собственником — обладателем вторичных исключительных прав. Материальный носитель имеет значение для реализации определенных схем использования или ограничения авторских прав.

Интеллектуальное право неоправданно вмешивается в сферу имущественных прав, когда вещь фактически теряет значительную часть своего функционала

- и соответственно стоимости в ситуации, когда обладатель исключительных прав «отключает» вещь от своей поддержки. Для достижения баланса отношений между собственником и обладателем интеллектуальных прав в случаях, когда последний имеет явное преимущество, можно использовать нормы как публичного (например, в сфере антимонопольного регулирования), так и частного права (с учетом особенностей отношений с участием потребителей или вещно-правовых способов защиты).

- **Ключевые слова:** авторское право, проприетарность, право собственности, произведения, презумпции, форма выражения, творчество, свободное использование, функционал

- **Для цитирования:** Каминская Е.И., Щербаков А.А. Еще раз о правах интеллектуальных и вещных. Так ли непреодолима разделяющая их грань? // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 123–132; DOI: 10.17323/tis.2024.23976

- **Elena Ivanovna KAMINSKAYA**
MGIMO-University, Moscow, Russia,
e.i.kaminskaya@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-5856-4832

- **Aleksandr Aleksandrovitch SHCHERBAKOV**
MGIMO-University, Moscow, Russia,
shcherbakov.mgimo@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0003-4782-7630

- **Information about the authors**
E.I. Kaminskaya — Associate Professor at Private International and Civil Law Department of MGIMO-University, Candidate of Legal Sciences

A.A. Shcherbakov — Senior Lecturer at Private International and Civil Law Department of MGIMO-University, Candidate of Legal Sciences

Abstract. The idea of referring to proprietary model pops up both in doctrine and in practice of copyright. The right of ownership reflects the cornerstone idea of copyright — the monopoly nature of the rights recognized for the author. The Russian Civil Code provides such exceptions for the situation of alienation of the original work by its owner — the holder of secondary exclusive rights. Material medium is of importance for the realization of certain schemes of use or limitation of copyright.

Intellectual law unnecessarily interferes in the sphere of property rights when thing actually lose a significant part of its functionality and, accordingly, value in a situation when the copyright holder “disconnects” the thing from its support. To balance the problem of “skewed” relations between the owner and the right holder, when the latter has a clear advantage in its legal position, it is possible to use the norms of both public (for example, in the sphere of antimonopoly regulation) and private law (taking into account the peculiarities of relations involving consumers or in rem methods of protection).

Keywords: copyright law, proprietary model, ownership, works, presumptions, expression, creativity, fair use, functionality

For citation: Kaminskaya E.I., Shcherbakov A.A. Once again about intellectual and property rights. Is the line separating them so insurmountable? // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 51(4) P. 123–132; DOI: 10.17323/tis.2024.23976

ПРОЯВЛЕНИЯ ВЕЩНО-ПРАВОВОЙ КОНСТРУКЦИИ ПРИ АВТОРСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Авторское право еще в самом начале своего формирования принимало в качестве модели регулирования именно собственническую конструкцию. Последняя более чем другие гражданские правоотношения отражала краеугольную идею авторского права — монопольный характер имущественных прав, признаваемых за автором.

Прием конструкционной экономии, о котором говорил А.А. Пиленко применительно как к праву промышленной собственности, так и к авторскому праву [18, с. 590–593], создавал известное удобство, позволяя распространять на существенные элементы регулирования новых отношений уже известные, обкатанные и проверенные временем юридические категории. Метафорически декорируя, по меткому выражению Е.А. Флейшиц, эти новые правоотношения, трафарет собственности с самого начала создавал престиж этих новых правоотношений в глазах как субъектов права, вынужденных считаться со столь сильными правами, так и правоприменителя, предоставляющего защиту таким правам.

Как показало время, авторское право и право интеллектуальной собственности в целом стали все больше отдаляться от своего проприетарного прообраза. Признание за автором специфических неизвестных собственнику правомочий — так называемых моральных (личных неимущественных) прав — безвозвратно увело авторское право в сторону от вещно-правовой конструкции.

Так произошло в первую очередь в странах, принадлежащих к континентальной правовой семье. Но и в англо-американском праве участие в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений [1] заставило «осквернить» отлаженный и цельный по своей природе проприетарный механизм авторско-правовой охраны введением в него до сей поры изолированно и сингулярно применимых средств защиты личных неимущественных интересов автора (моральных прав).

Признание моральных прав знаменовало собой конец архаичной и применимой по инерции проприе-

тарной схемы для выстраивания авторского права как правового института.

Однако сама идея обращения к вещно-правовой модели время от времени всплывает как в доктрине, так и в правоприменительной практике. Мы сконцентрируемся на отечественном праве, которое закладывает в основу регулирования отношений по поводу создания и использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации концепцию интеллектуальных прав — концепцию отнюдь не проприетарную. Тем резительнее контраст отдельных, но заметных проприетарных проявлений с такой общей концептуальной основой.

Пусть такие исключения из правил или аллюзии имеют разовый характер и каждый раз не находят дальнейшего продолжения ни в виде последующих законодательно закрепленных правил, ни в виде создания устойчивой тенденции в практике рассмотрения споров, все же они не могут не привлечь внимания специалистов.

Устанавливая четкое и недвусмысленное правило (носящее принципиальный характер) о разграничении интеллектуальных прав и права собственности в ст. 1227, Гражданский кодекс РФ [2], делая отсылку к абз. 2 п. 1 ст. 1291, предусматривает из него исключение для ситуации отчуждения оригинала произведения его собственником — обладателем вторичных исключительных прав.

Смысл (и механизм применения) общего правила ст. 1227 ГК РФ заключается в том, что законодатель различает объект вещного права (в качестве которого выступает материальный носитель произведения — книга, рукопись, нотная запись, картина и т.п.) и объект интеллектуального (в нашем изложении — конкретно авторского) права. Второй из названных объектов представляет собой нематериальный объект; он лишь воплощен на каком-либо носителе для того, чтобы быть воспринимаемым третьими лицами. (Заметим попутно, что авторским правом могут охраняться и произведения, не закрепленные в какой-либо вещи. Например, устные произведения также охраняются его нормами. Но для целей нашего изложения применительно к российскому праву эти случаи затрагиваться не будут.)

Материальный носитель, таким образом, воплощает сразу два различных объекта, с разным режимом — вещь и идеальный (нематериальный) объект, который может многократно воспроизводиться на носителях, оставаясь одним тем же объектом интеллектуальных прав.

Что касается смысла и целей исключения в абз. 2 п. 1 ст. 1291 из приведенного выше правила, то до конца они не прояснены. В комментариях к части чет-

вертой ГК РФ, составленном разработчиками проекта этой части, говорится лишь о намерении упростить взаимоотношения по использованию произведений и их оригиналов «...в тех случаях, когда нет необходимости охранять интересы автора» (курсив наш. — Авт.) [3, с. 425], что представляется пояснением весьма абстрактным. Так что это исключение, «...создавая презумпцию... единого комплекса прав» [4, с. 233], выступает формальным поводом для ни много ни мало кардинальной перемены режима произведения в пользу вещно-правового. Именно формальным, поскольку обоснованием для установления приоритета вещного права над интеллектуальным (путем поглощения последнего первым) служит лишь то обстоятельство, что материальный носитель в данном случае только один, и он, одновременно с исключительным правом на него, правомерно введен в гражданский оборот.

И то, что это лишь презюмируется (по умолчанию в договоре об ином), сути не меняет: автор — «слабая сторона» в договоре, по сравнению с контрагентом он менее предприимчив и менее информирован о коммерческих последствиях своих действий, и пассивность его при заключении договора обернется против него.

Ситуация, возникающая в результате действия указанной нормы, чрезвычайно напоминает действующее в отношении вещных прав право следования. Только в данном случае за вещь будет следовать исключительное интеллектуальное право.

Разумеется, автор может воспользоваться «своим», авторско-правовым и более узким по смыслу правом следования, закрепленным в ст. 1293. Оно будет работать как раз не против автора, а в его пользу, позволяя ему и его наследникам получать процент от стоимости коммерческой перепродажи произведений изобразительного искусства. Но поглощения правом собственности исключительного права в рассмотренной выше ситуации действия «авторского права следования» отменить или смягчить не сможет.

Контекст, сопровождающий действие исключения абз. 2 п. 1 ст. 1291, включает еще одну правовую схему — так называемое исчерпание прав, предусмотренное ст. 1272 ГК РФ. В этом случае законодательного ограничения авторских прав (так называемого свободного использования авторских произведений) факт правомерного введения в оборот экземпляров (т.е. материальных носителей) произведения лишает автора права контролировать в дальнейшем правовую судьбу материальных носителей. Только материальных носителей, но не самого произведения, поскольку не затрагивает исключительных прав на него.

Итак, мы видим три законодательно закрепленные схемы, в которых вещное право (право собствен-

ности) обуславливает признание за автором дополнительного авторского правомочия (права на отчисления от маржи при продажах), либо ограничивает авторское право (но ограничивает только в части отслеживания материальных носителей, т.е. сводится, по сути, все же к вещным правам на последние), либо — наиболее радикальное правило — подчиняет авторское право режиму вещных прав на оригинал. Нельзя поспорить с тем, что эти положения действуют изолированно друг от друга, самостоятельно и разнонаправленно (то в пользу автора, то против его интересов). Но нельзя не заметить и то, что во всех этих случаях режим авторских прав претерпевает некие изменения под влиянием права собственности на материальный носитель.

Есть и более систематизированная привязка авторских прав — пусть не непосредственно к праву собственности, но к самому объекту вещных прав.

Разумеется, влияние вещных прав на интеллектуальные здесь не прямое, но в конечном счете признание факта охраны по авторскому праву обуславливается наличием объекта именно вещных прав. Иными словами, из факта существования материального носителя (который сам по себе объектом интеллектуальных, в том числе авторских, прав не является — см. общее правило ст. 1227 ГК РФ) законодатель выводит признание факта существования охраноспособного авторского произведения. Мы имеем в виду важнейший канал для либерализации предоставления авторско-правовой охраны в отечественном праве — презумпцию охраноспособности по форме, закрепленную в п. 1 ст. 1259 ГК РФ.

В тексте этой статьи приводится довольно обширный и наглядный (и при этом неисчерпывающий) перечень допустимых форм объективного выражения, т.е. попросту видов материальных носителей. К таким формам относятся, в частности, литературные, драматические и музыкальные произведения, произведения живописи, скульптуры, архитектурные произведения, фотографии, географические карты и т.д. Существующий в одной из перечисленных форм объект автоматически считается «произведением», что в терминологии российского законодателя означает, что он презюмируется охраноспособным. Доказывать, что объект был создан в результате творческой деятельности, автору-истцу не придется (если, конечно, ответчик не оспорит творческий характер деятельности истца). Легко можно представить, насколько данная презумпция облегчит положение в процессе истца и насколько сложно будет ответчику ее оспорить, ведь речь идет именно о деятельности и ее характеристиках, а не о ее результате.

Не будем забывать также о противоречивой фигуре публикатора, введенной в текст части четвертой ГК

(ст. 1337 и последующие). Будучи субъектом смежных прав, публикатор в силу обладания материальным носителем произведения приобретает права, по характеру (если не по срокам) аналогичные авторским (через прямую отсылку к гл. 70).

Цель такого законодательного решения — санация, оживление находящихся в общественном достоянии произведений, не охраняемых ранее авторским правом либо с истекшим сроком охраны. Иногда, правда, в литературе встречается и иное объяснение — намерение законодателя поощрить действия, усилия лица (публикатора) по поиску объектов, соответствующих действующим критериям охраноспособности, но уже перешедших в общественное достояние. Как бы то ни было, основанием приобретения фактически авторских прав в данном случае выступает вещно-правовой режим объекта.

Нелишне отметить, что логика законодателя, так или иначе связывающая во всех приведенных случаях признание прав с вещно-правовым режимом материального носителя, находит, хотя и косвенное (не распространяющееся на факт признания авторских прав), но явно прослеживаемое продолжение. Это видно в акцентировании значения материального носителя для введения или реализации некоторых схем использования или ограничения авторских прав. В частности, некоторые случаи свободного использования либо обосновываются, либо практически сводятся к режиму использования материальных носителей (например, копий книг для библиотек или записей организаций эфирного вещания).

В некоторых случаях, как показывает практика, фактический доступ вторичного правообладателя к экземплярам воспроизведенного произведения и отсутствие такого доступа со стороны автора может затруднить (если не просто обесценить) реализацию автором формально закрепленных за ним правомочий, в частности непередаваемых личных неимущественных правомочий. Повод для возникновения таких трудностей создает режим лекций, прочитанных онлайн, что представляет собой весьма проблематичный с точки зрения баланса интересов сторон случай служебных произведений. Отслеживание дальнейшего перехода имущественных прав и соблюдение своих личных неимущественных прав — вне фактических возможностей автора, что искажает систему авторско-правового регулирования и требует реакции законодателя.

Итак, можно констатировать присутствие в части четвертой ГК РФ разбросанных по тексту гл. 69, 70 и 71 большей частью казуистично сформулированных правил, в соответствии с которыми сами вещные права или объект вещно-правового режима входят в со-

прикосновение с авторскими правами (или соответственно с произведением как их объектом) и так или иначе оказывают на них влияние. Юридино-технически, как мы видели, это облекается в форму презумпций, случаев применения права по аналогии, условий применения ограничительных схем свободного использования.

В целом, перекрестные связи между вещным правом, правами интеллектуальными, произведением как нематериальным объектом и материальным носителем, на котором зафиксировано произведение, но который сам по себе подпадает под вещно-правовой режим, отражают акцентируемую Е.А. Сухановым идею о проявлении в материальных (*res corporales*) и нематериальных (*res incorporales*) вещах *прав*. Соответственно вторая из названных категорий вещей — *res incorporales* — сводится к правам, которые не могут быть вещными [17, с. 72–73]. С этой точки зрения рассмотренные выше случаи влияния материальных объектов на признание и ограничение авторских *правомочий* вполне укладываются в поставленную нами задачу сопоставления вещных и интеллектуальных правоотношений.

Теперь обратим взгляд внутрь правоотношения для прояснения той специфической связи, которая складывается между объектом и правообладателем. О наличии такой связи в вещном правоотношении писал И.А. Покровский [16, с. 192], а для авторского права она имеет особое значение — и складывается при этом более сложно. В самом деле, в действующем российском праве охраноспособность *объекта* и возникновение прав на него устанавливаются, по общему правилу, через доказывание определенного (а именно творческого) характера действий *субъекта* (ст. 1257 и 1255). Применение этого правила, как говорилось выше, на практике упрощается действием закрепленной в ст. 1229 презумпции охраноспособности по форме. Но суть подхода к предоставлению авторско-правовой охраны по ГК не меняется: для предоставления такой охраны необходимо наличие личного вклада, проявление личности автора в ходе создания произведения.

В этой связи проследим эмпирически проявляющееся тяготение правоприменительной практики к вещно-правовым конструкциям и к применению вещно-правовых критериев при рассмотрении авторско-правовых споров. Речь здесь пойдет не просто о «коммерциализации» авторского права, защите в первую очередь имущественных интересов авторов как направленности правоприменения, заданного частью четвертой ГК РФ [15, с. 591]. Мы имеем в виду случаи именно вещно-правовых интрузий. Насколько они уместны и обоснованы, сейчас увидим.

В силу неудобной для доказывания формулировки сущностного критерия охраноспособности в ст. 1227 (творческий характер *деятельности*) российские суды, естественно, пытаются этот критерий приспособить к использованию и упростить, во многих случаях сводя его к творческому характеру *объекта*. Очевидно, как следствие такого подхода в аргументации вывода суда о наличии или отсутствии авторско-правовой охраны порой можно увидеть ссылки на безразличные для авторского права обстоятельства. В частности, в деле об использовании ответчиком так называемой производственной библии формата телевизионной программы (закрепляющей сюжет и последовательность действий, а также образы действующих лиц) [8] суд связал свой вывод об отсутствии авторско-правовой охраны с практикой их несанкционированного «повсеместного использования» на телевидении. Подобная аргументация весьма напоминает описание признаков завладения бесхозным имуществом. Для авторского же права она является чужеродной.

Происходящие квалификационные сбои в судебной практике включают в себя также многочисленные случаи ошибочного применения к отношениям по использованию авторских произведений норм о купле-продаже [9, с. 70, 78–79]. Это касалось таких произведений, как литературные и фотографические, программы для ЭВМ, авторские описания проекта создания рок-группы и т.д.

В ходе такой аргументации прослеживались ссылки суда на отсутствие доступа истца к материальному носителю произведения (в данном случае фотографий, хранящихся у работодателя — ИТАР-ТАСС) как на достаточное, по мнению суда, обоснование вывода о невозможности заключить договор. Тем самым привлекался аргумент вещно-правовой, по сути, относящийся к передаче владения. Разумеется, *traditio* для целей определения факта и момента перехода исключительных прав рассматриваться не может.

Имели место случаи привязки сторонами в договоре момента передачи исключительных прав на произведение к моменту «фактической передачи произведения», что послужило причиной возникновения спора относительно возможности направления электронной версии в качестве допустимого способа такой передачи. Указанное действие в целом квалифицировалось судом как относящееся к объекту авторских прав, что следует считать ошибочным. Суд в данном случае фактически разрешал иной вопрос, а именно вопрос о способе доведения произведения до сведения ответчика. Здесь прослеживается необоснованное отождествление судом объекта авторских прав (произведения, в данном случае сценария для будущего аудиовизуального произведения) с его ма-

териальным носителем. И опять-таки обсуждались признаки традиции, что к авторскому произведению (нематериальному объекту) неприменимо [10].

Перенос вещно-правовых характеристик на авторско-правовые отношения прослеживался и при расчете судами размера так называемой альтернативной компенсации. Последняя применяется на основании общего положения п. 3 ст. 1252 и специальной нормы ст. 1301, относящейся к защите авторских прав. Напомним, что речь идет о льготном для автора способе расчета убытков, при котором автор освобождается от необходимости доказывания их размера.

История применения этой санкции в российском праве необычна. Альтернативная компенсация претерпела диаметрально противоположные варианты квалификации, правовая природа ее толковалась по-разному, так же как не было единства во взглядах по поводу ее оснований и компенсаторности. В конечном счете она подверглась фактической переквалификации Конституционным Судом РФ [7] в качестве штрафной санкции, преследующей в том числе публичные цели (в частности, выполняющей функцию превенции нарушений).

Но до этого в ходе применения блуждающих квалификаций наблюдались — что, собственно, нас сейчас интересует — попытки придания данной санкции скорее вещных характеристик. Это как раз то, что уводило альтернативную компенсацию в сторону от вины как от основания применения и от компенсаторности, но в сторону не публично-правовую.

В частности, наблюдались попытки судов заложить в основу расчета размера компенсации число объектов, авторские права на которые были нарушены, либо число правообладателей (чисто арифметический расчет, не отражающий ни характера нарушения, ни его последствий). Оставляло желать лучшего решение судами на практике вопроса о том, как следует рассчитывать размер компенсации при наличии соавторства (защищать исключительные права каждого из соавторов или же исходить из количества фактически совершенных правонарушений).

Наконец, приведем пример уже сугубо доктринальной предрасположенности к вещно-правовому решению проблем, связанных с созданием и использованием объектов интеллектуальных прав.

Проблема определения первичного правообладателя (и соответственно поиск института интеллектуальной собственности, в рамках которого следует искать релевантный статус для такого правообладателя) — одна из ключевых проблем, встающих при разработке режима охраны произведений, «созданных» искусственным интеллектом. В качестве критерия охраны произведений искусственного интеллекта

(и критерия поиска первичного правообладателя) в доктрине выдвигается помимо прочего не что иное, как «портфельный критерий».

Принадлежность какому-либо лицу основного комплекса оборудования на праве собственности должна, по мнению участников дискуссии, служить главным критерием для предоставления охраны.

Отдавая себе отчет в том, что указанный критерий, несомненно, выбивается из рамок классического авторского права, нельзя не признать, что с его помощью могли бы быть решены многие практические проблемы. Действительно, при работе огромных коллективов над созданием подобных объектов идентификация лиц, внесших ключевой вклад в достижение такого результата, а также отделение различных промежуточных или сосуществующих результатов интеллектуальной деятельности друг от друга, может представлять неразрешимую задачу. Поэтому, даже не будучи закрепленным в законодательном порядке, критерий подобного рода заслуживает особого внимания.

Внимания, но не безоговорочного доверия. Главная опасность указанного подхода (и близость такого пути к обходу закона и злоупотреблению правами) кроется в возможности не только наделить собственника имущественного комплекса правами, но и позволить ему избежать ответственности.

ВЛИЯНИЕ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ВЕЩНОЕ ПРАВО

В вопросе соотношения прав и интересов обладателя вещного права и права интеллектуальной собственности возможна и обратная ситуация, когда правоотношения нуждаются в большей сбалансированности в пользу обладателя вещного права. Особенно ярко это проявляется относительно товаров массового производства, в которых важна так называемая программная составляющая. Полноценное использование по назначению подобного рода вещей практически невозможно или крайне затруднительно без этой программной составляющей, являющейся интеллектуальной собственностью производителя вещи либо вообще третьего лица.

Проблема приобретает все большую актуальность по мере развития научно-технического прогресса и проникновения его в нашу жизнь. Такие повсеместно окружающие нас вещи, как ноутбуки и смартфоны, в отсутствие программного обеспечения полностью утратят все свои функции, ради которых они приобретались, превратившись, по сути, в набор микросхем. Более того, при проектировании устройства есть возможность «привязать» его к работе только с определенным программным обеспечением, т.е. собственник

вещи просто физически не сможет воспользоваться софтом стороннего разработчика, что привязывает его еще больше к обладателю исключительных прав.

Иными словами, при видимой свободе договора и автономии воли в силу достаточно сильной монополизации крупными компаниями мирового рынка технически сложных вещей у пользователя (которым может быть как собственник, так и владелец вещи) порой не остается выбора при покупке условного «железа», свободного от прав компании, разработавшей соответствующий софт.

Логичным следствием является фактическая зависимость пользователя от правообладателя, обусловленная более слабой правовой позицией первого. Соответственно это может вылиться как в более агрессивное вмешательство в права и интересы пользователя со стороны правообладателя в виде полного прекращения поддержки и отключения «железа» от «софта» с вытекающей отсюда практически полной потерей вещью своей стоимости, так и в менее агрессивное: правообладатель предлагает за дополнительную плату (разовую или в виде абонентской платы) расширение функционала.

Особенно актуально рассмотрение этого вопроса в условиях санкционного давления на Россию. Например, производитель смартфонов или компьютерной техники в одностороннем порядке отключит часть пользователей от программного обеспечения (это можно сделать при очередном обновлении системы, происходящем в среднем один раз в два месяца), сославшись на нарушение режима санкций и отсутствие разрешения правообладателя на ввоз продукции на территорию РФ. После 2022 г. некоторые пользователи известного корейского производителя телевизоров, которые приобрели их по так называемому параллельному импорту, стали жаловаться на повсеместное ухудшение работы устройств. В ответ на их обращения производитель указал, что устройства не предназначены для работы на территории России, поэтому могут возникать технические проблемы. Однако нужно учесть, что речь шла о смарт-ТВ, которые уже не зависят от сигнала антенны, а работают от интернет-сигнала, что говорит о большей унификации устройств и независимости от национальных особенностей технических стандартов. Поэтому можно поставить под сомнение позицию производителя.

Похожая с точки зрения права ситуация была в 2018 г., когда корпорация «Ростех» предположительно направила в нарушение санкций на территорию Крыма газовые турбины от компании «Сименс» для электростанций. Одним из аргументов «Сименса» с целью предотвратить использование своего оборудования на территории Крыма была угроза

на программном уровне отключить или вывести из строя оборудование [19].

Актуальность проблема приобретает также для современных автомобилей, где ряд функций, по факту физически встроенных в авто, требует дистанционной разблокировки производителем за дополнительную разовую или даже периодическую плату. В отношении некоторых китайских высокотехнологичных авто уже неоднократно были жалобы со стороны собственников, что при определенных условиях они полностью блокируются и требуют обращения к производителю без возможности сделать это без помощи последнего.

Решение указанных проблем, безусловно, требует всестороннего рассмотрения ситуации. Это может быть сделано как нормами публичного права (например, посредством антимонопольного регулирования, но такая мера, скорее, актуальна в отношении только определенных правообладателей, а требуется более универсальный и независимый метод), так и частного.

В рамках частного права нужно достичь баланса интересов сторон отношений: собственника вещи и правообладателя. Вопрос этот в правовой доктрине мало изучен. Удовлетворительного результата можно достичь за счет системного регулирования в сфере вещного и обязательственного права, поскольку большинство отношений, несмотря на существующее деление на относительные и абсолютные, урегулировано одновременно вещным и обязательственным правом.

В целом, обозначая общие векторы частно-правовых решений, можно выделить следующие: посредством обязательственных способов защиты (нарушение договора, недобросовестное поведение либо через деликты), посредством вещной защиты (некий аналог негаторного иска) либо посредством их системного применения.

В статье А.А. Иванова можно встретить следующую точку зрения: «На практике связь между вещью и объектом интеллектуальной собственности (курсив наш. — Авт.) может быть неразрывной и с экономической, и с технической точек зрения. “Железо” в сфере цифровизации, как, кстати, и в электроэнергетике, не всегда имеет четкие пространственные границы, а “цифра”, в свою очередь, может быть расположена в разных частях “железа”. Именно поэтому любые непоследовательные решения в рамках вещного права создают возможность для расширения сферы его применения в отношении тех объектов, которые принципиально с ним несовместимы» [14, с. 2].

С одной стороны, автор предлагает использовать вещные способы защиты обладателя вещи, но с оговоркой о наличии противоречия с господствующей в доктрине точкой зрения о вещи как телесном объ-

екте, имеющем четкие пространственные границы. Фактически при отключении «софта» посягательства на телесную оболочку вещи не будет, а значит, прямых оснований для вещной защиты, на первый взгляд, нет. А.А. Иванов предлагает применять аналогию закона точно так же, как было ранее с корпоративными правами и их защитой с помощью виндикации до момента появления специальных норм о защите, т.е., по сути, для переходного периода.

Важное преимущество вещной защиты применительно к нашей проблеме — это ее абсолютный характер, направленный непосредственно на устранение вмешательства в объект защиты, а не компенсация убытков, в отличие от обязательственных исков (как основной меры воздействия на нарушителя). Исходя из этих соображений, имеет смысл попытаться обосновать на постоянной основе вещную защиту, не противоречащую основным принципам вещного права. Для этого можно попытаться с точки зрения вещного права расширить толкование понятия сложной вещи, включив туда не только объекты материального мира, но и исключительные права в виде возможности беспрепятственно ими пользоваться внутри составной вещи, таким образом втянув их в орбиту права собственности.

Первым этапом аргументации будет признание в определенной степени существования такого понятия, как бестелесная вещь, применительно к российскому правопорядку. Оговорка «в определенной степени» здесь неслучайна, поскольку большинство доводов, приводимых Н.Н. Аверченко в своей диссертации, против категории бестелесных вещей вполне обоснованы [12, с. 55].

Однако для всех очевиден факт недостаточно четкого разграничения в гражданском законодательстве понятий «вещь» и «имущество», что создает определенную серую зону и пространство для маневра. Именно это в совокупности с системой нижеследующих аргументов поможет обосновать «софт» как бестелесную составляющую часть сложной вещи.

Р.С. Бевзенко связывает понятие сложной вещи не столько с вещным правом, сколько с обязательственным (динамикой отношений), обосновывая это потребностью оборота в виде упрощения сделок с подобного рода объектами. В качестве связующего элемента выступает воля собственника этой вещи, что является субъективной категорией, а значит, допускающей именно в зависимости от потребностей оборота отход от понимания сложной вещи как совокупности вещей [13, с. 18].

Параграф 93 Германского Гражданского уложения «Существенная составляющая часть вещи», регулирующий, по сути, сложную составную часть

вещи, выделяет в качестве одного из критериев связи вещей их связь на уровне сущности, когда разделение составляющих повлечет утрату функционала либо значительную утрату экономической ценности обеих составляющих [5, § 93]. Иными словами, одним из критериев для объединения нескольких объектов выступает экономическая целесообразность, а не телесность, функциональная системность и интегральность совокупности вещей [10, с. 45–86].

В большинстве случаев технически сложные «умные» вещи выпускаются в оборот производителем уже с наличием тесной связи «железа» и «софта», т.е. по его воле и именно в целях упрощения сделок в отношении этих двух объектов. Экономическая связь этих объектов была выделена выше в виде практической невозможности их отдельного полноценного использования. Все это может служить основанием если не для признания таких вещей сложными, то хотя бы для применения по аналогии режима защиты сложных вещей.

Соответственно возникнет вопрос о возможности применения вещно-правовых способов защиты. Из вещных исков больше всего в этой ситуации подходит негаторный иск, с его помощью можно пресечь действия, связанные с невозможностью пользоваться вещью, поскольку лишения владения при этом, очевидно, нет.

С позиции обязательственного права на нарушение договора вряд ли будет возможно сослаться, поскольку правообладатель будет действовать на основании договора присоединения, где максимально защитит свою позицию. Соответственно в качестве способа защиты можно ограничить действие положений договора о праве заблокировать доступ к программному обеспечению, в том числе ссылаясь на его противоречие содержанию права собственности на сложную вещь либо посредством ст. 10 ГК РФ. Но следует четко понимать, что большая часть договорных гарантий будет ограничена гарантийными сроками.

В то же время обязательственное право позволяет предоставить дополнительные гарантии собственнику вещи через свойственные ему институты. В частности, речь идет о так называемых постдоговорных обязательствах, когда гарантийные обязательства распространяются и не только продолжают действовать после надлежащего исполнения договора (в нашем случае в части пригодности вещи к ее функциональному использованию), но и продолжают «обременять» продавца даже после изменения субъектного состава, когда непосредственный покупатель произвел отчуждение вещи третьему лицу, которое впоследствии получит право заявить претензии о качестве товара, вещи (что является гарантийным случаем) продавцу,

несмотря на отсутствие между ними прямых договорных обязательств.

Указанный выше подход носит более точечный характер. Наиболее универсальным и простым с точки зрения отечественной судебной практики (поскольку подход уже знаком судам и апробирован ими) будет квалификация анализируемой ситуации как нарушение договорного обязательства о качестве товара, поскольку вещь после ее передачи покупателю утратила значительную и существенную часть своих функций, соответственно пропорционально утратив свою стоимость, в результате действий продавца. Значит, это может послужить основанием для заявления требования об устранении недостатков вещи либо снижении ее стоимости. При этом в расчет необходимо будет брать стоимость вещи по договору и действительную остаточную ее стоимость после «удаления» из нее соответствующей программной составляющей; скорее всего, речь будет идти о стоимости вещи на разбор, т.е. либо по цене металлолома (как в деле «Магадан-тест» [6]), либо по остаточной стоимости запасных частей вместе с утратой вещи статуса сложной.

Заслуживают внимания основания, по которым продавец осуществил вмешательство в правовое положение собственника, поскольку они могут носить как публичный, так и частный характер. От определения правовой природы оснований будет зависеть способ защиты интересов собственника. Хотелось бы сразу вывести за скобки вопрос санкционного права, поскольку он достаточно обширный, и поэтому правильно рассматривать его в качестве предмета отдельных научных изысканий.

Другое дело — это особенности публично-правового характера отдельного государства. Например, в Китае государство достаточно активно вмешивается в право собственности на автомобили. Вмешательство происходит в техническую составляющую авто в части максимальной скорости (она на программном уровне ограничивается, в то время как технически автомобиль может двигаться гораздо быстрее) либо вообще возможности движения автомобиля. В качестве иллюстрации последнего тезиса можно привести опыт Китая, где отдельные автопроизводители пытаются на программном уровне, удаленно понять, что авто попало в серьезное ДТП (это может быть сделано через сигналы датчиков либо в результате срабатывания подушки безопасности). Если автопроизводитель либо операционная система автомобиля получают сигнал подобного рода, то автомобиль может быть искусственно обездвижен, и запуск двигателя будет просто невозможен до момента обращения к официальному представителю производителя для детальной диагностики автомобиля.

В целом, можно сделать вывод, что отношения собственника вещи и обладателя авторских и исключительных прав настолько сложны и многообразны, что требуют всестороннего и тщательного анализа для достижения сбалансированности участников правоотношений, поскольку в разных ситуациях возможно ущемление прав как собственника, так и правообладателя интеллектуальной собственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бернская конвенция ВОИС об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. в ред. от 28 сентября 1979 г. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/details/15>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) № 230-ФЗ от 18.12.2006 (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
3. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского. — М.: Статут, 2008. 715 с.
4. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. к.ю.н. Л.А. Трахтенгерц. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2009. 812 с.
5. Практический комментарий к Германскому Гражданскому уложению / под ред. M. Herberger, M. Martinek. Заарбрюкен: Juris GmbH, 2015.
6. Определение Верховного Суда от 11 мая 2018 г. № 790071090545 по делу № 306-ЭС17-18368. — URL: https://www.vsr.ru/stor_pdf_esc.php?id=1650220
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края».
8. Постановление Девятого арбитражного суда от 19 января 2015 г. № 09АП-53196/2014 по апелляционной жалобе на решение Арбитражного суда г. Москвы от 14 октября 2014 г. по делу № А40-84902/14.
9. Комментарий судебной практики. Вып. 13 / под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юр. лит., 2007. 256 с.
10. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 июля 2014 г. по делу № А40-59716/2012 и Постановление Девятого арбитражного суда от 27 ноября 2014 г. по данному делу.
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 15 апреля 2014 г. № 19440/13.

12. Аверченко Н.Н. Правовой режим сложных вещей: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03 / СПбГУ. СПб., 2004. 357 с.
13. Бевзенко Р.С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем // Вестник гражданского права. 2020. № 2. 45 с.
14. Иванов А.А. Цифровизация и вещные права. фрагмент из цикла лекций «Гражданское право и цифровизация» // Закон. 2023. № 7. С. 10.
15. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010. 736 с.
16. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
17. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
18. Пиленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001. 559 с.
19. URL: <https://www.rbc.ru/business/21/07/2017/5971dc0d9a7947fd7bc0c200> (дата обращения: 27.06.2024).
9. Kommentariy sudebnoy praktiki. Vyp. 13 / pod red. K.B. Yaroshenko. M.: Yurid. lit., 2007. 256 s.
10. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy ot 25 iyulya 2014 g. po delu No A40-59716/2012 i Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo suda ot 27 noyabrya 2014 g. po dannomu delu.
11. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 15 aprelya 2014 g. No 19440/13.
12. AVerchenko N.N. Pravovoy rezhim slozhnykh veschey: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.03 / SPBGU. SPb., 2004. 357 s.
13. Bevzenko R.S. Princip edinstva sud'by prav na zemel'nyy uchastok i na stroeniya na nem // Vestnik grazhdanskogo prava, 2020. No 2. S. 45.
14. Ivanov A.A. Tsifrovizatsiya i veshnye prava. fragment iz cikla lekcij "grazhdanskoe pravo i tsifrovizatsiya" // Zakon, 2023. N 7. S. 10.
15. Makovskiy A.L. O kodifikatsii grazhdanskogo prava (1922–2006). M.: Statut, 2010. 736 s.
16. Pokrovskiy I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M.: Statut, 1998. 353 s.
17. Sukhanov E.A. Veshnoe pravo: Nauchno-poznavatelnyy ocherk. M.: Statut, 2017. 560 s.
18. Pilenko A.A. Pravo izobretatelya. M.: Statut, 2001. 559 s.
19. URL: <https://www.rbc.ru/business/21/07/2017/5971dc0d9a7947fd7bc0c200> (data obrashcheniya: 27.06.2024).

REFERENCES

1. Bernskaya konvenciya VOIS ob ohrane literaturnykh i hudozhestvennykh proizvedeniy ot 9 sentyabrya 1886 g. v red. ot 28 sentyabrya 1979 g.
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' chetvertaya) No 230-FZ ot 18.12.2006 (red. ot 30.12.2020) // Sobranie zakonodatelstva RF. 25.12.2006. № 52 (ch. 1). St. 5496.
3. Kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii/ Pod red. A.L. Makovskogo. M.: Statut, 2008. 715 s.
4. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii chasti chetvertoy (postateynny) / otv. redaktor kandidat yuridicheskikh nauk L.A. Trakhtengerc. M.: Yuridicheskaya firma "KONTRAKT": "INFRA-M", 2009. 812 s.
5. Prakticheskiy kommentariy k Germanskomu Grazhdanskomu ulozheniyu / pod red. M. Herberger., M. Martinek. Zaarbyuken: Juris GmbH, 2015.
6. Opreделение Verhovnogo suda ot 11 maya 2018 g. No 790071090545 po delu No 306-ES17-18368. — URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1650220
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.12.2016 No 28-P "Po delu o proverke konstitucionnosti podpunkta 1 stat'i 1301, podpunkta 1 stat'i 1311 i podpunkta 1 punkta 4 stat'i 1515 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosami Arbitrazhnogo suda Altayskogo kraya".
8. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo suda ot 19 yanvarya 2015 g. No 09AP-53196/2014 po

Научная статья

УДК: 347

DOI: 10.17323/tis.2024.23977

Original article

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА И СМЕЖНЫХ ПРАВ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ И СЕРВИСАХ

USE OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS OBJECTS ON DIGITAL PLATFORMS AND SERVICES

Наталья Владимировна БУЗОВА

Российский государственный университет правосудия,
Москва, Россия,
nbuzova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2268-0345

Информация об авторе

Н.В. Бузова — кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия

Аннотация. С развитием цифровых технологий ознакомлению представителей публики с произведениями и объектами смежных прав способствует размещение этих объектов на различных информационных ресурсах в информационно-телекоммуникационных сетях. В последнее время информационные ресурсы с предоставлением доступа к значительному количеству материалов, в том числе охраняемых авторским правом и смежными правами, начали именоваться цифровыми платформами и онлайн-сервисами. Вместе с тем в законодательстве до настоящего времени отсутствует четкое разделение этих информационных ресурсов и выделение особенностей использования на них материалов. В статье рассмотрены некоторые элементы взаимодействия авторов и иных правообладателей с владельцами цифровых платформ, онлайн-сервисов и иных информационных ресурсов, а также поднимается вопрос о возможной ответственности владельцев информационных ресурсов в связи с неправомерным использованием объектов авторского права и смежных прав на этих цифровых площадках.

Ключевые слова: авторское право, исключительное право, онлайн-сервис, смежные права, цифровая платформа

-
- **Для цитирования:** Бузова Н.В. Использование объектов авторского права и смежных прав на цифровых платформах и сервисах // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51. № 4. С. 133–142; DOI: 10.17323/tis.2024.23977
-

Natalia V. BUZOVA

- Russian State University of Justice, Moscow, Russia, nbuzova@yandex.ru,
- ORCID: 0000-0003-2268-0345
-

Information about the author

- Associate Professor of the Department of business and corporate law, Russian State University of Justice,
- Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

- **Abstract.** With the development of digital technologies, the familiarization of the public with works and related rights objects is facilitated by the placement of these objects on various information resources in information and telecommunication networks. Recently, information resources providing access to a significant number of materials, including those protected by copyright and related rights, have begun to be called digital platforms and online services. At the same time, the legislation to date does not clearly distinguish between these information resources and highlight the features of using materials on them. The article considers some elements of the interaction of authors and other rightholders with the owners of digital platforms, online services and other information resources, and also raises the issue of the possibility of liability of information resource owners in connection with the illegal use of copyright and related rights objects on these digital platforms.
-

Keywords: copyright, exclusive right, online service, related rights, digital platform

For citation: Buzova N.V. Use of copyright and related rights objects on digital platforms and services // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 51(4). P. 133-142; DOI: 10.17323/tis.2024.23977

Эпоха цифровизации создает новые возможности не только для творцов результатов интеллектуальной деятельности, но и для лиц, которые могут выступать в роли пользователей или потребителей информации и объектов творчества. Для привлечения аудитории к результатам своего творчества как начинающие, так и популярные авторы и артисты-исполнители размещают свои произведения и результаты исполнительской деятельности в цифровом пространстве на различных информационных ресурсах. Для некоторых правообладателей, в том числе продюсеров, цифровое пространство становится дополнительной сферой осуществления предпринимательской деятельности и получения дохода. Набирают популярность информационно-образовательные площадки, предоставляющие различные информационные и обучающие материалы, онлайн-курсы и т.д.

Цели создания информационных ресурсов, связанных с объектами авторского права и смежных прав, весьма разнообразны. Информационные ресурсы могут использоваться как депозитарии (для хранения цифровых доказательств или депонирования произведений и объектов смежных прав в цифровом виде, например, n'RIS, обслуживаемый АО «Национальный реестр интеллектуальной собственности»), цифровая платформа «i.moscow», которая предоставляет возможность регистрации прав на результаты творческой деятельности в научно-технической сфере, взаимодействующая с Российским центром оборота прав на результаты творческой деятельности. О «сетевой платформе для управления результатами интеллектуальной деятельности» упоминалось еще в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [1].

Информационный ресурс может представлять собой онлайн-биржу, на которой размещается информация о результатах интеллектуальной деятельности; права на них могут быть переданы или предоставлены на определенных в рамках биржи условиях. Краудфандинговые платформы могут собирать средства для создания в том числе творческих проектов (Российская краудфандинговая платформа Planeta, planeta.ru). Проект «Культурная биржа» позиционирует себя

как интернет-платформа по поиску партнеров для культурных проектов, инвестиционные платформы также ориентированы на сбор средств для творческих проектов и действуют в соответствии с Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2].

Всемирная организация интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization — WIPO) совместно с Фондом просвещения в области прав на музыкальные произведения (Creators Learn Intellectual Property) на основе государственно-частного партнерства организовала «Платформу для авторов» [3] «для расширения осведомленности о правах в целях оказания поддержки авторам во всем мире, представляющим все сферы творческой деятельности. Главной задачей этой важнейшей инициативы станет расширение знаний о правах интеллектуальной собственности авторов и о практике, связанной с управлением этими правами».

В зависимости от функционального назначения, например, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон «Об информации») [4] отдельные виды информационных ресурсов именованы аудиовизуальными сервисами, новостными агрегаторами, социальными сетями, сервисами размещения объявлений и т.д. В отношении указанных информационных ресурсов Законом «Об информации» устанавливаются специальные правовые режимы.

Следует обратить внимание на то, что в нормативных актах и в правовой литературе в отношении информационных ресурсов, на которых размещаются объекты авторского права и смежных прав или которые иным образом касаются создания или использования творческих объектов, чаще используются понятия «сервис» (онлайн-сервис) и «цифровая платформа».

Определение понятия «цифровая платформа» может быть выведено из определения понятия «сетевой эффект», которое дано в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [5]. Под «цифровой платформой» в данном законе понимается «программа для ЭВМ (совокупность программ для ЭВМ) в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в интернете, обеспечивающая совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров» (п. 4.1 ст. 4).

Из положений указанного Закона в качестве элементов цифровой платформы можно выделить следующие характеристики:

- техническая: представляет собой программу для ЭВМ, используется в информационно-телекоммуникационной сети;
- функциональная: обеспечивает совершение сделок.

При этом указание субъектов сделки ограничивает применение понятия платформы договорами купли-продажи. Под такое определение попадают интернет-магазины, включая маркетплейсы и иные торговые площадки. Однако, насколько полно представленное определение характеризует цифровую платформу, в том числе с учетом особенностей результатов интеллектуальной деятельности? Посредством программ для ЭВМ в интернете могут совершаться и иные сделки, включая договоры об оказании услуг и договоры в сфере интеллектуальной собственности, в частности договоры о распоряжении исключительным правом. Но с учетом ограничения отмеченной функциональной направленности информационные ресурсы, на которых заключаются договоры об оказании услуг, договоры в сфере интеллектуальной собственности или какие-либо иные договоры, кроме договоров купли-продажи, или совершаются действия, связанные с заключением таких договоров, не будут относиться к цифровым платформам. Из положений Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» также не в полной мере понятно, чем отличается цифровая платформа от цифрового сервиса (онлайн-сервиса). При этом из названия некоторых нормативных правовых актов следует, что онлайн-сервисы имеют подчиненное значение и создаются на основе цифровых платформ для выполнения определенных функций [5].

В российских нормативных актах можно встретить и иные определения понятия «цифровая платформа». Например, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2019 г. № 529 (с изменениями) «цифровая платформа» — это совокупность информационных технологий и технических средств, обеспечивающих решение определенных соответствующим Постановлением технологических задач и взаимодействие субъектов хозяйственной деятельности в сфере промышленности [6]. Данное определение цифровой платформы указывает в качестве составных элементов не только программы для ЭВМ (информационные технологии могут быть представлены программами для ЭВМ, базами данных и техническими решениями, в том числе охраняемыми как объекты патентного права), но и устройства (оборудование), обеспечивающие ее функционирование.

Имеются и другие подходы. Так, в Концепции общего регулирования деятельности групп компаний,

развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» (май 2021 г.), разработанной Министерством экономического развития Российской Федерации, выделяются не только технические составляющие, но и *экономические характеристики*, под цифровой платформой понимается «бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства» [7].

Как справедливо отмечают специалисты, в частности А.В. Алтухов, С.Ю. Кашкин и А.В. Габов, основная задача цифровой платформы — обеспечение посредством инфраструктуры платформы взаимодействия субъектов-участников с другими лицами [8, с. 88; 9]. Более широкое назначение цифровых платформ указывается в исследовании ОЭСР «Введение в онлайн-платформы и их роль в цифровой трансформации». В нем цифровая платформа рассматривается как «цифровой сервис, который обеспечивает взаимодействие между двумя и более различными, но взаимозависимыми группами пользователей... которые взаимодействуют с помощью сервиса через интернет» [10].

Понятие «цифровая платформа», применяемое к сфере авторского права и смежных прав, имеет более широкое значение и с технической точки зрения ближе к информационной системе, которая, согласно п. 3 ст. 2 Закона «Об информации», представляет собой совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Более удачно показывается функционал цифровой платформы как средства, обеспечивающего взаимодействие в определении «финансовая платформа», приведенном в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» (далее — Закон «О финансовых платформах») [11].

Таким образом, как видно из примеров цифровых платформ, связанных с интеллектуальной собственностью, их создание и функционирование направлены на объединение в рамках платформы материалов, представляющих результаты интеллектуальной деятельности, и информации о ней в целях обеспечения возможности заинтересованным лицам взаимодействовать с участниками такой платформы.

Несмотря на разнообразие терминологических конструкций в российских нормативных актах, на что обратил внимание в своей статье А.В. Габов [12], в российском законодательстве и правовой доктрине пока не сложилось четкое разделение цифровых платформ и онлайн-сервисов и отсутствуют однозначные

универсальные определения данных понятий, показывающие их правовую сущность. Для потребителя (пользователя) различие цифровых платформ и онлайн-сервисов не кажется столь значительным. В некоторых случаях понятия «цифровые платформы» и «онлайн-сервисы» используются как синонимы.

Если говорить о различиях цифровой платформы и онлайн-сервиса, то с технической точки зрения в основе и цифровой платформы, и онлайн-сервиса лежит программа для ЭВМ (или совокупность программ для ЭВМ), функционирующая в информационно-телекоммуникационной сети, которая позволяет обрабатывать большой объем как структурированных (как в базе данных), так и неструктурированных материалов и иных данных. Следует понимать, что если онлайн-сервис, касающийся объектов авторского права и смежных прав, преимущественно оказывает услуги по поиску, доступу к размещенному контенту (материалам), ознакомлению с материалами, то цифровая платформа направлена на обеспечение ее оператором взаимодействия между участниками такой платформы. Цифровая платформа, как правило, больше по объему и может включать в себя несколько сервисов.

Правовое значение этих категорий и их сущность применительно к интеллектуальной собственности становятся важны, когда возникают вопросы о порядке взаимодействия субъектов (владельцев и участников платформы) и о возможности привлечения к ответственности лиц, осуществляющих действия в рамках платформы или сервиса, в случае неправомерного использования объектов авторского права и смежных прав на таких информационных ресурсах или посредством таких ресурсов.

К основным субъектам взаимоотношений посредством цифровых платформ и онлайн-сервисов, связанных с предоставлением доступа к объектам авторского права и смежных прав, можно отнести владельца цифровой платформы или онлайн-сервиса, операторов цифровой платформы или сервиса, пользователей (потребителей), правообладателей, обладателей личных неимущественных прав (авторов, исполнителей и т.д.), обладателей иных интеллектуальных прав.

Особую роль во взаимоотношениях между владельцем платформы, сервиса или иного ресурса играет пользовательское соглашение [8, с. 92], положения которого могут быть приведены в правилах использования цифровой платформы, сервиса или иного информационного ресурса. Такие положения размещаются на соответствующем информационном ресурсе в доступной форме. При этом в данном соглашении указывается, какая юрисдикция применяется к правоотношениям между пользователями и платформой.

Для зарубежных платформ и сервисов характерной особенностью также является определение подсудности споров в случае их возникновения. Такой подход имеет недостаток для пользователя, который ставится в менее выгодное положение, поскольку он вынужден согласиться с договорной подсудностью, которая имеет преимущества перед остальными и которую не представляется возможным изменить.

Соглашаясь с правилами использования цифровой платформы, пользователь заключает с ней договор об оказании услуг (пользовательское соглашение). Такой договор относится к договорам присоединения, и пользователь имеет возможность только согласиться или не согласиться с предложенными условиями. Если участник платформы является автором или иным правообладателем, присоединяясь к данному информационному ресурсу и размещая на нем свои результаты интеллектуальной деятельности, он соглашается с правилами использования цифровой платформы или сервиса и тем самым заключает помимо договора об оказании услуг еще и лицензионный договор.

Как указывается в правилах использования одного популярного в России сервиса, «размещая на Сервисе Пользовательские материалы, Пользователь автоматически безвозмездно, безусловно и безотзывно предоставляет “Я...” ... неисключительное право на использование Пользовательских материалов на территории всего мира на срок размещения Пользовательских материалов на Сервисе в том числе, но не ограничиваясь на воспроизведение, копирование, подбор, систематизацию, преобразование, изменение, редактирование, перевод, опубликование, доведение до всеобщего сведения, распространение Пользовательских материалов (частично или полностью) любыми законными способами».

В Российской Федерации не установлено специальных требований или процедуры взаимодействия владельцев (операторов) цифровых платформ или сервисов, на которых размещаются объекты авторского права и смежных прав, с пользователями (потребителями). Использование объектов авторского права и смежных прав на цифровых платформах и сервисах связано с воспроизведением и доведением до всеобщего сведения таких объектов (ст. 1270, 1317, 1324 ГК РФ). Оно может быть осуществлено с согласия правообладателя, а также в случаях, относящихся к ограничениям и исключениям, предусмотренным законодательством.

Взаимоотношения между владельцем (оператором) цифровой платформы или сервиса и пользователем можно сравнить с правоотношениями между автором (или иным правообладателем) и издательством. Издательство при взаимоотношении с автором или

иным правообладателем может выступать в качестве пользователя объекта авторского права. В этой связи оно заключает с автором или иным правообладателем лицензионный договор или договор об отчуждении исключительного права. Либо издательство может выступать в качестве исполнителя работ, если автор или иной правообладатель заключает с ним договор подрядного типа, касающийся издания произведения за свой счет. В этом случае издательство не определяет дальнейшую правовую судьбу издаваемого произведения и опубликованных экземпляров. Оно выполняет работу по изданию и передает результаты работы (экземпляры произведения) заказчику.

Что касается цифровой платформы или сервиса, для них характерен аналогичный подход с той лишь разницей, что, поскольку результаты их действий носят нематериальный характер, они относятся к услугам, и между ними и авторами или иными правообладателями могут заключаться договоры об оказании услуг. В том случае, если они предполагают оказывать какое-либо воздействие на самостоятельно размещенные пользователем, являющимся автором или иным правообладателем, объекты авторского права или смежных прав либо выполнять действия по их размещению, или осуществлять иные действия, которые могут быть отнесены к использованию объектов авторского права или смежных прав, им следует заключать с авторами или иными правообладателями помимо договоров об оказании услуг договоры о распоряжении исключительным правом, в частности лицензионные договоры. Кроме того, подобные договоры должны охватывать такой способ использования, как доведение до всеобщего сведения, который позволяет делать доступным публике охраняемый объект в информационно-телекоммуникационной сети.

Условия платформы или иного информационного ресурса могут позволять размещать на ней материал как зарегистрированным, так и незарегистрированным пользователям. Издатель как лицо, непосредственно использующее объекты авторского права и несущее ответственность за правомерность использования, более внимательно относится к материалам, представленным для опубликования, и в этой связи проявляет большую осмотрительность, заключая договоры в отношении результатов интеллектуальной деятельности с правообладателями или иными уполномоченными лицами.

Некоторые издательства сами являются операторами информационного ресурса (например, издательство «Юрайт» является владельцем образовательной платформы «Юрайт»).

Если рассмотреть правовые возможности по использованию объектов авторского права и смежных

прав в рамках цифровых платформ, заложенные международными договорами в сфере интеллектуальной собственности, в частности Договором ВОИС по авторскому праву (Женева, 20 декабря 1996 г., ст. 8) [13] и Договором ВОИС по исполнениям и фонограммам (Женева, 20 декабря 1996 г., ст. 10, 14, 15) [14], то можно выделить следующие подходы по использованию охраняемых объектов:

- с согласия правообладателя посредством заключения договора о распоряжении исключительным правом (например, в Российской Федерации);
- с выплатой справедливого вознаграждения на основе принудительного лицензирования (в частности, Закон США о модернизации музыки внес изменения в параграф 115 разд. 17 Кодекса США, касающиеся принудительного лицензирования произведений, размещаемых на информационных ресурсах [15]);
- с выплатой вознаграждения на основе установленных тарифов и/или лицензионных соглашений, заключенных с организацией по управлению авторскими и смежными правами на коллективной основе (например, в государствах — членах Европейского Союза).

В государствах Европейского Союза выплата вознаграждения правообладателям за предоставление доступа к охраняемому контенту может осуществляться на основе лицензионных соглашений, заключенных с организациями по коллективному управлению. Например, платформа потокового вещания музыки Deezer выплачивает вознаграждение за счет роялти (платы) за подписку на платформу. Вознаграждение авторам и исполнителям рассчитывается с учетом прослушиваний и нахождения в плейлистах. Денежные средства от подписок поступают в общий фонд и распределяются между авторами и исполнителями (через их представителей, в том числе организации по коллективному управлению правами, например SASEM) в зависимости от частоты прослушиваний музыкальных композиций. При определении размера вознаграждения учитываются количество прослушиваний (более 1000 прослушиваний в месяц) и уровень вовлеченности поклонников (не менее 500 слушателей).

Тарифы организаций по коллективному управлению могут учитываться при расчете убытков от неправомерного использования охраняемых результатов на цифровых платформах. Так, Земельный Суд Мюнхена (Landgericht München I) в своем Постановлении от 9 февраля 2024 г. № 42 O 10792/22 [16] указал на обязанность ответчика вести переговоры о лицензиях на предоставление публичного доступа к защищенному контенту через социальную сеть и обратил внимание

на тарифы, которые установлены обществом по коллективному управлению GEMA.

В Российской Федерации компетенция организаций по управлению авторскими и смежными правами не распространяется на информационно-телекоммуникационные сети, в том числе на доведение до всеобщего сведения. В этой связи цифровым платформам, онлайн-сервисам и иным информационным ресурсам необходимо непосредственно взаимодействовать с авторами и иными правообладателями по вопросам использования результатов интеллектуальной деятельности и выплаты вознаграждения от их использования.

Также следует помнить, что ограничение исключительного права исполнителя, согласно которому *исключительное право на исполнение не распространяется на воспроизведение, сообщение в эфир или по кабелю и публичное исполнение записи исполнения в случаях, когда такая запись была произведена с согласия исполнителя, а ее воспроизведение, сообщение в эфир или по кабелю либо публичное исполнение осуществляется в тех же целях, для которых было получено согласие исполнителя при записи исполнения* (п. 3 ст. 1317 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [17]), не касается доведения до всеобщего сведения. И правомочие на доведение до всеобщего сведения не переходит и не предоставляется изготовителю фонограммы на основании закона без заключения договора с исполнителем.

В этой связи, размещая музыкальные композиции на цифровой платформе или ином информационном ресурсе, владелец такого ресурса, оператор цифровой платформы должны учитывать, что лицо, размещающее данную композицию, обязано обладать правами, переданными или предоставленными всеми правообладателями. На самостоятельность таких результатов, как произведение, исполнение и фонограмма, обращается внимание в п. 111 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [18]. Поскольку такой объект объединяет результаты интеллектуальной деятельности авторов музыкального произведения с текстом (поэта и композитора), исполнителей, поющих, играющих на музыкальных инструментах и иным образом исполняющих такое произведение, а также изготовителя фонограммы, который осуществил запись исполнения музыкального произведения, все эти лица, внесшие творческий (интеллектуальный) вклад в данную композицию, или их правопреемники должны выразить согласие на доведение до всеобщего сведения музыкальной композиции на соответствующей платформе.

Кроме того, авторы, исполнители и иные обладатели личных неимущественных прав, обладатели иных интеллектуальных прав могут запретить использование произведений, исполнений и иных объектов в цифровой форме в рамках платформы, если такое использование нарушает их личные неимущественные права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения или исполнения), право на изображение, право на указание имени или наименования обладателя соответствующего права. То есть правообладателю или иному лицу, размещающему тот или иной результат интеллектуальной деятельности или дающему согласие на размещение того или иного результата интеллектуальной деятельности на цифровой платформе, следует позаботиться о соблюдении личных неимущественных и иных интеллектуальных прав.

В пользовательских соглашениях иногда указывается, например, что владелец (или оператор) информационного ресурса «имеет право использовать соответствующие Пользовательские материалы как с указанием имени автора таких Пользовательских материалов, так и без указания имени автора (в качестве имени автора при этом может быть указан логин Пользователя, разместившего Пользовательские материалы)». Однако даже с такими положениями остаются риски, что лицо, размещающее материалы, не согласовало вопрос осуществления личных неимущественных прав с автором или исполнителем.

Достаточно часто в сфере авторского права и смежных прав, особенно это касается издательской деятельности, авторы и иные правообладатели, заключая договоры, заверяют, что они обладают соответствующими правами на предполагаемые к использованию охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. В этой связи представляется необходимым не просто предусматривать положения о заверениях о наличии соответствующих прав, а дополнить их заверениями об обязательствах, предусмотренных ст. 431.2 ГК РФ [19].

Как уже отмечалось ранее, при размещении пользователем на цифровой платформе, сервисе или ином информационном ресурсе материала, который является объектом авторского права или смежных прав, он соглашается с условиями данного информационного ресурса. При этом, как правило, в таких пользовательских соглашениях указывается, что цифровая платформа или сервис не несет ответственности за действия пользователя, в том числе по размещению на информационном ресурсе материалов.

Вместе с тем продолжает оставаться актуальным вопрос о привлечении владельца (оператора) цифровой платформы и сервиса к гражданско-правовой

ответственности в связи с неправомерным использованием на соответствующих информационных ресурсах объектов авторского права и смежных прав. По общему правилу, владелец (оператор) цифровой платформы или сервиса рассматривается информационным посредником, в отношении которого ст. 1253.1 ГК РФ устанавливает ограничение в гражданско-правовой ответственности. Зачастую в пользовательском соглашении, которое рассматривается как договор присоединения, указывается, что такие субъекты не несут ответственности за действия участников данной платформы или иного информационного ресурса. Вместе с тем целесообразно принимать во внимание степень вовлеченности таких субъектов в процесс использования объектов авторского права и смежных прав на этом информационном ресурсе.

Цифровая платформа и онлайн-сервис позволяют своим пользователям (лицам, пользующимися услугами, предоставляемыми на данном информационном ресурсе) размещать материалы в соответствии с пользовательским соглашением. В пользовательском соглашении обычно указывается, что пользователь самостоятельно несет ответственность перед третьими лицами за свои действия, связанные с размещением и распространением им материалов на сервисе (или платформе). Однако указание таких положений в пользовательском соглашении не освобождает владельца информационного ресурса от ответственности. Как было справедливо отмечено судебной коллегией Первого апелляционного суда общей юрисдикции, «наличие в пользовательском соглашении каких-либо положений, освобождающих владельца сайта от гражданско-правовой ответственности за нарушения авторских (исключительных) прав ... не может являться основанием для отказа в данном иске. Ответственность за нарушение прав иных лиц не может быть распределена по договору между нарушителями, и такое соглашение не может создавать иммунитет от защиты правообладателями своих прав для одного из нарушителей» [20].

Владельцем (оператором) платформы и лицом, предоставляющим услуги (оператором) сервиса, может быть как одно лицо, так и разные лица. Непосредственно контент размещается (воспроизводится и доводится до всеобщего сведения) на цифровой платформе, а онлайн-сервис рассматривается как инструмент, позволяющий воспроизводить (просматривать, прослушивать и/или скачивать) контент, включая объекты авторского права и смежных прав.

Из положений Закона «О финансовых платформах» следует, что оператор цифровой платформы является лицом, оказывающим услуги, связанные с обеспечением возможности совершения сделок с ис-

пользованием этой платформы (п. 2 ст. 2). По мнению А.Ю. Буровой, операторы цифровых платформ — это лица, «осуществляющие организационно-технологическую деятельность по поддержанию функционирования цифровой платформы и посредническую деятельность по установлению контактов между производителями продуктов и пользователями» [21]. А.Ю. Бузова отмечает не только функцию оператора по обеспечению совершения сделок, но и функцию по поддержанию работоспособности платформы в целом. То есть у оператора цифровой платформы имеется возможность отслеживать действия и процессы, осуществляемые в рамках такого информационного ресурса, и в случае выявления нарушений пресекать неправомерные действия.

Из анализа российской судебной практики следует, что для привлечения к ответственности не имеет значения, называет ли себя лицо владельцем (оператором) цифровой платформы, онлайн-сервиса или иного информационного ресурса. Суды, устанавливая, относятся ли соответствующие лица к информационным посредникам, обращают внимание на их действия по отношению к размещенным материалам. При установлении указанного факта суд учитывает характер деятельности владельца, обращая внимание на условия использования информационного ресурса. При этом в качестве юридически значимых обстоятельств, которые учитывает суд, выделяются порядок использования сайта, в том числе субъекты, фактически имеющие право размещать информацию на сайте и обязанные отвечать за распространение информации на нем, субъекты, являющиеся инициаторами размещения материалов на сайте; выделяется как обстоятельство также внесение в материалы изменений [22].

Целесообразно отметить дополнительные правовые примеры, касающиеся владельцев интернет-сайта и информационных посредников, которые приведены в Обзоре судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети интернет, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г. [23]. Так, из п. 18 и 19 указанного Обзора следует, что признание владельца информационного ресурса информационным посредником и привлечение или непривлечение его к гражданско-правовой ответственности зависит от того, совершает ли он сам сделки по продаже экземпляров произведений, рекламирует ли он их, получает ли он доход непосредственно от неправомерного использования объектов авторского права и смежных прав. Представляется, что приведенные подходы применимы и в отношении цифровых платформ и онлайн-сервисов.

Таким образом, в России формируются общие подходы к использованию объектов авторского права и смежных прав в рамках цифровых платформ и онлайн-сервисов. На настоящий момент разграничение категорий этих информационных ресурсов и правовой статус субъектов, владеющих ими и поддерживающих их организационно-техническое функционирование, еще не в полной мере сформированы. Однако судебная практика уже нарабатывает правовые примеры, которые будут содействовать выработке единых образных подходов и правомерному использованию результатов творческой деятельности в цифровой среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. «Об утверждении Программы «Цифровая экономика Российской Федерации». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/436754837>
2. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
3. Общая информация о Платформе для авторов. — URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/wipoforcreators/ru/docs/introduction_creators_platform.pdf
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
5. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3434. — URL: <https://base.garant.ru/12148517/?ysclid=izjlkvcg77465632567>
6. Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2019 г. № 529 «Об утверждении Правил предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции» (с изменениями). — URL: <https://base.garant.ru/72237228/>
7. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» (май 2021 г.). — URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptiya_21052021.pdf

8. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86–94.
9. Габов А.В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. с. 208–235.
10. An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation, OECD Publishing, Paris. — URL: <https://doi.org/10.1787/53e5f593-en>
11. Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы». — URL: <https://base.garant.ru/74399619/>
12. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. Вып. 4. с. 13–82.
13. Договор ВОИС по авторскому праву (Женева, 20 декабря 1996 г.). — URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/295160>
14. Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам (Женева, 20 декабря 1996 г.). — URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/295480>
15. Music Modernization Act. H.R.5447. 115th Congress (2017-2018). — URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5447/text>
16. Rechtsprechung Landgericht München. Urteil vom 09.02.2024 — 42 O 10792/22. — URL: <https://openjur.de/u/2481878.html>
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496.
18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/27773/>
19. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
20. Апелляционное определение Первого апелляционного суда от 1 декабря 2021 г. по делу № 66-4786/2021.
21. Бурова А.Ю. Цифровые экосистемы: необходимость и содержание законодательного регулирования // Журнал российского права. 2024. № 1. С. 143–155.
22. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2020 г. № 5-КГ20-96-К2. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01122020-n-5-kg20-96-k2/>
23. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/33621/>

REFERENCES

1. Rasporyazhenie Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 28 iyulya 2017 g. No 1632-r. "Ob utverzhenii Programmy` "Cifrovaya e`konomika Rossijskoj Federacii". — URL: <https://docs.cntd.ru/document/436754837>
2. Federal`ny`j zakon ot 2 avgusta 2019 g. No 259-FZ "O privilechenii investicii s ispol`zovaniem investicionny`x platform i o vnesenii izmenenij v otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 2019. No 31. St. 4418.
3. Obshhaya informaciya o Platforme dlya avtorov. — URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/wipoforcreators/ru/docs/introduction_creators_platform.pdf
4. Federal`ny`j zakon ot 27 iyulya 2006 g. No 149-FZ "Ob informacii, informacionny`x texnologiyax i o zashhite informacii" // SZ RF. 2006. No 31 (ch. 1). St. 3448.
5. Federal`ny`j zakon ot 26 iyulya 2006 g. No 135-FZ "O zashhite konkurencii" // SZ RF. 2006. No 31 (ch, I). St. 3434. — URL: <https://base.garant.ru/12148517/?ysclid=lzjlkvcg77465632567>
6. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 21 iyunya 2021 g. No 948 "Ob utverzhenii Pravil predostavleniya grantov v forme subsidij iz federal`nogo byudzheta yuridicheskim liczam na realizaciyu meropriyatij po vnedreniyu kompleksov cifrovyy`x servisov i reshenij, sozdanny`x na baze cifrovyy`x platform, v organizaciyax, osushhestvlyayushhix obrazovatel`nyuy` deyatel`nost` po obrazovatel`ny`m programmam vy`sshego obrazovaniya". — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401299905/>
7. Konceptsiya obshhego regulirovaniya deyatel`nosti grupp kompanij, razvivayushhix razlichny`e cifrovyy`e servisy` na baze odnoj "E`kosistemy`" (maj 2021 g.). — URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf
8. Altuxov A.V., Kashkin S.Yu. Pravovaya priroda cifrovyy`x platform v rossijskoj i zarubezhnoj doktrine // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. No 7. S. 86–94.
9. Gabov A.V. Onlajn-uregulirovanie sporov uchastnikov cifrovyy`x platform (e`kosistem) // Vestnik grazhdanskogo processa. 2022. No 1. S. 208–235.

10. An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/53e5f593-en>
11. Federal'nyj zakon ot 20 iyulya 2020 g. No 211-FZ "O sovershenii finansovy`x sdelok s ispol`zovaniem finansovoj platformy`". — URL: <https://base.garant.ru/74399619/>
12. Gabov A.V. Cifrovaya platforma kak novoe pravovoe yavlenie // Permskij yuridicheskij al`manax. 2021. Vy`p. 4. S. 13– 82.
13. WIPO Copyright Treaty (adopted in Geneva on December 20, 1996). — URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/295160>
14. WIPO Performances and Phonograms Treaty (adopted in Geneva on December 20, 1996). — URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/295480>
15. Music Modernization Act. H.R.5447. 115th Congress (2017-2018). — URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5447/text>
16. Rechtsprechung Landgericht München. Urteil vom 09.02.2024 — 42 O 10792/22. — URL: <https://openjur.de/u/2481878.html>
17. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast`chetvertaya) ot 18 dekabrya 2006 g. No 230-FZ // SZ RF. 2006. No 52 (ch. I). St. 5496.
18. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23 aprelya 2019 g. No 10 "O primenenii chastii chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii". — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/27773/>
19. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast`pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. No 51-FZ // SZ RF. 1994. No 32. St. 3301.
20. Apellyacionnoe opredelenie Pervogo apellyacionnogo suda ot 1 dekabrya 2021 g. po delu No 66-4786/2021.
21. Burova A.Yu. Cifrovye e`kosistemy` : neobxodimost` i sodержanie zakonodat`nogo regulirovaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. No 1. S. 143–155.
22. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 1 dekabrya 2020 g. No 5-KG20-96-K2. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01122020-n-5-kg20-96-k2/>
23. Obzor sudebnoj praktiki rassmotreniya grazhdanskix del, svyazanny`x s narusheniem avtorskix i smezhny`x prav v informacionno-telekommunikacionnoj seti «Internet», utverzhdenny`j Prezidiumom Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii 29 maya 2024 g. — URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/33621/>

Научная статья

УДК: 347.78

DOI: 10.17323/fis.2024.23978

Original article

АВТОРСТВО БЕЗ АВТОРА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАНЫХ ИИ AUTHORSHIP WITHOUT AN AUTHOR: LEGAL ASPECTS OF WORKS CREATED BY AI

Рафаэль ДИАС МАРТИНС

Интерсистемас, Натал, Бразилия,

martins.rafael@mail.ru,

ORCID: 0009-0001-9397-8694

Информация об авторе

Р. Диас Мартинс — разработчик программного обеспечения и адвокат (OAB/RN 15.923), кандидат юридических наук

Аннотация. Исследованы вызовы, которые ставит появление генеративного искусственного интеллекта перед авторским правом, особенно в отношении традиционных понятий авторства и творческого произведения. Автор, углубляясь в сложности того, как правовая система может реагировать на появление произведений, созданных юнитом искусственного интеллекта, считает необходимыми значительные изменения в регулировании. Особое внимание уделено необходимости пересмотра существующей правовой парадигмы в свете возрастающей роли искусственного интеллекта в создании литературных, музыкальных и визуальных произведений. В статье определены ключевые проблемы, такие как экспоненциальный рост созданного искусственным интеллектом контента, который может переполнить традиционные творческие рынки и привести к снижению человеческого творчества. Это может иметь далеко идущие последствия не только для защиты интеллектуальной собственности, но и для будущего

- культурного производства. В ответ на эти вызовы автор
- предлагает несколько подходов к правовому регулированию, включая сокращение срока охраны для произведений, созданных юнитом искусственного интеллекта, и введение ограниченной охраны для контента, созданного без значительного участия человека. Автор
- утверждает, что такие меры могут помочь сохранить баланс между стимулированием инноваций и охраной интересов авторов-людей, обеспечивая условия, чтобы авторское право развивалось в ногу с технологическим прогрессом. Такой подход позволит правовой системе
- лучше сохранить ценность человеческого творчества в мире, где автоматизация играет все большую роль. Это потребует комплексного пересмотра и, возможно,
- перестройки существующих законов об авторском праве для учета уникальных характеристик произведений, созданных юнитом искусственного интеллекта.

- **Ключевые слова:** генеративный искусственный интеллект, авторское право, авторство, охрана произведений, цифровые технологии, человеческое творчество, интеллектуальная собственность

- **Для цитирования:** Диас Мартинс Р. Авторство без автора: правовые аспекты произведений, созданных ИИ // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 143–152; DOI: 10.17323/fis.2024.23978

Во-первых, традиционная фигура человеческого автора находится под угрозой, потому что носители генеративного искусственного интеллекта гораздо более продуктивны, чем люди. Конечно, существует множество различных видов литературных произведений. Однако, несомненно, эффективность носителей искусственного интеллекта растет с такой скоростью, что они становятся все более эффективными в различных видах произведений. Если взять, к примеру, переводы, кажется, что переводчик станет гораздо менее востребованным и, возможно, превратится в своего рода редактора машинного перевода. Неудивительно, если через некоторое время профессия переводчика станет ненужной, как бы печально это ни было.

Итак, если будет введена какая-либо правовая охрана для произведений, созданных с помощью юнита искусственного интеллекта, например, в пользу правообладателей этих юнитов, количество произведений будет расти экспоненциально. Даже если присваивать авторские права на произведение, созданное юнитом искусственного интеллекта, пользователю, который дал инструкции этому юниту, конечный результат, вероятно, не будет существенно отличаться от первоначального. Другими словами, количество произведений будет расти экспоненциально. Это можно подтвердить на примере Amazon.com. После появления генератора искусственного интеллекта, такого как ChatGPT, произведения, созданные с его помощью, буквально заполнили Amazon.com. В интернете есть множество статей о заполнении Amazon.com книгами, полностью созданными юнитами искусственного интеллекта. Можем упомянуть статью в журнале Futurism (The__Bite), опубликованную в июне 2023 г., под названием "Amazon is Being Flooded With Books Entirely Written by AI. It's The Tip Of The Aiceberg" [5], т.е. Amazon заполняется книгами, полностью написанными искусственным интеллектом.

Это только вершина айсберга. Интересно, что переведенное как «заполняется» слово означает, что происходит наводнение. В свою очередь, журнал "Wired" опубликовал статью "Scammy AI-Generated Book Rewrites Are Flooding Amazon" [6], где показано, что некоторые переписывают известные книги по-другому с помощью юнита искусственного интеллекта; в статье такие произведения называются мошенническими. Проблема тут не только в скрытом пиратстве, но и в плохом качестве имитаций произведений, сделанных юнитом искусственного интеллекта. Важно, что низкое качество связано не с тем, что работа выполнена юнитом ИИ, а с тем, что недобросовестные пользователи злоупотребляют услугой и создают низкокачественные недоработанные произведения,

чтобы попытаться ввести покупателей в заблуждение, заставляя их думать, что они приобретают другое произведение.

Эти две ситуации ясно демонстрируют, по крайней мере, два момента этой проблематики. Первый заключается в том, что такие произведения являются полностью написанными юнитом искусственного интеллекта. Авторы обычно используют различные инструменты для стимулирования своей креативности, и мы не считаем, что юниты ИИ идут вразрез с этой реальностью. Тем не менее полностью (или не полностью) написанные юнитом ИИ произведения создают вопрос, к которому мы вернемся позже. Второй момент проблемы заключается в том, что юниты искусственного интеллекта могут легко переписывать целые книги с некоторыми изменениями, что, по сути, является незаконным использованием чужого творчества. Возможно, законодательства разных стран установят, что произведения, каким-либо образом созданные с использованием юнита искусственного интеллекта, не будут охраняемыми авторским правом. Если это произойдет, то серьезные авторы также лишатся значительной помощи в виде юнитов ИИ, которые можно использовать ответственно. Также необходимо подумать, возможно ли технически и практически распознать, был ли «контент» частично написан юнитом искусственного интеллекта, если отрывки разбросаны или подверглись значительным правкам. С другой стороны, если они были значительно отредактированы, то, по мнению автора этой статьи, нет препятствий для признания такого произведения авторским.

Понятно, что технологии искусственного интеллекта бурно развиваются, и темпы этого развития будут расти. Уже на современном этапе тексты, созданные юнитами искусственного интеллекта, не уступают по качеству текстам авторов-людей, если пользователь будет правильно с ними работать. Поскольку машины могут производить тексты без остановки, можно ожидать, что они быстро вытеснят многих живых авторов с рынка. Такая дополнительная конкуренция может стать причиной снижения у человека мотивации создавать произведения. Несложно представить себе почти монополизацию рынка произведений крупными технологическими компаниями, если таким произведениям будет предоставлена правовая охрана.

Кроме того, нужно признать, что современный рынок охраняемых авторским правом объектов, хотя и довольно обширный, враждебен к авторам. Несмотря на то что такие платформы, как YouTube, Amazon, Litres и другие, значительно упростили авторам публикацию своих произведений и соответственно вы-

полняют свою социальную функцию по предоставлению произведений широкой аудитории, отсутствует адекватное юридическое регулирование договоров присоединения для публикации на этих платформах. Более того, нужны и более практически применимые критерии оценки прозрачности работы таких платформ [7].

Несмотря на то что обсуждения статуса произведений, созданных юнитами искусственного интеллекта, становятся все более актуальными в наши дни, существуют работы, датируемые далекими 1980-ми. Это, например, “Can a Computer be an Author — Copyright Aspects of Artificial Intelligence” Т.А. Батлера [8] и “Allocating ownership rights in computer-generated works” П. Самуэльсон [9]. Вероятно, этот вопрос был поднят после появления Racter — компьютерной программы, которая создала первую книгу, написанную с помощью искусственного интеллекта.

Итак, первая книга, написанная ИИ, вышла в свет в 1984 г. Книга “The policeman’s beard is half constructed” [10] была полностью написана компьютерной программой (Racter), и, несмотря на то что книга грамматически хорошо написана и не совсем лишена смысла, она не содержала настоящую историю/поэзию, которую в далеких 80-х годах прошлого века мог писать только человек. Более простая версия Racter была позже выпущена в виде игры под названием “A Conversation with Racter”. Скорее всего, ученые посчитали, что произведения, созданные юнитом искусственного интеллекта, даже в перспективе будут далеки от жизнеспособности. В настоящее время картина совсем иная, и в этой связи ученые в области интеллектуальной собственности теперь не могут избежать различных вопросов, связанных и с технологией, и с ростом количества произведений, созданных юнитами ИИ или с их помощью. Внимание ученых к этому вопросу было ограничено по совершенно понятным причинам. Наверное, думать о таком вопросе означало заглядывать слишком далеко вперед. Ускорение технологического развития показывает, однако, что ученые, работающие в сфере юридических наук, должны смотреть на длительную перспективу под угрозой неполучения востребованных современностью ответов.

Упомянутые выше статьи среди прочих вопросов рассматривают авторство произведений, созданных с помощью юнита искусственного интеллекта. Это важно отметить, так как многие ученые естественным образом будут пытаться вписать подобные вопросы в традиционную парадигму авторского права. Несмотря на то что это первый подход ученых-юристов, как уже было сказано, в текущий момент быстрого технологического развития более целесообразно рассма-

тривать возможность корректировки/дополнения парадигмы авторского права.

В любом случае научные исследования в этой области не продолжались с 1980-х годов, несомненно, потому что не было возможности экономически эксплуатировать произведения, созданные юнитами искусственного интеллекта, по крайней мере, не так, как обычно используются литературные произведения. На самом деле экономический фактор, возможность автора получать вознаграждение, всегда был одной философских основ авторской защиты. Интересно, что Г.Ф. Шершеневич открывал свое произведение об авторском праве главой «Экономическое основание авторского права» [11]. Как правило, определенные вопросы становятся вектором развития науки гражданского права, когда экономические интересы значительны, что понятно. Относительно нашей темы экономические интересы в отношении произведений, включая те, которые созданы юнитами искусственного интеллекта, весьма значительны. Поэтому понимаем, что правовое регулирование должно соответствовать особенностям таких произведений и исследователи гражданского права должны ответить на вопросы о том, какой парадигмы следует законодателю придерживаться, а также кому будут принадлежать права и кто сможет экономически эксплуатировать произведения, созданные с помощью юнитов ИИ.

В этом контексте важно отметить, что идея присвоения прав правообладателям юнита искусственного интеллекта (как предлагают некоторые [12]) фактически допускает авторское право без автора. Быть может, будет создана другая отрасль права для регулирования этого вопроса, что перестанет быть прямой заботой исследователей авторского права. Это не устранил проблему полностью, так как охрана в пользу указанных правообладателей может привести к постепенному снижению человеческого творчества, хотя, скорее всего, полностью оно не исчезнет. С другой стороны, я убежден, что никогда не было лучшего технологического и экономического контекста для охраны экономических интересов авторов, а не третьих лиц, занимающихся эксплуатацией объектов, охраняемых авторским правом. Это основная мысль, которая движет правоведами, и далее будет обсуждаться, как этически использовать инструменты искусственного интеллекта при создании произведений для поддержки и повышения человеческого потенциала, а также как оценивать произведения, созданные с использованием юнита искусственного интеллекта случайным образом или без значительного творчества.

Согласно мнению П.М. Морхата, один из подходов к этому вопросу заключается в том, что юнит искусственного интеллекта рассматривается как ин-

струмент в руках человека, что делает пользователя (или другое лицо) правообладателем результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью юнита ИИ. Такой подход поддерживается как судебной практикой, так и законодательством многих стран. Сошлюсь на Закон Великобритании от 1988 г. «Об авторском праве, дизайне и патентах» [2]. Пункт 3 ст. 9 данного Закона устанавливает: «В случае литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера, автором считается лицо, которое предприняло необходимые меры для создания данного произведения» [13]. Действительно, такой закон трактует вопрос весьма неосторожно, так как, по этому закону, если человек дал инструкцию и юнит искусственного интеллекта создал в результате произведение, оно будет принадлежать этому человеку (или компании, может быть), несмотря на меньший срок и отсутствие моральных прав [14]. Конечно, вопрос не такой простой, поскольку, например, ChatGPT может копировать часть других произведений, что лишает произведение оригинальности. Этого можно в значительной степени избежать, дав инструкции не копировать ничего, что, однако, не устраняет риск полностью.

Поскольку это весьма новая тема, взаимодействие человека и машины, а также творческий процесс, возникающий в результате этого взаимодействия, еще не полностью ясны. Таким образом, часто кажется, что юридические исследования рассматривают этот вопрос так, будто пользователь дает определенные инструкции, а компьютер создает конечный результат. Конечно, часто именно так и происходит, но не всегда, и это имеет огромное значение для демонстрации того, что можно объединить человеческий ум с работой юнита искусственного интеллекта и получить результат авторского труда. Поэтому считаем, что регулирование Законом Великобритании от 1988 г. «Об авторском праве, дизайне и патентах» далеко от идеального.

На мой взгляд, категориальная пара «автор и произведение» должна быть сохранена. Автором является тот, кто создал произведение (или выполнил творческую работу, также охраняемую авторским правом), а произведение — это результат интеллектуального труда автора. Таким образом, можно считать произведение авторским, даже если оно создано с помощью юнита искусственного интеллекта, при условии, что в его создание внесен значительный вклад человека. На самом деле, отрицать такую охрану — значит игнорировать будущее (которое, судя по всему, уже близко), когда интеграция человека и машины станет настолько значительной, что машина будет частью человека через чипы или другие менее инвазив-

ные средства. Кажется, что это неизбежное будущее, так как те, кто интегрируется с машиной, будут гораздо более продуктивными, а те, кто не последуют этому примеру, останутся позади. Однако необходимо разработать правильную модель охраны, и именно этим мы займемся.

Когда речь идет об охране авторского права в результате интеллектуальной деятельности, подразумевается, что это творчество происходило на протяжении времени, включало в себя размышления, креативность, написание и переписывание. Другими словами, был творческий процесс. Аналогично, в научных трудах присутствует литературное исследование по конкретной теме, затем из этого исследования возникают новые идеи (с использованием интуиции), и на основе этого происходит создание произведения. Конечно, это упрощенное описание такого процесса. Может даже возникнуть такая ситуация, когда человек был сильно вдохновлен при написании своих идей и их зафиксировал. В любом случае этот процесс не обязательно исключает использование юнита искусственного интеллекта при создании произведений. Это чрезвычайно важный аспект, который необходимо учитывать и который будет продемонстрирован.

Но прежде чем говорить о том, как использовать искусственный интеллект как инструмент в собственном смысле этого слова, обсудим некоторые типы произведений и процесс их создания с помощью юнита искусственного интеллекта. Возьмем, к примеру, юниты ИИ, которые создают изображения, такие как Midjourney и Leonardo.ai. Эти инструменты используются с промптами, т.е. командами, в которых пользователь описывает желательное изображение, и инструмент его создает. Изображения тем лучше, чем более детально и точно составлен промпт. Существует даже термин «промпт-инжиниринг», обозначающий мастерство создания промптов, генерирующих хорошие результаты. Хотя есть человеческая деятельность по описанию изображения, трудно приписать авторство человеку, создавшему промпт, поскольку изображение создается случайным образом, хотя и на основе промпта. Если пользователю не нравятся полученные изображения, он может запросить новые изображения с тем же промптом (или с его изменением) — и так до тех пор, пока не будет достигнут желаемый результат.

Стоит также отметить, что существуют и другие способы влияния на создание изображений в Midjourney и Leonardo.ai, такие как использование семян (seed). Это означает, что помимо промпта можно отправить изображение, и оно будет влиять на создание новых изображений юнитами ИИ. В любом случае, процесс создания изображений с большей или

меньшей степенью человеческого вмешательства происходит в целом случайным образом. Поэтому нельзя утверждать, что участие человека настолько значительно, чтобы предоставлять столь широкую защиту, как в традиционном авторском праве. Можно вспомнить о “Jet art”, где холст размещается за турбиной самолета, выбирается положение турбины так, чтобы поток воздуха направлялся в нужное художнику место, затем наносится краска. Однако результат этой деятельности будет случайным, а не итогом творческого процесса. Конечно же, ожидается, что в ближайшие месяцы появятся возможности для большего влияния на процесс создания изображений носителями искусственного интеллекта, чтобы можно было говорить о значительном вкладе человека. Скорее всего, к этому мы и придем.

Аналогичным образом работает инструмент Suno, который создает полностью реалистичные музыкальные произведения по заданным пользователем промптам. Результат также является случайным, однако пользователь может давать такие инструкции, как музыкальный жанр, выбор инструментальной или вокальной версии, задавать тему, чтобы Suno самостоятельно написал текст песни. С такими инструкциями (не обязательно всеми) Suno создает музыкальное произведение. Кроме того, пользователь может комбинировать различные части песни, удалять ненужные фрагменты, вставлять новые элементы, такие как припевы, и сам инструмент соединяет их в одно целое. Этот процесс позволяет получить музыкальное произведение, которое выглядит цельным и профессионально выполненным, несмотря на изменения и дополнения. Дополнительно Suno предоставляет возможности для настройки темпа и ритма, выбора инструментов и аранжировок, что позволяет создавать уникальные композиции, отражающие творческое видение пользователя.

Конечно, при создании музыки и изображений с помощью носителей искусственного интеллекта пользователь может использовать другие инструменты (Photoshop и др.) для изменения результата и создания авторского произведения на его основе. Но мы говорим о создании полностью произведения конкретным носителем искусственного интеллекта.

Другим видом интеллектуального произведения, которое можно создать с помощью носителя искусственного интеллекта, является литературное произведение. Несмотря на то что процесс творения у носителя искусственного интеллекта принципиально не отличается от описанных выше, т.е. носитель искусственного интеллекта получает инструкцию (промпт) и на основании этого создает текст, запрошенный пользователем, взаимодействие между носителем ис-

кусственного интеллекта и человеком значительно разное и, по моему мнению, дает более полное понимание вопроса. Если вспомнить создание изображения, пользователь носителя искусственного интеллекта запрашивает изображение и получает его. После этого он не может запросить изменения в конкретное изображение (на текущем этапе развития технологии, возможно, на момент публикации этой статьи ситуация изменится). Пользователь может снова использовать тот же промпт (или изменить его) для создания новых изображений, которые не будут продолжением предыдущего. ChatGPT представляет собой чат, и это очень важно отметить. По крайней мере, в отношении создания текстов мы можем взаимодействовать с ним и изменять текст в соответствии с нашими собственными идеями. С помощью этого носителя искусственного интеллекта мы можем менять части текста, давать инструкции и таким образом проявлять свою креативность. Кроме того, ChatGPT является мощным генератором идей, что позволяет писателю, который может столкнуться с отсутствием идей для определенной части своего произведения, обратиться к ChatGPT за вдохновением. Однако он не обязан копировать текст дословно; он может и должен редактировать его. Другими словами, процесс создания литературного произведения, даже с помощью ChatGPT, может считаться полностью авторским.

Эта логика также может быть применена к другим видам интеллектуальных произведений по мере развития технологий и увеличения степени взаимодействия автора с результатом в ходе этого взаимодействия. В таком случае представляется вполне возможным присваивать авторские права произведениям, в которых была действительно выражена человеческая креативность. Таким образом, важно отметить, что проблема заключается не в творчестве машины, а в отсутствии человеческого творчества [15].

В своей статье “A Manifesto on WIPO and the Future of Intellectual Property” Джеймс Бойл [16] продемонстрировал проблему наличия единого широкого режима для всех интеллектуальных произведений. Еще в 2004 г. Джеймс Бойл выражал озабоченность тем, что развивающиеся и беднейшие страны в силу международных договоров предоставляли авторам широкую защиту, которой в большей мере пользовались развитые страны. Беднейшие страны почти не получали выгоды, но были практически вынуждены предоставлять такую защиту, если учитывать последствия договоров, таких как ТРИПС. Неподписание ТРИПС могло бы привести к проблемам в рамках Всемирной торговой организации, что, конечно, нежелательно для любой страны. Развивающиеся страны также не получали столько преимуществ, как

развитые. Однако, хотя эта проблема во многом сохраняется, вновь становится очевидно, что кризис, с которым сегодня сталкивается авторское право, во многом вызван именно единым режимом охраны интеллектуальных произведений. Кроме того, необходимо либо признать недостаточность текущей парадигмы защиты интеллектуальных произведений, либо рассмотреть возможность изменения подхода к охране произведений, созданных носителями искусственного интеллекта. Мы считаем, что необходимо разработать новое регулирование в отношении таких произведений, которые, по нашему мнению, не заслуживают широкой защиты, предназначенной только для произведений авторов-людей. Здесь речь идет не о произведениях, созданных с помощью носителей искусственного интеллекта вообще, но о тех, где уровень человеческого вклада слишком низок, чтобы признать их право на охрану.

Подчеркну, что текущая реальность общественных отношений требует таких изменений. Когда речь идет об авторском праве, подразумевается охраняемое произведение. Для охраны произведения не требуется, чтобы оно имело конкретный объем или конкретное качество, достаточно, чтобы оно было результатом интеллектуального труда, выраженного в форме, воспринимаемой чувствами. Если взглянуть на современную реальность в виде блогов и контент-маркетинга в целом, становится очевидным, что все чаще говорят не о произведениях, а о «контенте». На первый взгляд, это может показаться незначительным, но такой переход от произведения к простому «контенту» демонстрирует более легкомысленное отношение к объектам, традиционно охраняемым авторским правом. Эти материалы часто вообще не указывают автора. Но даже когда автор указан в «контенте», получается, что как будто существует авторское право без самого произведения, как утверждает Жозе де Оливейра Ассенсан [17].

Можно принять более консервативный подход, изменив только определенные элементы регулирования, такие как срок действия охраны и моральные права в отношении произведений данного типа. Возможно, даже нет необходимости признавать авторские права на произведения, созданные носителями искусственного интеллекта. По моему мнению, важно понять, как функционирует рынок в отношении произведений, созданных носителями искусственного интеллекта, чтобы можно было разработать соответствующий подход. Конечно, высокие темпы развития технологий усложняют эту задачу.

Когда речь идет о создании уникальных изображений и музыки, как говорилось ранее, кажется неуместным предоставлять авторскую защиту этим объектам,

созданным носителями искусственного интеллекта, даже если имело место некоторое их взаимодействие с человеком, по крайней мере на текущем этапе развития технологии. Однако часто изображения, персонажи, музыка и другие элементы используются как части сложных объектов, таких как мультфильмы, фильмы и игры. Например, Netflix в Японии, ссылаясь на нехватку рабочей силы, начал использовать изображения, созданные носителями искусственного интеллекта. Другой примечательный случай — это открывающая заставка сериала “Secret Invasion” от Marvel, где были использованы исключительно изображения, созданные носителями искусственного интеллекта. В Китае наблюдалось снижение на 70% спроса на работы иллюстраторов [18].

В производстве аудиовизуальных произведений защита предоставляется глобально лицам (п. 2, ст. 1263, ГК РФ), которые обычно уступают свои права студии. Таким образом, хотя могут возникать вопросы об использовании третьими лицами отдельных элементов произведения, созданных юнитом искусственного интеллекта, таких как изображения или музыка, полное произведение будет находиться под охраной авторского права. Эта практика означает, что, даже если отдельные компоненты произведения были созданы с использованием искусственного интеллекта, итоговое произведение, объединяющее все эти элементы, будет защищено. Это позволяет правообладателю сохранять права на свои произведения и предотвращает незаконное использование конечного продукта, хотя вопрос об авторских правах на конкретные элементы, созданные искусственным интеллектом, остается открытым. В любом случае, в 2023 г. размер рынка изображений, созданных носителями искусственного интеллекта, составил уже 48 млрд долларов [18, с. 363].

Представляется, что, если законодательные акты будут предусматривать охрану произведений, созданных искусственным интеллектом, этот период должен быть значительно короче, например 10 лет для охраны таких произведений без автора. Можно также рассмотреть возможность введения права на результаты организации творческой деятельности юнитов искусственного интеллекта с использованием своего охраняемого авторским правом произведения в качестве семени (seed). Более простая охрана такого вида произведений, фактически не имеющих автора, имела бы несколько преимуществ. Во-первых, это решило бы текущий вопрос о том, должна ли быть охрана у таких произведений. Во-вторых, обладатели прав на эти произведения должны были бы взвесить преимущества использования изображения с ограниченной охраной (в одних случаях это может быть удобно,

а в других — нет), что создало бы определенные ограничения на использование таких произведений из-за кратковременности их охраны. Это способно обеспечить больше работы для авторов, поскольку их произведения будут защищены в полном объеме и достаточно широко. Таким образом, ограниченная по времени охрана могла бы способствовать хотя бы некоторому стимулированию творчества.

Более того, сегодня мы живем в мире, где контент становится все более одноразовым. Каждый пост в Instagram¹, каждое видео на YouTube быстро теряют свою актуальность и перестают быть в центре внимания (если вообще когда-то они были в центре внимания), после чего очень часто утрачивают свое значение. В действительности существует гораздо больше контента и/или произведений, чем любой человек мог бы потребить за всю свою жизнь. Искусство, созданное юнитами искусственного интеллекта, широко используется малыми производителями контента, часто в целях продвижения своих профилей в социальных сетях, и поэтому более короткий период охраны был бы идеален для этих граждан, которые часто больше озабочены аспектами конкуренции, чем самой охраной авторских прав. Такая ограниченная охрана позволила бы создателям сосредоточиться на своих конкурентных преимуществах, обеспечивая при этом справедливое использование контента, созданного носителями искусственного интеллекта.

Другой важный аспект, который следует закрепить в законодательстве, — это предусмотреть ответственность правообладателя за возможный плагиат, совершенный искусственным интеллектом. Очевидно, что проблемы с плагиатом, совершенным искусственными интеллектами, будут уменьшаться, но они все же могут возникать, поэтому такая ответственность должна быть предусмотрена. Такая ответственность поможет пользователям более серьезно и аккуратно пользоваться юнитом искусственного интеллекта. Это также косвенно поможет развивать методы обнаружения заимствований в изображениях, песнях и т.п. и придавать особое значение оригинальности.

С другой стороны, кажется неправильным в обсужденных нами случаях предусматривать такую охрану, как авторское право, так как нет автора и, следовательно, нет произведения, по крайней мере, в традиционном смысле этих терминов. Кроме, естественно, случаев, когда человеческий вклад значителен. Однако такие контентные можно было бы отнести к исключительному праву и охранять как интеллекту-

альную собственность. В любом случае, независимо от наличия охраны, рынок художников и музыкантов значительно сократился и, скорее всего, продолжит сокращаться. Другими словами, развитие технологий искусственного интеллекта серьезно противоречит основной цели авторского права и права интеллектуальной собственности в целом: создание стимула к инновациям и к созданию интеллектуальных произведений. Поэтому всегда есть вариант отнести такие объекты к общественному достоянию, как предложила еще в 1980-х годах Памела Самуэльсон [9].

Можно даже предусмотреть роялти для создателя юнита искусственного интеллекта в некоторых случаях (или во всех) использования созданных ими произведений. Однако кажется, что рынок не нуждается в этом, и этого не ждут владельцы подобных юнитов, вопреки мнению тех, кто считает, что права на эти объекты должны принадлежать владельцу юнита [12]. Быть может, лучший вариант — предусмотреть право правообладателя юнита ИИ требовать предусмотренный одноразовый платеж, согласно договору условий использования платформы, для того чтобы пользователь мог эксплуатировать произведение. В свою очередь, произведение охранялось бы коротким сроком, например 10 лет. Автор считает важным выходить за рамки простого размышления о том, кому будут принадлежать возможные авторские права. Почему бы в таких случаях не рассмотреть упомянутую выше единовременную выплату правообладателю юнита искусственного интеллекта, с помощью которого создан объект? Такая выплата предоставит пользователю исключительное право на использование произведения на определенный срок, даже если этот срок будет значительно меньше того, который предусмотрен для произведений, созданных преимущественно человеком.

Отмечу, что рынок создания контента частично переходит от авторского менталитета к менталитету простого предоставления услуг. Нанимают кого-то для создания произведения, будь то художник, музыкант или просто человек, умеющий написать хороший запрос (промпт), и пользователь создает произведение, которое может экономически использовать. Произведения часто имеют краткосрочное использование (как в случае маркетинговых постов в Instagram²), и охрана в этом случае не так необходима, поэтому нескольких лет вполне достаточно. Более того, создание собственного оригинального поста настолько просто, что плагиат становится менее актуальным с появлением этих новых технологий. С точки зрения предо-

¹ Принадлежит компании META, признанной в РФ экстремистской.

² См. сноску выше.

ставления услуги мы видим, что нет необходимости в широкой охране и моральных правах.

В любом случае, надо понять, что необходимо мыслить за пределами текущей парадигмы авторского права, которая, на мой взгляд, совершенно недостаточна. Не только в сфере авторского права, но и в целом, цифровая экономика требует модернизации законодательства [19]. С одной стороны, невозможно предоставить широкую охрану объектам, которые появляются миллионами в день и не нуждаются в правовой охране. С другой стороны, простое использование инструмента искусственного интеллекта не может служить предлогом для полного исключения охраны произведения, в котором имеется достаточный вклад человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права. 2nd ed. М.: Проспект, 2015. 456 с.
2. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. дис... докт. юр. наук. М., 2019.
3. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2014.
4. Комашко М.Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 42, № 3, 2022. С. 98–107.
5. Victor T. Amazon Is Being Flooded with Books Entirely Written by AI It's the tip of the Alceberg. Mayami: Recurrent Ventures Inc., 2023.
6. Knibbs K. Scammy AI-Generated Book Rewrites Are Flooding Amazon. Wired, 2024.
7. Мартинс Р.Д. Защита авторских прав в условиях цифровизации: о непрозрачности алгоритмов посредников // Цифровые технологии и право: сб. научных трудов II Международной научно-практической конференции, № 6. Казань, 2023. С. 107–111.
8. Butler T.L. Can a computer be an author-copyright aspects of artificial intelligence // Comm/Ent LS, 1981. Vol. 4.
9. Samuelson P. Allocating ownership rights in computer-generated works // U. pitt. L. rev. 1985. Vol. 47.
10. Racter. The policeman's beard is half constructed. N. Y.: Warner Books, Inc., 1984.
11. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: Типография Императорского ун-та, 1891.
12. Hristov K. Artificial intelligence and the copyright dilemma // Idea — The Journal of the Franklin Pierce Center for Intellectual Property. 2016. Vol. 57.
13. Kingdom T.U. The Copyright, Designs and Patents Act, 1988.
14. Atilla S. Dealing with AI-generated works: lessons from the CDPA section 9 (3) // Journal of Intellectual Property Law and Practice. 2024. Vol. 19, No 1, P. 43–54.
15. Lana P.D.P. Inteligência Artificial e Autoria: Questões de Direito de Autor e Domínio Público. Curitiba: IODA, 2021. 195 p.
16. Boyle J. A Manifesto on WIPO and the Future of Intellectual Property // Duke L. & Tech. Rev. 2004. Vol. 3. P. 1–13.
17. Ascensão J.D.O. Direito de autor sem autor e sem obra // Boletim da Faculdade de Direito — Universidade de Coimbra — Studia Juridica. 2008. P. 87–108.
18. AI Art and its Impact on Artists / H.H. Jiang, L. Brown, J. Cheng et al. // Proceedings of the 2023 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society, 2023. P. 363–374.
19. Беликова К.М. Особенности правового регулирования цифровой интеллектуальной экономики // Закон и право. 2018. № 8, P. 26–30.

REFERENCES

1. Bliznets I.A., Leont'ev K.B. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2nd ed. M.: Prospekt, 2015. 456 p.
2. Morkhat P.M. Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy. M, 2019.
3. Voynikanis E.A. Pravo intellektual'noy sobstvennosti v tsifrovuyu epokhu: paradigma balansa i gibkosti. M.: Yurisprudentsiya, 2014.
4. Komashko M.N. Institut avtorstva i iskusstvennyy intellekt // Trudy po intellektual'noy sobstvennosti. 2022. Vol. 42, No 3, P. 98–107.
5. Victor T. Amazon Is Being Flooded with Books Entirely Written by AI It's the tip of the Alceberg. Mayami: Recurrent Ventures Inc., 2023.
6. Knibbs K. Scammy AI-Generated Book Rewrites Are Flooding Amazon. Wired, 2024.
7. Martins R.D. Zashchita avtorshikh prav v usloviyakh tsifrovizatsii: o neprozrachnosti algoritmov posrednikov // Tsifrovye tekhnologii i pravo: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2023. Vol. 6, No 6/ Sentyabr'. P. 107–111.
8. Butler T.L. Can a computer be an author-copyright aspects of artificial intelligence // Comm/Ent LS. 1981. T. 4. P. 707.
9. Samuelson P. Allocating ownership rights in computer-generated works // U. pitt. L. rev. 1985. Vol. 47.

10. Racter. The policeman's beard is half constructed. New York: Warner Books, Inc., 1984.
11. *Shershenevich G.F.* Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniya. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Univ., 1891.
12. *Hristov K.* Artificial intelligence and the copyright dilemma // *Idea — The Journal of the Franklin Pierce Center for Intellectual Property*. 2016. Vol. 57.
13. *Kingdom T.U.* The Copyright, Designs and Patents Act, 1988.
14. *Atila S.* Dealing with AI-generated works: lessons from the CIPA section 9 (3) // *Journal of Intellectual Property Law and Practice*. 2024. Vol. 19, No 1, P. 43–54.
15. *Lana P.D.P.* Inteligência Artificial e Autoria: Questões de Direito de Autor e Domínio Público. Curitiba: IODA, 2021. 195 p.
16. *Boyle J.* A Manifesto on WIPO and the Future of Intellectual Property // *Duke L. & Tech. Rev.* 2004. Vol. 3. P. 1–13.
17. *Ascensão J.D.O.* Direito de autor sem autor e sem obra // *Boletim da Faculdade de Direito — Universidade de Coimbra — Studia Juridica*. 2008. P. 87–108.
18. AI Art and its Impact on Artists / H.H. Jiang, L. Brown, J. Cheng et al. // *Proceedings of the 2023 AAAI/ACM Conference on AI Ethics, and Society*. 2023. P. 363–374.
19. *Belikova K.M.* Osobennosti pravovogo regulirovaniya tsifrovoy intellektual'noy ekonomiki // *Zakon i pravo*. 2018. No 8. P. 26–30.

ЗНАЧИМЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ

CRITICAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE LEGAL PROFESSION

Микеланджело ПАСКАЛИ

Неаполитанский университет имени Федерико II,
Неаполь, Италия,
michelangelo.pascali@unina.it,
ORCID: 0000-0003-3490-1651

Информация об авторе

Паскали Микеланджело — доктор философии, доцент кафедры социологии права, девиантности и социальных изменений на факультете социальных наук Неаполитанского университета имени Федерико II. Научный сотрудник Междисциплинарной лаборатории по изучению мафии и коррупции LIRNAC, член Коллегии адвокатов Неаполя. Персональная страница: <https://www.docenti.unina.it/michelangelo.pascali>

Аннотация. Какова текущая и потенциальная взаимосвязь между автоматизированными средствами обработки юридически значимых данных и профессиональной деятельностью юристов? Существует ли потенциал для синергии, интеграции или чередования между классической юридической деятельностью человека и процедурно разработанными алгоритмическими процессами? Какие определения и механизмы контроля потребуются для потенциальных направлений изучения этого вопроса при условии необходимости соблюдения существующих принципов и гарантий?

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридическая защита, права, гарантии

Для цитирования: Паскали М. Значимые аспекты использования искусственного интеллекта в юридической профессии // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. с. 153–157; DOI: 10.17323/tis.2024.23979

-
-
-
-

• Michelangelo PASCALI

• University of Naples Federico II, Naples, Italy,
• michelangelo.pascali@unina.it,
• ORCID: 0000-0003-3490-1651

• Information about the author

• M. Pascali — PhD, Associate Professor of “Sociology of law, deviance and social change” at the Department of Social Sciences, University of Naples Federico II. He is a researcher for Interdisciplinary Research Laboratory on Mafia and Corruption (LIRNAC). Furthermore, he is a member of the Bar Association of Naples. Personal page: <https://www.docenti.unina.it/michelangelo.pascali>

• **Abstract.** What is the current and potential relationship between automated processing tools for legally relevant data and the performance of the legal profession? Is it possible to consider whether there is a potential for synergy, integration, or alternation between classical human legal activities and procedurally designed algorithmic processes? What definitions and control mechanisms would be required for the potential avenues of inquiry into this subject, given the need to comply with existing principles and guarantees?

• **Keywords:** Artificial intelligence, legal defense, legal profession, rights, guarantee.

• **For citation:** Pascali M. Critical Aspects of the Use of Artificial Intelligence in the Legal Profession // Trudy po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 51(4). P. 153–157; DOI: 10.17323/tis.2024.23979

Table of contents:

1. Artificial intelligence as an aid and a means of creation
2. Authorship of informatically drafted court documents
3. Is the human defensor outdated?
4. Critical issues and rules of accountability

1. Regarding the complex relationship between artificial intelligence and the legal profession, some preliminary questions can be advanced.

Firstly, it must be determined whether automated processing tools aimed at the interpretation of law, which can compare normative data and jurisprudential decisions, can be of assistance to those in the legal profession. If this is the case, it is necessary to identify the conditions under which they should be used. Moreover, if implemented, should legal algorithms be regarded solely as supplementary activities or even as substitute actions for the work of lawyers? In light of these considerations, what assumptions should be made about the extent to which it is permissible for part of legal activity to be computerized? Thus, the question arises whether and to what extent institutional control mechanisms should be implemented with a view to ensuring compliance with existing procedural principles and substantive legal guarantees.

In attempting to provide at least partial answers to these questions, in a reconstructing and explorative perspective, it can be posited that the professional activities performed by attorneys are, at least in part, defined by their technical foundations and the creative processes inherent in the practice of law. If the role of the lawyer is to present a particular party's point of view, thus contributing to the trial dialectic, and to compare and have that perspective compared with even opposing ones contributed by other parties, it is essential that the arguments put forward, whether directly or indirectly based on documentation, be subjected to a rigorous and systematic examination. This examination must take place within the formal legal system and within the decisional framework that has been shaped by the principles of jurisprudence. This interpretive activity, which encompasses both facts and norms, cannot be reduced to a mere act of compilation or verification. Rather, it should be regarded as an

- activity in itself, one that is inherently and manifestly creative. It is crucial to underscore the significance of this assumption, particularly in light of the potential disruptive implications that may arise in the context of "autonomously" algorithmic computing in new application areas [1]. Accordingly, it is important to highlight that the application of artificial intelligence to the field of jurisdiction is also making changes with regard to the complex activities carried out by lawyers, thereby also affecting the idea and practices of creativity in the legal field.

- It is important to note that the gradual consolidation of a legaltech approach with respect to the role played by lawyers can be read as a result of two factors: firstly, the availability of data of a statistical-social, economic, commercial nature, as well as very large documentation of a legal and judicial nature in digital format; and secondly, the usability of applied mathematics and information science techniques, combined with the development of machines with exponentially growing computational potential.

2. These findings raise significant questions regarding the recognition of authorship in the context of works created with the aid of artificial intelligence (AI), with respect to which some critical points should be considered. In the event that a lawyer employs such software for the purpose of generating legal documents, it is imperative that the human contribution be duly acknowledged. This can be achieved by recognizing the unique and original elements that the human input brings to the specification and personalization of the software's output. However, in accordance with the prevailing norms of copyright, the software itself or, even more so, its programmers may be granted the right to legal protection, which is inherent in the recognition of ownership for the intellectual work produced. It is also necessary at this juncture to consider the desirability (or the necessity) of entering into some sort of contractual agreement between the lawyer, the developer of the technologies in question, and the provider of the software, which would set out the conditions under which the program may be used and the authorship of the works generated by its use. In any case, if the value of such algorithmic procedures were to be reclassified as purely tools, these issues would be somewhat overcome at the outset. Nevertheless, it cannot be denied that, in the "exciting" frenzy of maximizing the benefits of the

use of artificial intelligence in the legal sphere [2] (even at the hypothetical expense of the public maintenance of professional integrity requirements¹), this use may become that which mainly determines the documentary and even procedural content of the required legal activity. At this juncture, the creative output may be perceived to be primarily attributable to the formulation of the posed questions and the subsequent verification of the electronically expressed findings. In addition to the dimension inherent to the critical capacity that is consistently present in human acting and thinking (and not in the artificial, which is flattened in the description of prediction, with an inadequacy to assume the datum of implausibility and, above all, with an inability to evaluate sharply the ethicality of something), precisely here can be traced the second place of maximum recognition of authorship (of being the true author) of the professional intellectual work accomplished. It is important to note that there is a social risk associated with the perception that these activities can be carried out by anyone. This perception can lead to a lack of clarity regarding the role of responsibility in the recognition of professional expertise and the professionalization of the activity itself. A certain objectification of responsibility is evident in the reliance on instrumentation, which is presented as both powerful and entirely reliable.

3. These issues thus pertain, in some ways, to the very activity of the lawyer carried out within the legislative and jurisprudential framework and the progressive substitution of many of his tasks.

In light of the technological opportunities that are currently available, it could be argued that the role of the lawyer is rendered superfluous². This is because the lawyer's work appears to be merely a form of packaging, or even a misappropriation of authorship, of information that is already in the form of data and has been transformed into a format that can be used to make decisions. In this scenario, the only remaining entities bearing responsibility would be the holders and objective referents of responsibility, due to their inherent profiles of guilt arising from the only theoretically implementable choice and control over what is algorithmically processed. However, the first and last originator of the proposed legal acts would not be included in this designation.

It should be noted that distrust in the fallibility of humans and the tendency to view nonhuman entities,

including machines, as inherently infallible, also plays a role in this context.

Consequently, it may be argued that human activity is almost entirely dependent on computer processing power, with the potential for true creativity, rather than merely being generative. It is evident that one might be inclined to consider the role of the lawyer as superfluous, and instead allow a non-legal official to input the data to be processed. At this juncture, it is possible to posit that the administration of justice could be carried out in an "impersonal" manner, no longer necessitating the involvement of all the practitioners of the process, including the judges themselves. It is evident that this outcome is the consequence of a simplistic perspective that fails to acknowledge the nuanced, emotionally charged work carried out by legal professionals and the inherently human aspect of judicial decision-making, which is both law-compliant and socially creative.

Furthermore, if the linguistic and intellectual distinction between humans and computers lies in the former's ability to utilize finite tools in an infinite manner, while the latter employs finite combinations of seemingly infinite elements, the misunderstanding arises from the assumption that one can precisely substitute an activity of comparison, assonance, and arrangement of the pre-existing with a productive activity of the new (based on a flawed theoretical conception of language and knowledge) [3]. In this context, rather than a replication of human thought in its original dynamics, uncritical artificial intelligence invokes patterns of cognitive connection and especially results of prior thought. Consequently, there is a risk that, by employing the statistical basis of judicial precedent in a simplistic manner, the creative element inherent in the evolution of law, which is derived from human thought, will be lost, thereby preventing the innovative effects that are produced by jurisprudence [4], whether explicitly or implicitly. Nevertheless, it is important to recognize that AI tools may reveal previously unidentified and underrepresented aspects that could be beneficial for legal professionals. Nonetheless, the potential risk in the face of the advantages deriving from automation of repetitive tasks and large-scale data analysis may be precisely that of improperly exchanging aid proposals³, necessarily instru-

¹ See, for example, Vaciago G. (ed.). *Intelligenza artificiale generativa e professione forense. La sperimentazione dell'Ordine degli Avvocati di Milano*. Milano: Giuffrè Francis Lefebvre, 2024.

² Refer to the "DoNotPay" program, an American start-up that defines itself as "the first robot lawyer in the world", see Roselli T. *Debutta in tribunale l'avvocato robot: opportunità o rischio? // Il dubbio*. 2023. January 11.

³ In this regard, there appears to be a considerable degree of expectation placed upon lawyers themselves, as reported by Censis, Cassa Forense, *Rapporto sull'avvocatura 2024, Il passo della innovazione e una ripresa da consolidare*, available at: https://www.censis.it/sites/default/files/downloads/RAPPORTO%20AVVOCATURA_2024_0.pdf, p.54 ss. (see Morelli C. *Intelligenza artificiale: per il 58,7% degli avvocati è un'opportunità*. <https://www.altalex.com/documents/news/2024/05/09/intelligenza-artificiale-per-58-percento-avvocati-opportunita>).

mental, coming from this sort of “code-lawyers.” This is also taking into account the traits of immediacy and the orality characteristics of the procedural rite, especially criminal, as well as the constitutionally inescapable human work in the matter of establishing principles.

4. It is also essential to highlight some critical issues pertaining to the fundamental assumptions underlying the use of the instruments in question.

Firstly, the technical and specialized expertise that lies at the origin and is enhanced through the design and development actions of automation and artificial intelligence devices (which may include symbolic, statistical, generative) is held asymmetrically and largely oligopolistically by market actors. It would be prudent to consider the potential involvement of institutional advocacy in digital design, particularly in the context of “co-design” [5] for program settings that have a direct impact on the jurisdiction. This could involve defining the criteria for quality and security in the analysis and use of socio-judicial information that becomes operational data, with the aim of ensuring the effectiveness of the guarantees formally provided⁴. This could, to some extent, offset the trend towards enhancing work efficiency and reducing costs by compromising extensive areas of privacy and confidentiality.

Furthermore, the personalization of legal activity, which has traditionally been characterized by originality and, even more so, the personalization of its content relative to the subjects it addresses, encounters patterns of standardization of decisional addressing procedures and tendencies to place their results in a median position. The outcomes in question should be subject to careful scrutiny and monitoring by the bar, not least to ensure that they do not lead to any potential misuse.

A related topic is the discussion of the control that can and should be exercised over professional activities conducted through algorithmic tools of this kind⁵. Notwithstanding the hypothetical variety of ways in which this can be implemented, it cannot be ruled out that, even for said activity, computerized procedures of verification could be used, which would make (at least in part) the control carried out on acts that are themselves the result

⁴ It is also noteworthy that the Italian bar's institutional representative body is engaged in deliberations regarding the potential establishment of a control system to certify the use of artificial intelligence applications in law firms (see: Si è aperto il G7 delle Avvocature a Roma sull'intelligenza artificiale, <https://www.consiglionazionaleforense.it/web/cnf-news/-/24697-273>).

⁵ It is worthwhile to recall the well-known case concerning U.S. attorneys who were sanctioned for producing in court a pleading containing nonexistent court records. This was done through their use of the “ChatGPT” program, which is worthy of further reflection, *Bechini U. L'intelligenza artificiale, i notai e l'avvocato Schwartz // Notariato. 2023. No 6. P. 610.*

of generative automation “automated”, generating a short circuit of information that would be difficult to resolve.

It is possible to place certain cautions on these points. Indeed, in the European Federation, the bar associations have drawn up certain guiding canons that are, at least in part, binding (and bring back the need to reflect on possible integrations and modifications of the deontological codes in force in the various countries). These canons pertain to the use of artificial intelligence mechanisms in the legal profession. In June 2023, the New Technologies Commission of the European Bars Federation (Fédération des Barreaux d'Europe) proceeded to elaborate seven guidelines with the objective of ensuring the responsible and informed use of these technologies. In order to safeguard ethical parameters and protect client confidentiality, these guidelines address a number of specific concerns, including an understanding of the technology in question, awareness of its inherent limitations, keeping abreast of relevant regulations, integration with human skills, respect for professional secrecy, protection of personal data, and transparent communication with clients. These indications, however, appear to address only some of the existing problems and do not provide a comprehensive understanding of the creative potential of such tools. It seems prudent to note, despite concerns about job security, that the use of artificial intelligence will not replace the lawyer's professional judgment, critical capacity, and competence. This reiterates the inescapable specialized evaluative discretion for resolving both technical and ethical issues. For automated processing systems, respect for ethical standards can only be activated by prohibitions that, in effect, prevent any discussion of the matter.

However, it is important to note that the convenience of using certain tools in operational contexts may lead to concrete practices of slavish “accommodation” with respect to the results⁶, even in probabilistic terms, returned by generative algorithms. This is a matter that warrants careful consideration, particularly given the fact that artificial intelligence algorithms are capable of operating through decision-making processes that are “impenetrable” with respect to their full understanding and explanation. This raises significant concerns about the transparency and interpretability of their outputs, particularly in legal contexts where it is of paramount importance to fully understand the procedures and reasons that underpin any given decision.

Furthermore, if it is commonly agreed that, in the event of potential liability, lawyers who utilize such systems must do so at their own discretion, in accordance

⁶ It is posited that speed and simplification in themselves represent vehicles of efficient reliability: cf. Vari D. A che servono gli avvocati, ora ci pensa Alexa... // Il dubbio. 2022. August 1.

with the instructions provided by the manufacturer, and without modifying the programs, altering their operation, or introducing different input data. It can be observed that this regulatory framework, rather than potentially relieving the lawyer of responsibility, seeks to hold the producers and suppliers of the relevant computer programs accountable. This may result in a limitation of the lawyer's autonomy in organizing settings and expanding the complexity of legal computation. While modifications to the program may potentially compromise its reliability, thereby rendering the aforementioned rules generically logical, it is nevertheless evident that these programs do not offer any guarantees of certainty in light of the increasing tightening of the originality of forensic activity (which remains irreplaceable, even from an ethical standpoint, but is informatically constrained). Instead, there is a shift towards broader delegations of computational rationality.

Nevertheless, the most crucial challenge lies in establishing procedures to assist the legal profession, which is confronted with novel developments with essential awareness and questionable competence.

Even if one resolves, with regard to the distinction between civil law and common law legal systems, the distinction between deductiveness and inductiveness in the elaborative process of artificial intelligence (where only the former could theoretically reduce the risk of socio-cognitive bias), the question of defining and arranging the rules of legitimacy and proceduralism remains.

It can be argued that inductively there is a greater tendency to perpetuate distortions (and therefore potential injustices) than can be deductively inferred from the general principles of law and legislation under consideration. However, it is important to recognise the inescapable aspect of qualification of reality, which can be equally susceptible to distortion. It can be argued that inductively there is a greater tendency to perpetuate distortions (and therefore potential injustices) than can be deductively inferred from the general principles of law and legislation under consideration. However, it is important to recognise the inescapable aspect of qualification of reality, which can be equally susceptible to distortion.

In light of these considerations, it seems reasonable to suggest that the aforementioned issues must also be viewed through the lens of a tendency to rely on legal processes of cognitive elaboration that are characterized by a substantial absence of classical responsibility. This is to say that such processes are founded upon a mechanical capacity to will, which is associated with an inability to intend, within an inclination to make technique the expression of a calculating thought that is divorced from emotions and feelings. This, in turn, serves as the engine of institutional functions.

REFERENCES

1. *Grimolizzi G.* Lucilla Gatt: "In Italia finora non si è andati oltre l'uso della digitalizzazione del dato legale" // *Il dubbio*. 2023. October 23.
2. *Cf. Morelli C.* Intelligenza artificiale. Essere avvocati nell'era di ChatGPT. Maggioli: Santarcangelo di Romagna, 2024.
3. *Chomsky N., Roberts I., Watumull J.* The False Promise of ChatGPT // *The New York Times*. 2023. March 8.
4. *Grimolizzi G.* L'IA non va subito ma governata, o il linguaggio giuridico perderà la propria ricchezza // *Il dubbio*. 2023. October 23.
5. *Piana D., Viciconte G.* Un'intelligenza artificiale attenta ai diritti? Sì, se controllata dagli avvocati // *Il dubbio*. 2023. October 23.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ» В 2024 г.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Абрамов С.А. Нематериальное этнокультурное достоинство регионов России в контексте медиаправа — 2024. № 3. Т. 50. С. 30–38.
- Асадов А.Г. Особенности правового статуса молодого ученого в Российской Федерации — 2024. № 2. Т. 49. С. 47–61.
- Войниканис Е.А. Регулирование интернет-контента в контексте правовых и внеправовых глобальных тенденций — 2024. № 4. Т. 51. С. 27–36.
- Дискин Е.И. Проблема «цифровой отмены» граждан России — 2024. № 3. Т. 50. С. 39–48.
- Жарова А.К. Интеллектуальные системы распознавания образов и смысла в системе предупреждения преступлений — 2024. № 2. Т. 49. С. 16–23.
- Кандыба Я.В. Обзор правового регулирования аудиовизуальных сервисов в России — 2024. № 2. Т. 49. С. 38–46.
- Краснов М.А. Государство и общество: преодолеть «наследственность» — 2024. № 4. Т. 51. С. 18–26.
- Маммадрзали Ш.С. Международное право в сфере устойчивого развития: аспекты медиаправа — 2024. № 2. Т. 49. С. 8–15.
- Матыцин Ф.О. Цифровая валюта: опыт России и Китая — 2024. № 2. Т. 49. С. 30–37.
- Наумов В.Б. Право и цифровое сохранение культурного наследия — 2024. № 4. Т. 51. С. 37–50.
- Нахушев А.А. Перспективы интеграции информационно-коммуникационных технологий в сферу государственного управления как механизм ее реконструкции — 2024. № 3. Т. 50. С. 49–56.
- Паскали М. Социально-технологические аспекты правонарушения и роль права — 2024. № 1. Т. 48. С. 29–35.
- Пащенко И.Ю., Потапенко С.В. Цифровизация гражданского оборота: утилитарные цифровые права и инвестирование — 2024. № 1. Т. 48. С. 36–42.
- Перепелица Е.В. Функциональный ресурс сетевых коммуникаций и общественно-государственное взаимодействие — 2024. № 3. Т. 50. С. 20–29.
- Потапенко С.В. Информационная открытость судов как правовая гарантия общественного контроля за функционированием судебной власти — 2024. № 2. Т. 49. С. 24–29.
- Саидов А.Х. Правовые основы защиты прав человека в условиях цифровизации (опыт Узбекистана) — 2024. № 4. Т. 51. С. 51–57.
- Талимончик В.П. Международная институциональная конкуренция как препятствие формированию системы международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем — 2024. № 3. Т. 50. С. 8–19.
- Тедеев А.А. Информационное (цифровое) право в высшей школе на постсоветском пространстве (на примере Российской Федерации и Кыргызской Республики) — 2024. № 4. Т. 51. С. 58–65.
- Федотов М.А., Наумов В.Б., Дейнеко А.Г., Тытюк Е.В. Право на отказ от цифровых технологий: результаты экспертного опроса — 2024. № 1. Т. 48. С. 8–28.
- Цветкова Н.Б. Правовое регулирование взаимодействия государства и институтов гражданского общества: Укрепление традиционных ценностей — 2024. № 2. Т. 49. С. 62–68.
- Штодина Д.Д. «Нейропространство» и права человека: дискуссионные аспекты — 2024. № 4. Т. 51. С. 66–79.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

- Агамагомедова С.А. Таможенный контроль товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности: направления цифровизации — 2024. № 3. Т. 50. С. 83–91.
- Близнец И.А., Витко В.С. Новые взгляды на право интеллектуальной собственности, предложенные в концепте общей теории авторств — 2024. № 1. Т. 48. С. 43–61.
- Будник Р.А., Гурьянов В.В., Евлак Е.Г. Нейросетевая визуализация как новый тренд дополнительной монетизации стриминговой музыки инди-артистов — 2024. № 4. Т. 51. С. 80–122.
- Бузова Н.В. Использование объектов авторского права и смежных прав на цифровых платформах и сервисах — 2024. № 4. Т. 51. С. 133–142.
- Вартанов А.С. Защита авторских прав на формат онлайн-шоу — 2024. № 2. Т. 49. С. 109–117.
- Витко В.С. Аннотации произведений: правовая природа и возможности установления права их свободного использования — 2024. № 2. Т. 49. С. 89–95.

- Давтян А.М. Модный показ как объект авторского права — 2024. № 1. Т. 48. С. 86–93.
- Джрагацпаян А.Г. Правовая природа компьютерных игр как комплексных объектов права интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой анализ — 2024. № 3. Т. 50. С. 99–106.
- Зверев М.О. Правовой анализ лицензионных соглашений к MMORPG — 2024. № 1. Т. 48. С. 94–104.
- Иванова Д.В. Использование объектов авторского права в сфере медиа: отдельные аспекты гражданско-правовой ответственности — 2024. № 3. Т. 50. С. 92–98.
- Ивлиев Г.П. Развитие института авторства в промышленной собственности — 2024. № 2. Т. 49. С. 69–73.
- Каминская Е.И., Штодина И.Ю., Штодина Д.Д. Охрана авторских прав: космополитизм международного частного права РФ на фоне коллапса международного права — 2024. № 1. Т. 48. С. 62–73.
- Каминская Е.И., Щербаков А.А. Еще раз о правах интеллектуальных и вещных. Так ли непреодолима разделяющая их грань? — 2024. № 4. Т. 51. С. 123–132.
- Комашко М.Н. J привилегии творчества, которой не существует (и о вопросах, которые из этого вытекают) — 2024. № 1. Т. 48. С. 74–85.
- Костин А.В. Метод объективного расчета роялти для судебных экспертиз и сделок — 2024. № 3. Т. 50. С. 107–117.
- Мэггс П.Б. Интеллектуальная собственность в сфере медицины: вопросы жизни и смерти — 2024. № 3. Т. 50. С. 70–73.
- Наумов В.Б. Построение и автоматизация бизнес-процессов управления правами на технологии — 2024. № 3. Т. 50. С. 57–69.
- Оморев Р.О. Авторские права и индексы цитирования на научные публикации ученых и специалистов — 2024. № 2. Т. 49. С. 82–88.
- Покровская А.В. Исследование опыта Китая в области защиты прав интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциям — 2024. № 2. Т. 49. С. 96–108.
- Сергеев А.П. о состоянии российского законодательства по интеллектуальной собственности и возможных путях его развития — 2024. № 2. Т. 49. С. 74–81.
- Ульбашев А.Х. Личность автора в эпоху искусственного интеллекта: уроки общей теории авторства — 2024. № 3. Т. 50. С. 74–82.
- Де Апро С.В. Критерии творчества для искусственного интеллекта — 2024. № 3. Т. 50. С. 129–134.
- Комашко М.Н. ChatGPT, текст, информация: критический анализ — 2024. № 3. Т. 50. С. 118–128.
- Мартинс Р.Д. Авторство без автора: правовые аспекты произведений, созданных ИИ — 2024. № 4. Т. 51. С. 143–152.
- Паскали М. Критические аспекты использования искусственного интеллекта в юридической профессии — 2024. № 4. Т. 51. С. 143–152.
- Плетнева Е.И. Проблема сохранения авторских прав в маркетинговых исследованиях: Новые вызовы в эпоху искусственных нейронных сетей — 2024. № 1. Т. 48. С. 153–157.
- Савченко Е.А., Семенов С.В. Особенности предоставления информации с использованием рекомендательных систем как субтехнологии искусственного интеллекта — 2024. № 2. Т. 49. С. 118–123.
- Чернышов М.С. Проблема распределения интеллектуальных прав на произведения, сгенерированные искусственным интеллектом — 2024. № 2. Т. 49. С. 124–137.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

- Бугреева А.В. К вопросу о необходимости трансформации авторского права в современной парадигме развития искусственного интеллект — 2024. № 1. Т. 48. С. 105–112.

**О Кафедре ЮНЕСКО
по авторскому праву, смежным,
культурным и информационным
правам НИУ «Высшая
школа экономики»**

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно — «Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ») создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) от 7 августа 2020 г.

Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, созданной по инициативе Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг., Чрезвычайного и Полномочного посла РФ в отставке, доктора юридических наук, профессора М.А. Федотова. Соглашение о создании Кафедры ЮНЕСКО на базе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ, ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова) было подписано 12 июня 1998 г. В 2009 г. Кафедра по согласованию с Секретариатом ЮНЕСКО была передислоцирована в Высшую школу экономики.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития междууниверситетского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более 830 кафедр и 20 специализированных кафедральных сетей в 110 странах.

Во всем мире кафедры ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между университетами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. основополагающим принципом программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО иницируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ специализируется в областях авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Кафедры осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, а также с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Разносторонняя исследовательская, образовательная, просветительская, законопроектная, консультационная и экспертная деятельность Кафедры ЮНЕСКО в сферах свободы творчества и свободы выражения мнений,

правовых и этических аспектов информационного плюрализма, развития информационного общества, многоязычия в киберпространстве, преодоления цифрового неравенства, технологий трансгуманизма, влияния искусственного интеллекта на институты права и общественное развитие требует стабильного функционирования открытой дискуссионной площадки для обмена мнениями, обсуждения идей, передачи и популяризации знаний.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности» (Works on Intellectual Property) (www.tis.hse.ru). У его истоков стояли такие выдающиеся российские правоведы, как И.Л. Бачило, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, М.А. Федотов и их зарубежные коллеги Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CIPR), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) и др.

Журнал публикует научные статьи и аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. В числе тем, привлекающих внимание авторов и читателей журнала, — актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма.

Журнал выпускается на основании Соглашения между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Входит с 2014 г. в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК при Минобрнауки России). Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Свежий номер и архив журнала доступны на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://hse.ru/unesco/tis>, а также на странице журнала <https://tis.hse.ru/>.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ «Высшая школа экономики» выпускает также ежемесячный информационный бюллетень «Среда», который бесплатно рассылается в электронном виде по подписке. Бюллетень содержит информацию о вступающих в силу нормативных правовых актах, о проектах новых законов, указов и постановлений, о прецедентных судебных решениях, о прошедших и предстоящих научных конференциях, семинарах, форумах и т.д.

Контакты Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ:
109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;
тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;
www.hse.ru/unesco/
tis@hse.ru

About the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at HSE University

The International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights” (abbreviated as “UNESCO Chair at the HSE University”) was built by the decision of the Academic Council of the HSE University in October 2020 under the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics (HSE University) dated August 7, 2020.

The Center traces its history back to the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights, established by initiative of the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO in 1993–1998, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation (ret.), Doctor of Legal Sciences, Professor Mikhail A. Fedotov. The Agreement on the organization of the UNESCO Chair based on the A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics (IMPE, now — A.S. Griboyedov Moscow University) was signed on June 12, 1998. In 2009, the Chair, on the UNESCO Secretariat approval, was relocated to the HSE University.

The UNESCO Chair is a scientific and educational structural subdivision of the HSE University. It participates in the worldwide network of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program. The program works based on the decision of the 26th session of the General Conference of UNESCO (1991). The Program focuses on inter-university cooperation at the global and regional levels of education, science, culture, and communication. The UNITWIN/UNESCO Chairs Program currently unites more than 830 Chairs and 20 specialized chair networks in 110 countries.

All over the world, UNESCO Chairs, acting in the spirit of academic solidarity, stimulate sustainable ties between universities and institutions, governments, local authorities, business circles, civil society, etc. The fundamental principle of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program is an equal partnership of universities, which, through the UNESCO Chairs, initiate and implement various projects within its framework, respecting university autonomy and academic freedom.

The UNESCO Chair at the HSE University specializes in copyright, neighboring, cultural and information rights, including the legal regulation of cyberspace, artificial intelligence technologies, and transhumanism. The Chair cooperates with the relevant divisions of the UNESCO Secretariat, particularly the Sector of Culture and the Sector of Information and Communication. The Chair cooperates with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education and the Commission of the Russian Federation for UNESCO.

The UNESCO Chair realizes versatile research, education, consulting, and expert activities in the field of freedom of creativity and freedom of expression, legal and ethical aspects of information pluralism. The Chair works on the progress of the informational society and multilingualism in cyberspace. The Chair toils on overcoming the digital divide, transhumanism technologies, and the impact of artificial intelligence on social and legal institutions. All this requires the stable functioning of an open discussion platform for the exchange of opinions, discussion of ideas, transfer and popularization of scientific knowledge.

Since 1999, the UNESCO Chair has published a quarterly scientific and analytical journal named *Works on Intellectual Property* (www.tis.hse.ru). Its origins were such prominent Russian jurists as professors Illariya L. Bachilo, Mikhail M. Boguslavsky, Eduard P. Gavrilov, Viktor A. Dozortsev, Alexander P. Sergeev, Mikhail A. Fedotov, and their foreign colleagues Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) and others.

The journal publishes scientific articles and analytics, book reviews, and expert opinions on a wide range of IP problems and the modern information ecosystem. Among the topics that attract the attention of the authors and readers of the journal are topical issues of copyright and neighboring rights, other intellectual property rights in the context of digitalization, as well as cultural and information rights in the context of UNESCO conventions and recommendations. The list embraces human rights in the digital age, legal regulation of cyberspace, mass communications, digital platforms and ecosystems, artificial intelligence technologies, and transhumanism.

The journal published based on the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics. Since 2014 the journal presented in the List of peer-reviewed scientific publications publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science for the degree of Doctor of Science (the List of Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia). The journal presenyed in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The latest issue and archive of the journal are on the website of the UNESCO Chair: <https://hse.ru/unesco/tis>; and on the journal web page <https://tis.hse.ru/>.

The UNESCO Chair at the HSE University also publishes a monthly newsletter "Sreda", distributed free of charge in electronic form by subscription. The newsletter contains information about normative legal acts coming into force, drafts of new laws, decrees and resolutions, precedent judicial decisions, past and upcoming scientific conferences, seminars, forums, etc.

Contacts of the UNESCO Chair at the HSE University:
109028, Moscow, B. Trekhsvyatitelsky per., 3, room. 436;
tel./fax +7(495) 772-95-90 * 23017;
website: www.hse.ru/unesco/
e-mail: tis@hse.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК
